Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Электронный сборник материалов
XIII Республиканской научно-практической конференции
студентов, магистрантов и молодых ученых

Брест, 23 апреля 2021 года

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2021

ISBN 978-985-22-0298-5

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2021

Об издании – 1, 2

1 – сведения об издании

УДК 94(476)(082)+099.5
ББК 63.3(0)я43

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук, доцент **Е. А. Бурик**
кандидат исторических наук, доцент **Е. И. Пашкович**
кандидат исторических наук, доцент **Е. С. Розенблат**
старший преподаватель **В. Ю. Пилипович**

Рецензенты:
заведующий кафедрой гуманитарных наук
УО «Брестский государственный технический университет»,
кандидат исторических наук, доцент **Т. В. Лисовская**

доцент кафедры истории славянских народов
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
кандидат философских наук, доцент **Л. П. Никитенкова**

Историческая наука: достижения, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] : электрон. сб. материалов XIII Респ. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и молодых ученых, Брест, 23 апр. 2021 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол. Е. А. Бурик [и др.]. – Брест : БрГУ, 2021. – 161 с. – Режим доступа: https://lib.brsu.by/node/1863.
ISBN 978-985-22-0298-5.

В сборник включены доклады, посвященные широкому кругу актуальных проблем истории Беларуси, всемирной истории, исторической памяти, устной истории, урбанистики, этнографии и археологии.
Адресуется обучающимся учреждений образования, преподавателям, а также работникам сферы культуры и государственного управления.
Разработано в PDF-формате.

УДК 94(476)(082)+099.5
ББК 63.3(0)я43

Текстовое научное электронное издание

Системные требования:
тип браузера и версия любые; скорость подключения к информационно-телекоммуникационным сетям любая; дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2021

<u>2 – производственно-технические сведения</u>

- Использованное ПО: Windows 10, Microsoft Office Word 2010;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, технический редактор Н. И. Кравчук, компьютерный набор и верстка Н. И. Кравчук;
- дата размещения на сайте: 19.10.2021;
- объем издания: 2,70 Мб;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.brest.by.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Вацура П. Г. О случайных находках солидов XVII в. 6
Галиновский И. В. Ножи XVI–XIX вв. из поселения Радомля 10
Поджаров В. М. Погребальные памятники X–XIII вв. на территории Быховского Поднепровья 12
Подобед П. А. Погребальные памятники X–XIII вв. Чериковского и Чаусского районов Могилевской области 16
Ткачева М. В. Керамика V–VII вв. из городища Змеевка (Пелагеевское городище) 20
Шаталович Н. В. Немецкая археологическая школа: основные достижения в конце XIX – начале XX в. 23

ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Гугнюк А. А. Асаблівасці гендарнай сацыялізацыі дзяўчат у традыцыйнай заходнепалескай вёсцы 27
Жукаў Д. В. Вобраз падарожнага бога ў этыялагічных легендах беларусаў Падзвіння 30
Ігнацюк Т. А. Летні цыкл традыцыйнай каляндарнай абраднасці сяла на Кобрыншчыне ў 30–50-я гг. XX ст. 33
Куксёнок М. В. Воспоминания как источник по изучению истории Новополоцка 39
Павлюковец М. Г. Специфика этнографического исследования городского социокультурного пространства 43
Руденко А. С. Детство в контексте семейной повседневности сельских жителей Кобринщины во второй половине 40-х – 70-х гг. XX в. (на материалах устной истории) 46
Сахарчук Н. В. Религия в повседневной жизни как исследовательская проблема 52
Цыганкова А. С. Традыцыйная калядная абраднасць і формы яе рэпрэзентацыі культурнымі ўстановамі Віцебшчыны на сучасным этапе 57

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Згірскі Ю. І. Інцыдэнты на польска-савецкай мяжы ў раёне дыслакацыі 2-й памежнай роты “Гняздзілава” 61
Кардаш М. Д. Месцазнаходжанне летапіснай Літвы: падыходы даследчыкаў 64
Карлович Я. А. Мероприятия по активизации сферы международного туризма на Брестчине в начале 1960-х гг. 70
Корольчук Н. Н. Общественно-культурные связи Беларуси и Германии в 1990-е гг. на примере Брестской области 74

Кудласевич В. Г. Экспертные заключения Совета по делам религий как источники по истории неохристианских новых религиозных движений на территории Республики Беларусь в 1990-е гг. 78
Медведь О. В. Труд заключенных в пенитенциарных учреждениях Полесского воеводства (1921–1939) 81
Хотько Д. Ю. Международная помощь Республике Беларусь в преодолении последствий чернобыльской катастрофы 84
Шедько Е. А. Деятельность БССР в рамках выполнения программ ЮНЕСКО 88

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Бурко Г. А. Боевой путь Евгениуша Горбачевского, летчика-истребителя Королевских военно-воздушных сил Великобритании 94
Гуцевич А. В. Исторические корни психологии самурая 98
Зялевіч П. Ю. Папярэднікі сучасных якудза – тэкія і бакута 102
Зялевіч П. Ю. Туркменістан і нацыянальна-тэрытарыяльнае размежаванне ў Цэнтральнай Азіі пачатку 1920-х гг. 107
Калинина Е. А. Трудоустройство эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны в тылу (на примере г. Уральска) 112
Кандраценка А. С. Асаблівасці правядзення перапісу насельніцтва 1940 г. у Славацкай Рэспубліцы ў дачыненні да нацыянальных меншасцей 117
Корунец Д. А. Мюзик-холлы – пропаганда без декрета 121
Краснюк А. О. Генезис теологии освобождения 125
Лузгина И. О. Политика Партии справедливости и развития в отношении турецких курдов (2002–2021 гг.) 129
Новорай Е. И. Польско-украинская русофобия: причины и последствия 133
Сидорович Е. А. Положение евреев в христианской части средневековой Испании (X–XV вв.) 137
Чернякевич С. М. Истоки германской колониальной экспансии 140

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Жук С. А. Аднаўленне аспірантуры АН БССР у другой палове 1940-х гг. 145
Ігнацюк А. А. Школа і адукацыя ў штодзённым жыцці сялян Кобрыншчыны ў 30-я – першай палове 40-х гг. XX ст. (на прыкладзе в. Балоты) 149
Самандык Д. А. Уплыў савецкага кінематографа на выхаванне вучняў у савецкіх школах у 1930–1953 гг. 154
Свентуховская Г. В. Рабочие листы как форма структуризации учебного текста в процессе историко-обществоведческого образования ... 158

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902/904

П. Г. ВАЦУРА
Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова
Научный руководитель – А. М. Авласович, канд. ист. наук

О СЛУЧАЙНЫХ НАХОДКАХ СОЛИДОВ XVII В.

В статье рассматриваются монеты, необходимые для общего понимания развития денежной системы на территории Беларуси в XVII в. Описывается обнаруженный нумизматический материал, его роль в истории и современное значение.

Зимой 2021 г. в ходе ремонтных работ главного корпуса Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова были обнаружены монеты времен Речи Посполитой в количестве семи единиц.

Настоящая статья посвящена введению в широкий научный оборот обнаруженного нумизматического материала.

К сожалению, попытки установить археологический контекст и обстоятельства обнаружения указанных монет не увенчались успехом. После первоначального осмотра удалось установить, что все обнаруженные монеты относятся к литовским солидам и использовались в денежном обороте в XVII в. Начало их распространения связано с периодом правления Яна II Казимира. Дата начала чеканки – 1650 г., завершения – 1685 г. Обнаруженные монеты отчеканены из медного сплава.

Таким образом, сопоставив наши находки с аналогами, удалось точно установить их номинал и дать детальную характеристику:

1) литовский солид 1661 г.: лиц. ст. – всадник с мечом «Погоня»; об. ст. – изображение Яна II Казимира, надпись «CAS.REX». Выявлено два типа всадника (рисунок 1);

2) литовский солид 1663 г.: лиц. ст. – всадник с мечом «Погоня», надпись по кругу «…LIT.1663»; об. ст. – не читаема;

3) польский солид 1663 г.: лиц. ст. – орел, смотрящий вправо (по геральдике); об. ст. – не читаема (рисунок 2);

4) литовский солид 1664 г.: лиц. ст. – всадник с мечом «Погоня», под «Погоней» находятся инициалы Иеронима Крышпин Киршенштейна, надпись по кругу «MAC.SO…»; об. ст. – изображение Яна II Казимира, надпись по кругу «CAS.REX.IOAN»;

5) литовский солид 1665 г.: лиц. ст. – всадник с мечом «Погоня», под «Погоней» находятся инициалы Иеронима Крышпин Киршенштейна,

надпись по кругу «SOLI.MAG.DVC.LIT.1665»; об. ст. – не читаема (рисунок 3);

6) литовский солид 1667 г.: лиц. ст. – всадник с мечом «Погоня», надпись по кругу «SOLI.MA...LI...67»; об. ст. – изображение Яна II Казимира, надпись по кругу «CA… IOAN»;

7) бракованный солид: лиц. ст. – надпись по кругу «NAOI»; об. ст. – «IOAN» (рисунок 4).

Рисунок 1 – Литовский солид 1661 г.

Рисунок 2 – Польский солид 1663 г.

Рисунок 3 – Литовский солид 1665 г.

Рисунок 4 – Бракованный солид

Установить, какой именно монетный двор их отчеканил, не представляется возможным. Однако немаловажны исторический контекст их появления и связь с денежной реформой, после которой данный тип монет начал распространяться [1, с. 87–110].

С конца XVI в. в Речи Посполитой начали проявляться кризисные явления в политической и экономической сферах. К середине XVII в. ее положение сильно ухудшилось. Прежде всего это было связано с отсутствием сильной монархической власти. Немаловажное значение имели и внешние факторы: постоянные войны с укрепляющимся Московским государством и Шведским королевством. Политическая система и административный аппарат были слабоэффективными, так как не могли своевременно принимать важные стратегические решения. Также нельзя забывать о том, что каждый шляхтич на сейме имел право «*либерум вето*». В совокупности эти факторы постепенно приводили Речь Посполитую в упадок. Обозначенные кризисные явления требовали проведения ряда реформ, в том числе и экономических.

Впервые на территории тогда еще не существовавшей Речи Посполитой билонный солид появился еще в 1547 г., чеканился в Гданьске. После объединения Великого княжества Литовского и Королевства Польского до 1659 г. солид как мелкая денежная единица был распространен только на территории Королевства Польского. 22 марта 1659 г. на Варшавском сейме было утверждено постановление «*О битье монеты*», после которого медные солиды получают распространение и на территории ВКЛ. При этом монеты для Королевства Польского и ВКЛ отличались изображением на аверсе, но имели одинаковое значение на обеих территориях. Для Польши на аверсе изображался орел, а для ВКЛ – всадник с мечом «Погоня».

Солиды были предназначены для частичной замены злотого, так как в государстве наблюдалась резкая нехватка последнего. По плану их создателя, итальянского ученого Тита Боратинни, они должны были вытеснить зарубежные валюты и укрепить позиции польского злотого. Он заверил сейм, что солид спасет страну и его очень трудно подделать из-за больших затрат на его контрабанду.

Однако на практике все оказалось иначе, фальшивомонетчики из Силезии и Саксонии активно занимались чеканкой фальшивого солида. Однако он не получил той популярности, которую обещал Боратинни. Более того, государство получило еще больше долгов из-за потраченных денег на его производство. Сам Боратинни и люди, которым поручили чеканку солида, были осуждены и вынуждены чеканить 4 млн злотых для выплаты долга. Простой люд изначально невзлюбил солиды, так как не понимал цены медного солида и не воспринимал его за денежную единицу. Из-за того, что солид имел низкий номинал, людям приходилось носить огромные тяжелые кошельки. Важно учесть тот факт, что фальшивые солиды были распространены так же, как и официальные. В народе солиды прозвали «боратынчиками».

Таким образом, можно сделать вывод, что обнаруженные монеты являлись важной частью денежной системы Речи Посполитой второй половины XVII в. и имеют интересную историю. Они были совершенно непригодны для совершения крупных финансовых сделок, но широко применялись в мелких денежных операциях в связи с их небольшим номиналом. Их ценность для нумизматической науки выражается в материальном подтверждении записей в письменных источниках [2, с. 208–227].

Список использованной литературы

1. Бектенеев, Ш. И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках: нумизматические исследования / Ш. И. Бектенеев ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 508 с.

2. Рябцевич, Н. В. Нумизматика Беларуси / Н. В. Рябцевич. – Минск : Полымя, 1995. – 685 с.

К содержанию

УДК 903.211.8(476.4)

И. В. ГАЛИНОВСКИЙ
Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова
Научный руководитель – И. А. Марзалюк, д-р ист. наук, профессор

НОЖИ XVI–XIX ВВ. ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ РАДОМЛЯ

В статье рассматриваются ножи XVI–XIX вв. из поселения Радомля. Определены их основные морфологические признаки, а также виды сырья, из которых изготовлены ножи.

В 2007 г. под руководством И. А. Марзалюка обследовано поселение около Радомли (в настоящее время д. Радомля Чаусского района Могилевской области). В ходе проведенных раскопок Радомльского городища в верхних горизонтах культурного слоя, который датируется XVI–XIX вв., найдены четыре ножа. Согласно типологии, разработанной Г. Н. Сагановичем, все ножи относятся к типу III – бытовых универсальных ножей, затем делятся на категории. К категории «А» относятся три ножа, один нож относится к категории «Б».

Нож № 1. Нож железный, кованный, однослойный, сильно коррозированный, с одной рабочей поверхностью (однолезвийный), черенок деформирован. По всем морфологическим признакам нож относится к категории «А» типа III.

Длина ножа 16,8 см. Длина лезвия 12,5 см. Высота лезвия у его начала 1,5 см и к концу лезвия уменьшается до 1,5 мм. Ширина рабочей поверхности лезвия неравномерна и составляет 1,5 мм у начала и 0,8 мм у конца лезвия. Ширина спинки лезвия в его начале составляет 2,9 мм и уменьшается до 1,5 мм к его концу.

Длина черенка 4,3 см. Черенок отходит от середины лезвия, механически отогнут в правую сторону на 90°. Высота черенка у его основания 2,8 см, затем уменьшается до 0,7 см к концу. Датируется XVIII – началом XIX в. [2, с. 38, 133].

Нож № 2. Нож железный, кованный, однослойный, сильно коррозированный, с одной рабочей поверхностью (однолезвийный). По всем морфологическим признакам нож относится к категории «А» типа III.

Длина ножа 7,8 см. Часть лезвия сильно деформирована. Ширина лезвия у начала 2,2 мм и уменьшается к концу до 1,5 мм. Ширина спинки лезвия у начала 4 мм и уменьшается к концу до 1,5 мм. Высота лезвия у его начала 1,4 см и уменьшается к концу до 3,6 мм.

Черенок частично обломан, остались следы пакетной сварки, что может свидетельствовать о ремонте ножа после обломанного черенка ранее. Датируется XVIII в. [2, с. 38, 134].

Нож № 3. Нож стальной, кованный, однослойный, сильно коррозированный. Лезвие сильно деформировано, черенок отсутствует. По морфологическим признакам нож относится к категории «А» типа III.

Длина ножа (сохранившейся части) 11,2 см. Ширина рабочей поверхности лезвия в начале 1,3 мм и к концу составляет 1 мм. Ширина спинки лезвия у его начала 9,4 мм и к его концу 1,8 мм. Высота лезвия варьируется от 2 см у начала лезвия до 1,8 у его конца. Датируется XVI–XVII вв. [2, с. 38, 131].

Нож № 4. Нож стальной, кованный, однослойный, сильно коррозированный, у начала черенка наварены две медные пластины. По морфологическим признакам нож относится к категории «Б» типа III.

Длина ножа 10,4 см. Длина лезвия 7,1 см. Ширина рабочей части лезвия равномерна и варьируется в пределах 1,2 и 1,1 мм. Ширина спинки лезвия у его начала 3,1 мм и уменьшается к его концу до 1,1 мм. Высота лезвия у его начала 1,4 см и уменьшается к его концу до 1,1 см.

Длина черенка 3,3 см. Черенок не выделен и имеет ту же длину и ширину, что и лезвие. В начале черенка с двух сторон накованы медные пластины с применением пакетной сварки. Высота медных пластин равна высоте лезвия. Ширина каждой из пластин 1,1 см. Датируется XVII в. [2, с. 38, 135]. Аналогичные ножи найдены в культурном слое Витебска, в которых при однородной длине лезвия черенок выделялся наваренными с двух сторон медными пластинами [3, с. 268].

Ножи можно распределить по качеству материала. Ножи под № 1 и № 2 изготовлены из железа. Вследствие того что железо являлось местным сырьем и добывалось из «кричной» руды, ножи, изготовленные из данного сырья, более распространены среди находок. Также они более подвержены износу и деформации [1, с. 253].

Ножи № 3 и № 4 изготовлены из стали. Так как сталь является импортным сырьем, ножи из этого сырья отличаются лучшими показателями прочности и относятся к редким находкам [1, с. 253].

Список использованной литературы

1. Гурын, М. Ф. Металургія чорных металаў / М. Ф. Гурын // Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко [і інш.] ; пад рэд. В. М. Ляўко [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – С. 250–256.

2. Марзалюк, І. А. Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі вёскі Радамля (Замковішча, Гарадзішча № 2) Чавускага раёна Магілёўскай вобласці ў 2007 г. / І. А. Марзалюк // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 2520. – С. 3–37.

3. Сагановіч, Г. М. Прылады працы і побытавыя рэчы. Асартымент, тыпалогія, храналогія / Г. М. Сагановіч // Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко [і інш.] ; пад рэд. В. М. Ляўко [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – С. 260–277.

К содержанию

УДК 902/904

В. М. ПОДЖАРОВ
Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова
Научный руководитель – А. М. Авласович, канд. ист. наук

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ X–XIII ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ БЫХОВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Статья посвящена исследованным курганным могильникам Быховского Поднепровья эпохи Киевской Руси. В статье приводятся сведения о погребениях, совершенных по обряду трупосожжения и трупоположения. Особое внимание уделено этнической характеристике памятников.

Языческий по своему происхождению обряд трупосожжения зафиксирован в четырех курганных группах Быховского Поднепровья. Первые археологические изыскания, засвидетельствовавшие обряд трупосожжения, были проведены в имении Вотня на Днепре в 1873 г. В 1880 г. исследование насыпей было продолжено А. С. Уваровым, который раскопал 13 насыпей [6, с. 123].

В 1905 г. при исследовании курганного могильника у д. Новый Быхов Е. Р. Романов зафиксировал в одной насыпи погребение, произведенное по обряду трупосожжения на стороне. Под данным погребением находилась деревянная срубная конструкция со следами горения [8, с. 7–8]. Позже, в 1965 г., при раскопках данного некрополя Г. Ф. Соловьева также обнаружила обгоревшие человеческие кости. Останки находились в центре площадки на зольно-угольном слое [9, с. 10].

В 1965 г. Г. Ф. Соловьева исследовала 11 насыпей курганного могильника у д. Воронино. Погребальный обряд трупосожжения был зафиксирован в девяти насыпях. В четырех курганах остатки кремаций располагались в неглубоких подкурганных ямах (8–10 см). В пяти случаях погребения были захоронением на древней дневной поверхности. Все кремации совершены на стороне [9, с. 10–11].

В 2015 г. при исследовании курганного могильника у д. Студенка А. М. Авласовичем выявлены три погребения по обряду трупосожжения.

Во всех случаях кальцинированные кости располагались выше уровня древнего горизонта. В двух случаях кремации находились в небольших деревянных ящиках, в одном без дополнительных сооружений. Последнее ученый связывает с погребением женщины, на что, по его мнению, указывает пятилучевое височное кольцо [3, с. 10–12].

Погребальный обряд трупоположения на территории Быховского Поднепровья встречен в семи курганных группах. Первые же археологические исследования, которые зафиксировали обряд трупоположения, были произведены в уже отмеченном могильнике в имении Вотня в 1873 г. Н. П. Нечаевым и в 1880 г. А. С. Уваровым. Из кратких заметок известно об обнаружении погребений на уровне горизонта. Сопровождающий погребальный материал оказался на редкость уникальным: четыре серебряные монеты Владимира Святого 988 г., один дирхем Нуха ибн Мансура 976–997 гг. чеканки, два семилучевых височных кольца и др. [4, с. 212].

В середине 1960-х гг. могильник исследовали Т. Д. Елисеева и Г. Ф. Соловьева, результаты исследования отражены в научных отчетах.

В 1964 г. Т. Д. Елисеева провела раскопки одной насыпи. Курган содержал мужское погребение, совершенное по обряду трупоположения на материке. Погребение датировано ученым XI в. по обнаруженному на бедренной кости бронзовому кольцу от поясного набора. По мнению исследователя, могильник принадлежал к радимичскому племенному союзу [5, с. 8–10].

Позже, в 1966 г., Г. Ф. Соловьева исследовала одну курганную насыпь данного некрополя. Она также зафиксировала погребение по обряду трупоположения. При расчистке материка зафиксированы три ямки диаметром 0,2 м. Это, по мнению ученого, может свидетельствовать о сооружении деревянной столбовой конструкции над телом умершего. Погребальный инвентарь отсутствовал [10, с. 15].

В 1892 г. С. Ю. Чоловский раскопал три кургана у д. Лудчицы. Исследователь обнаружил погребения, совершенные по обряду трупоположения на материке в вытянутом положении [6, с. 117–118]. Дальнейшее исследование данного некрополя продолжено в 1973 г. Я. Г. Риером. В ходе раскопок одной насыпи ученый обнаружил женское захоронение в сидячем положении. Тело умершей было ориентировано спиной на запад. Ноги находились в скрещенном положении, руки опущены вперед [7, с. 11–13].

Также уже в вышеупомянутом некрополе у Нового Быхова в 1905 г. Е. Р. Романов исследовал четыре кургана, в которых захоронения были совершены по обряду ингумации. Погребения были ориентированы головой на запад, на юго-восток. Два костяка находились в сидячем положении. Погребальный инвентарь представлен крупнозернистыми

бусами, лунницей, серпом, ножами и бронзовыми височными кольцами. Каждая исследованная насыпь содержала остатки деревянных погребальных конструкций и имела по одному захоронению: два мужских и два мужских [8, с. 5–9].

В 1925 г. исследование могильника продолжил И. А. Сербов. Им были раскопаны пять насыпей. Результаты раскопок не были опубликованы. Известно лишь, что ученый обнаружил мужские погребения, произведенные по обряду трупоположения на материке [1, с. 138].

Также в 1965 г. памятник исследовала Г. Ф. Соловьева. Из четырех исследованных насыпей три содержали погребения по обряду трупоположения. Костяки располагались на зольно-угольном слое. Ориентировку удалось установить в двух случаях. Один костяк ориентирован головой на запад, второй – на восток [9, с. 10–11].

В 20-х гг. XX в. исследование насыпей у д. Добуж проводил И. А. Сербов. В. Ф. Копытин отмечает, что в литературе существует путаница относительно числа раскопанных курганов. Результаты раскопок не опубликованы, известно лишь, что обнаруженные погребения произведены по обряду трупоположения [6, с. 156].

В ходе археологических исследований уже отмеченного могильника у д. Студенка в 2014–2015 гг. А. М. Авласовичем зафиксированы четыре курганные насыпи с погребениями по обряду трупоположения. Следует отметить, что в одном случае ученый зафиксировал женское захоронение в сидячем положении в специально сооруженной постройке в виде избы. Еще в одном случае женское захоронение находилось в подкурганной яме. Также были зафиксированы два мужских погребения, находившихся на уровне древнего горизонта. Сидячее погребение ученым датировано серединой XI в., погребение в подкурганной яме – серединой XIII в. Захоронения на уровне горизонта датированы в пределах XI–XII вв. [1; 2].

Таким образом, анализ исследованих курганных насыпей изучаемого региона свидетельствует о наличии двух традиций в погребальной обрядности – трупосожжения и трупоположения.

Погребения, совершенные по языческому обряду кремации, в десяти случаях проведены на стороне и в одном случае на месте будущего кургана. В четырех случаях безурновые захоронения совершены в неглубоких подкурганных ямах. Данные захоронения датируются IX – началом X в. В пяти случаях безурновые захоронения совершались на горизонте, а также в семи случаях выше уровня горизонта. Первые пять захоронений датируются IX – началом X в. Вторая группа из семи захоронений датируется серединой – второй половиной X в. В трех случаях безурновое захоронение совершено на песчаной подсыпке. В двух случаях кремации

находились в небольших деревянных ящиках. Точную датировку данного типа захоронения дать невозможно из-за недостоверных источников.

О погребениях, совершенных по обряду ингумации, мы можем судить на основании 19 исследованных насыпей. В 11 случаях захоронения находились на уровне дневной поверхности. Имеющиеся материалы позволяют датировать их в пределах XI–XII вв. В одном случае захоронение совершено в подкурганной яме и датируется серединой XIII в.

Отдельно следует отметить четыре случая захоронения в сидячем положении. Так, сидячее захоронение в Студенке находилось в специально сооруженной постройке в виде избы. Еще три сидячих погребения зафиксированы без каких-либо сооружений. Стоит отметить, что все сидячие погребения являются женскими. За пределами Быховского Поднепровья такое положение костяка практически не известно.

Еще одной особенностью данного региона является пограничье племенных союзов дреговичей и радимичей. Известно, что р. Днепр служила естественной оградой для расселения вышеупомянутых племен. Однако радимичское погребение могильника Студенка свидетельствует о расселении радимечей на правобережье Днепра.

Список использованной литературы

1. Авласович, А. М. «Сидячие» погребения курганных некрополей Могилевского Поднепровья в восточноевропейском контексте / А. М. Авласович // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. Ист. науки. – 2015. – № 9. – С. 111–120.

2. Авласович, А. М. Отчет об археологических работах в Быховском и Могилевском районах Могилевской области в 2015 г. / А. М. Авласович. – [Рукопись].

3. Авласович, А. М. Пятилучевое височное кольцо из погребения с трупосожжением могильника Студенка / А. М. Авласович // Копытинские чтения – III : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 28 февр. – 1 марта 2019 г. / под общ. ред. А. М. Авласовича. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2020. – С. 3–4.

4. Богомольников, В. В. О находках из Вотни на Днепре / В. В. Богомольников, Т. В. Равдина // Совет. археология. – 1979. – № 2. – С. 207–213.

5. Елисеева, Т. Д. Отчет о раскопках курганов в Могилевской области в 1964 г. / Т. Д. Елисеева // Архив Института истории НАН Беларуси. – Д. 235. – Минск, 1965.

6. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Быховского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев : Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 1995. – 179 с.

7. Риер, Я. Г. Отчет об археологических работах в Могилевской обл. в 1973 г. / Я. Г. Риер // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 429.
8. Романовъ, Е. Р. Археологическія развъдкивъ Могилевской губерніи / Е. Р. Романовъ. – Вильна : Тип. И. Завадского, 1912. – 31 с.
9. Соловьева, Г. Ф. Отчет о работе Радимичского отряда Приднепровской экспедиции ИА АН СССР за 1965 год / Г. Ф. Соловьева // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 254. – Минск, 1966.
10. Соловьева, Г. Ф. Раскопки курганов в Белоруссии / Г. Ф. Соловьева // Археологические открытия 1965 года. – М., 1966. – С. 152–154.

К содержанию

УДК 902/904

П. А. ПОДОБЕД
Могилев**,** МГУ имени А. А. Кулешова
Научный руководитель – А. М. Авласович, канд. ист. наук

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ X–XIII ВВ. ЧЕРИКОВСКОГО И ЧАУССКОГО РАЙОНОВ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье проведено обобщение сведений о результатах археологических исследований памятников X–XIII вв., расположенных на территории Чериковского и Чаусского районов Могилевской области.

Изучение памятников археологии всегда интересовало многих ученых. Территория Могилевского Поднепровья является объектом изучения у многих археологов и историков. Основными материалами, на основе которых мы можем исследовать любые территории, являются курганные могильники как наиболее исследованная категория памятников. Комплексное изучение памятников археологии Чаусского и Чериковского районов связано с известным белорусским археологом В. Ф. Копытиным. В течение 30 лет были созданы археологические карты, которые смогли в полной мере помочь огромному количеству археологов узнать о находках, имеющихся на территории Могилевской области.

Первое упоминание, затрагивающее Чериковское Посожье, зафиксировано в «Повести временных лет» монахом Нестором. Данный исторический факт датируется 1113 г. Используя этот факт, мы понимаем, что на данной территории проживали племена радимичей. На это указывают изречения из «Повести временных лет»: «…и пришедъша седоста на Сожю, и прозвавшася радимичи» [4, с. 14]. Начиная с 1127 г. чериковские земли вошли в состав Смоленского княжества. Каких-либо

более точных письменных источников не наблюдается. В значительной степени наши знания базируются на данных археологических исследований, прежде всего курганных некрополей.

Более подробно описал курганы Чериковского района В. Ф. Копытин, на него в большей степени мы и будем ссылаться. По данным Копытина, курганы радимичей имели вид полусферы высотой 1–1,5 м и диаметром 6–12 м. По количеству погребений выделяют одиночные насыпи и курганные группы. Как известно, существуют два основных вида погребального обряда – трупосожжение (кремация) и трупоположение (ингумация).

На ранних этапах, т. е. в X в., на территории Чериковского района было распространено трупосожжение. На подготовленной заранее местности производились полные сожжения [6, с. 83–84, рисунок 1].

Более подробно данный вид погребений в Чериковском и Чаусском районах изучили Я. Г. Риер и А. М. Авласович. Основываясь на результатах исследований насыпей, ученые дали детальную характеристику погребальной обрядности, а также предложили оригинальные классификации захоронений Могилевского Поднепровья и Посожья [1, с. 6].

На примере д. Гронов Чериковского района было обнаружено трупосожжение в деревянном ящике, нехарактерное для племен дреговичей и кривичей. Однако подобные конструкции замечены в курганах славянских культур VIII–X вв. Раскопки у д. Грязивец Чаусского района впервые представили возможность реконструкции погребального костра, на котором совершалось трупосожжение. Конструкция имела 7 ярусов деревянных бревен и возвышалась на высоте 0,7 м. В самом ее низу был зафиксирован обгоревший костяк.

Если рассмотреть остатки кремаций, то находились они в мощном зольном слое. При этом во время полного 10-часового цикла сожжения умершего на погребальном костре остается небольшой слой пепла и фрагменты кальцинированных костей. Поэтому возведение насыпи над кострищем было начато при его сгорании, а в нашем случае, т. е. в погребении Грязивце Чаусского района, деревянные плахи не были полностью сожжены, что и помешало возведению насыпи [3, с. 133].

Первые сведения относительно погребений, совершенных по обряду трупоположения, были получены еще в дореволюционное время Е. Р. Романовым при исследовании курганного некрополя у д. Радомля Чаусского района. Здесь было найдено женское погребение, которое находилось на угольном слое. Под голову умершей была положена дубовая колода. Также ученый установил, что данное погребение принадлежит восточнославянскому союзу племен радимичей. Основными предметами, которые позволили ученому изучить данный союз племен и

прийти к данному умозаключению, были язычковые привески (рыбки) и фибулы с восемью лучами [6, с. 125].

Ценные данные о погребальной обрядности населения изучаемого региона были получены в ходе археологических исследований Я. Г. Риера курганного некрополя у г. Чаусы. Ученый установил, что захоронения совершались по обряду трупоположения в насыпи, материке и в ямах. Костяки имели западную и восточную ориентировку. Погребальный инвентарь составили скобель, пинцет, сосуды, височные кольца, бусы, подвески, застежки, перстни. Краниологические данные позволили установить, что в курганах XI в. были похоронены близкие родственники. Погребения датированы концом X – началом XIII в. [8, с. 222].

Наиболее «свежие» данные относительно курганных захоронений были получены в 2016 г. А. М. Авласовичем в ходе раскопок уже отмеченного некрополя у д. Гронов. Ученый в двух насыпях зафиксировал мужское и женское захоронения, совершенные по обряду трупоположения на уровне горизонта на выжженой поверхности. Сопровождающий материал позволил установить принадлежность некрополя к радимичскому племенному союзу (рисунок). Погребения датированы X–XI вв. [2, с. 3–5].

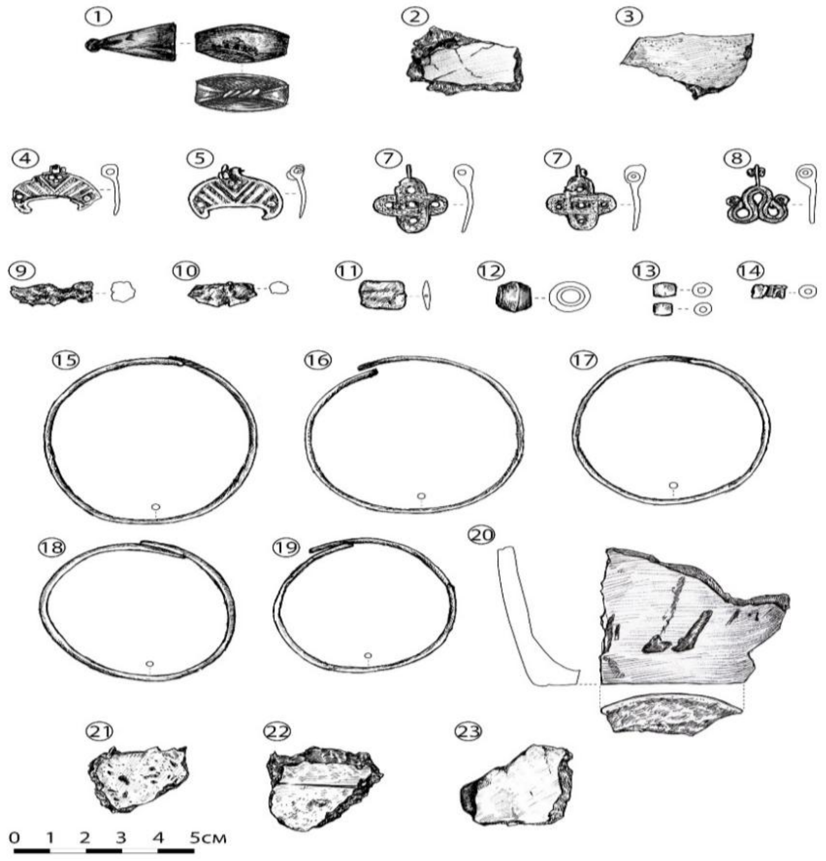

Рисунок – Погребальный инвентарь могильника Гронов:
1–3 – курган 15; № 27; 21–23 – курган № 64 (согласно А. М. Авласовичу)

Были определены и предметы, которые смогли показать многим археологам, что данные земли – это территория проживания радимичей.

До принятия христианства на территории Могилевского Поднепровья и Посожья преобладали захоронения по обряду трупосожжения. Захоронения по обряду трупоположения характерны для конца X–XIII вв. Он представлял собой положение тела умершего на уровне горизонта, подсыпке или в подкурганной яме с сопутствующим инвентарем.

В ходе исследования была доказана правота «Повести временных лет». Так, на примере д. Гронов Чериковского района было обнаружено трупосожжение в деревянном ящике, нехарактерное для племен дреговичей и кривичей. Также у д. Радомля Чаусского района было найдено женское погребение, содержащее язычковые привески (рыбки) и фибулы с восемью лучами, характерные для женского костюма радимичей.

Список использованной литературы

1. Авласович, А. М. Итоги изучения погребального обряда трупосожжения в Могилевском Поднепровье и Посожье (по материалам курганных некрополей) / А. М. Авласович // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2016 г. : сб. науч. ст. / под ред. Е. К. Сычовой. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – С. 5–7.

2. Авласович, А. М. Результаты археологического изучения курганного некрополя Гронов в 2016 г. / А. М. Авласович // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2018 г. : материалы науч.-метод. конф., 25 янв. – 7 февр. 2019 г. / под ред. Е. К. Сычовой. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – С. 3–5.

3. Авласович, А. М. Типология погребального обряда кремации (по материалам курганных некрополей Могилевского Поднепровья) / А. М. Авласович // Романовские чтения – 12 : сб. ст. междунар. науч. конф., Могилев, 23–24 нояб. 2016 г. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – С. 132–133.

4. Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; коммент. А. Г. Боброва [и др.]. – СПб. : Вита Нова, 2012. – 512 с.

5. Риер, Я. Г. Сельское общество Могилевского Поднепровья X–XIII вв. по археологическим данным : монография / Я. Г. Риер. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – 176 с.

6. Романов, Е. Р. Две археологические разведки / Е. Р. Романов // Могилевская старина. – Могилев, 1903. – Вып. 3. – С. 124–127.

7. Рыбакоў, Б. А. Радзімічы / Б. А. Рыбакоў // Працы секцыі археалёгіі. – Менск : Беларус. акад. навук, Ін-т гісторыі, 1932. – Т. III. – С. 80–151.

8. Рыер, Я. Р. Вясковае паселішча ў г. Чавусы / Я. Р. Рыер // Гіст.-археал. зб. – 1994. – № 3. – С. 202–227.

К содержанию

УДК 903.02(476.4)

М. В. ТКАЧЕВА
Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова
Научный руководитель – И. А. Марзалюк, д-р ист. наук, профессор

КЕРАМИКА V–VII ВВ. ИЗ ГОРОДИЩА ЗМЕЕВКА (ПЕЛАГЕЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ)

В статье анализируется керамический материал V–VII вв. городища Змеевка (Пелагеевское городище) из раскопок 2008 г. Приводится морфологическое описание керамических изделий.

Городище Змеевка расположено на правом берегу р. Дубровенка в 2,5 км выше впадения ее в р. Днепр, на юг от проспекта Мира. Первое описание городища сделано в 1873 г. Е. Р. Романовым [5, с. 3]. В 1828 и 1930 гг. городища изучали А. Н. Лявданский и В. Р. Тарасенко. В 1951 г. – Ю. В. Кухаренко [3, с. 16]. В 1973 г. городище исследовал Я. Р. Риер [4, с. 4–5]. В 2008 г. раскопки на памятнике проводил И. А. Марзалюк.

Нами изучена коллекция, которая насчитывает 263 единицы и хранится в фондах Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, из них венцев – 21, стенок – 231, в том числе стенок с ребром – 4, донцев – 11. По форме выделены вертикальные и отогнутые наружу венца. Верхняя поверхность венцев округлая, заглаженная. Все рассмотренные донные части плоские по форме. На двух донцах отмечены следы подсыпок песка и дресвы. По профилировке выделяются простые днища и с монолитным поддоном. Толщина стенок варьируется от 5,6 мм до 9,2 мм. Диаметр венцев 64 см (4 фрагмента), 62 см (1 фрагмент), 48 см (1 фрагмент), 46 см (1 фрагмент), 40 см (1 фрагмент), 28 см (1 фрагмент).

Анализ технологии керамического производства проводился по методике, разработанной российским археологом А. А. Бобринским. В соответствии с данной методикой керамическое производство рассматривается как целостная система, состоящая из уровней – стадий: подготовительной, созидательной и закрепительной. Они образуют естественную структуру любых гончарных производств, с продукцией

которых или остатками самих производств приходится иметь дело археологам и этнографам [1, с. 14–15].

Выбранные образцы анализировались по ступеням гончарной технологии, относящимся к подготовительной, созидательной и закрепительной стадиям производства. Каждая стадия включает несколько ступеней. В рамках подготовительной стадии: 1) отбор исходного сырья; 2) составление формовочной массы. В рамках созидательной стадии: 3) изготовление начина; 4) конструирование полого тела; 5) придание изделиям формы. В закрепительной стадии выделяется: 6) обработка поверхности. Каждая ступень – это особая узкая технологическая задача, которая возникает и решается при изготовлении керамики.

1. **Подготовительная стадия.** Представление об исходном пластическом сырье является субстратным навыком труда в гончарстве, т. е. наиболее консервативным и способным сохраняться без изменений в течение длительного периода времени, даже в условиях культурного смешения [1, с. 67].

В качестве основного пластического сырья для производства керамики из городища Змеевка использовалась глина. Цвет поверхности фрагментов позволяет судить о том, что использовалась в основном неожелезненная глина и только четыре фрагмента изготовлены из ожелезненной глины.

В качестве непластичного исходного сырья визуально наблюдаются минеральные компоненты в виде зерен толченого камня (дресва) размером 0,7 мм – 2,5 мм, единичные фрагменты очень крупные – 3,1 мм. Так как внутренняя и внешняя поверхность фрагментов бугристая и шершавая, можно сделать вывод о том, что кроме дресвы в составе формовочных масс находился также песок, есть единичные включения слюды. Вероятнее всего, песок присутствует в глине в качестве естественной примеси. Таким образом, формовочные массы определяются как грубые, рецепты которых состояли из исходного пластического сырья (глины) + дресвы + песка.

2. **Созидательная стадия.** Вся керамика из памятника лепная, поверхность грубая, бугристая. Для производства керамики использовался донный и донно-емкостный начин. Об этом свидетельствуют следы соединения жгутов на участке перехода днища в боковые стенки. Способ конструирования полого тела не удалось определить из-за фрагментированности керамического материала. По форме керамика из Змеевки разделена на три типа посуды: 1-й тип – горшки тюльпановидной формы с широкой горловиной, отогнутой наружу шейкой и выделенным элементарным венцем. Этот тип доминирует в коллекции. 2-й тип – горшки S-видной формы с выразительными плечиками и отогнутым наружу элементарным венцем с максимальным расширением на уровне

верхней трети высоты. 3-й тип – ребристые горшки. Они имеют максимальное расширение тулова на уровне середины высоты, которое оформлено в виде ребристого изгиба стенок с невыделенным венцем. Единичным фрагментом представлена стенка горшка с накольчатым орнаментом в виде ямочных вдавлений, которые покрывают всю внешнюю поверхность предмета [4, с. 22].

3. **Закрепительная стадия.** Изученные фрагменты не имеют никакой орнаментации. Редко на поверхности черепков встречаются следы небрежного заглаживания. Анализ цветовой характеристики поверхностей и изломов изученных фрагментов сосудов указывает на то, что они обжигались в условиях неполного окислительного обжига, так как черепки имеют неравномерную окраску внутренней, внешней поверхности и варьируется от бежевой до темно-серой. Обжиг глиняных сосудов состоит в их термической обработке с целью придания им необходимой для использования в быту прочности и водонепроницаемости. Фрагменты также легко ломаются и крошатся. В изломе большинства черепков просматривается темная срединная полоса. На 26 фрагментах имеются следы нагара [2, с. 12–13].

Таким образом, проведенный анализ коллекции керамики из городища Змеевка свидетельствует о ее принадлежности по своим морфологическим и технологическим признакам к колочинской археологической культуре.

Список использованной литературы

1. Бобринский, А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / А. А. Бобринский. – М. : Наука, 1978. – 272 с.
2. Коваль, В. Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны восточной Европы) / В. Ю. Коваль. – М. : ИА РАН, 2016. – 128 с.
3. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Могилева и окрестностей / В. Ф. Копытин. – Могилев, 1993. – 50 с.
4. Марзалюк, І. А. Гарадзішча Змяёўка (Пелагееўскае гарадзішча) у Магілёве. Археалагічнае даследаванне / І. А. Марзалюк, Я. Р. Рыер. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2010. – 68 с.
5. Романов, Е. Р. Археологические разведки в Могилевской губернии / Е. Р. Романов // Отдельный оттиск из «Записок Северо-Западного отдела императорского русского географического общества». Кн. 3. – Вильна, 1912. – С. 3.

К содержанию

УДК 902(430) «18.19»

Н. В. ШАТАЛОВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

НЕМЕЦКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье представлены основные успехи в области археологии, которые были достигнуты немецкими учеными благодаря многолетним исследованиям на Ближнем Востоке, в Египте и Месопотамии в конце XIX – начале XX в. Работа будет интересна студентам исторических специальностей, историкам-специалистам, историкам-любителям.

Для того чтобы разобраться в основных достижениях немецкой археологической школы XIX – начала XX в., необходимо дать определение самому понятию «школа». Самым точным, на наш взгляд, здесь можно отметить определение школы как направления в области науки, искусства [3].

В германской истории второй половины XIX в. произошло два важнейших события: политическое объединение и превращение Германии в сильнейшую промышленную страну Европы. В то же время мощная Германская империя считала себя обделенной в колониальной сфере. В связи с этим Германия активно участвовала в разделе мира и стремилась укрепить свои позиции в Европе в 70–80-х гг. XIX в. Разумеется, это не могло не найти отражения в науке, в том числе в развитии археологии.

Во все времена популярными туристическими объектами остаются древнеегипетские пирамиды. Но интерес они вызывают не только у обычных туристов, а также у специалистов-археологов. Так, еще в 1842–1845 гг. на острове Филе одним из первых проводил свои раскопки немецкий археолог Карл Лепсиус [13, с. 98]. Результатом его исследований стала книга «Открытия в Египте, Эфиопии и на полуострове Синай…» (1852) [7, с. 160–182].

До 1880 г. пирамиды в Египте считались «немыми». Стереотип этот поломал Эмиль Бругш, который первым зафиксировал надписи на стенах пирамид в Саккаре. Это были ритуальные тексты, которые в 1908 г. опубликовал Курт Зетхе.

Одним из важнейших моментов не только немецкой археологии, но и мировой начала XX в. стали раскопки, которыми руководил Людвиг Борхардт в Эль-Амарне (Ахетатоне). В результате этих археологических исследований в 1912 г. были обнажены скульптурный портрет главной жены Эхнатона Нефертити, а также 50 скульптур Эхнатона и его приближенных [12, с. 53].

Интерес у немецких археологов вызывал и Ближний Восток. XIX–XX вв. можно назвать периодом расцвета библейской археологии. Немецкие археологи не остались в стороне, и в 1877 г. ими было создано Немецкое палестинское общество [10].

В 1883 г. Конрадом Шиком были найдены Порог Судных Врат и части древней иерусалимской стены храма Воскресенья. Ярким примером изучения Ближнего Востока можно также назвать раскопки древнего Мегиддо Шумахером, в результате которых был найден дворец эпохи железного века, а также печать царя Иеровоама II, правившего около 788–747 гг. до н. э. [8].

Таким образом, в 1880–1900-х гг. были заложены основы археологии в Сиро-Палестинском регионе в основном благодаря ученым из Великобритании и Германии [4].

Еще одним важнейшим регионом изучения немецкой археологической школы в конце XIX – начале XX в. была Месопотамия. В 1899 г. началось археологическое изучение Вавилона Робертом Кольдевеем, раскопки которого продолжались до 1917 г. Кольдевей активно занялся изучением территории Двуречья. Так, с 1903 г. в течение 18 лет он проводил раскопки в Ашшуре, Шурупаке, Абу Хатабе и Уруке [5, с. 119–122].

Кайзеры Германии спонсировали и поощряли археологические экспедиции, в связи с чем стала популярна идея о создании некоего места для показа экспозиций, собранных правящим двором. Такими местами стали музеи, созданные благодаря многочисленным экспонатам, привезенным из Ближнего Востока, Египта, Месопотамии.

Одним из первых таких музеев был Египетский музей и собрание папирусов, который был создан на базе экспонатов из египетской коллекции короля Фридриха Вильгельма III и находок из экспедиции Карла Лепсиуса 1842–1845 гг.

В 1829 г. был создан Германский археологический институт в Берлине, который занимался сбором и публикацией археологических материалов [9]. А в 1898 г. было образовано Германское восточное общество, которое в своих исследованиях ориентировалось только на Ближний Восток. Инициаторами его создания были меценат Джеймс Симон и банкир Мендельсон, финансированием общества занимались состоятельные люди, в числе которых был и король Пруссии Вильгельм II. Одними из самых впечатляющих раскопок являются раскопки в Вавилоне Кольдевея в 1899–1917 гг. Именно там были найдены известные всему миру ворота богини Иштар.

При финансовой поддержке Германского восточного общества на исследования Эль-Амарны (Ахетатона) был отправлен Людвиг Борхардт в 1902 г. [11], а в 1903–1914 гг. на раскопки в Ашшур выехал Вальтер Андрэ.

Также благодаря этой организации Винклером в 1906 г. была обнаружена столица Хеттской империи [14, с. 172–178].

К сожалению, большинство экспонатов были вывезены в разные точки земного шара, таким образом нанеся огромный урон истории. Что касается немецких исследователей, то все, что было найдено ими в результате раскопок, сейчас представлено в основном в большом количестве берлинских музеев, а также в частных коллекциях.

Таким образом, мы видим, что в конце XIX – начале XX в. начинает складываться немецкая археологическая школа, для которой в основном были характерны следующие признаки [1]:

• важнейшие направления археологических исследований – Ближний Восток, Древний Египет, Месопотамия;

• немцы, являясь политическими и военными партнерами Османской империи, начали заниматься археологией Ближнего Востока;

• расширение взглядов в конце XIX в., которые до сих пор были в значительной степени сосредоточены на истории Ассирии и Вавилона;

• первоначально археология представляла собой охоту за сокровищами;

• проведение раскопок от имени крупных немецких музеев;

• в течение XIX в. наряду с музеями развивались научные общества, посвященные исследованию Древнего Востока: Германский археологический институт (1829), Vorderasiatische Gesellschaft (1896), Немецкое восточное общество (1898);

• усовершенствование методов ведения археологических работ;

• полная публикация результатов;

• кропотливая забота при раскопках и регистрация каждого найденного артефакта;

• приписывание германским народам выдающегося культурного значения, которое служило национал-социализму свидетельством превосходства германских народов и арийской расы (идеи Густафа Коссинна) [6];

• с XX в. археология все чаще прибегает к методам из других наук [2].

Список использованной литературы

1. Manfred, K. H. Eggert: Archäologie. Grundzüge einer historischen Kulturwissenschaft / K. H. Manfred. – Tübingen : Deutschland, 2006. – S. 73.

2. Freeden, U. von. Spuren der Jahrtausende. Archäologie und Geschichte in Deutschland / U. von Freeden. – Stuttgart : Deutschland, 2003. – S. 26.

3. Баханьков, А. Е. Толковый словарь русского языка / А. Е. Баханьков, И. М. Гайдукевич, П. П. Шуба. – Минск : Белорус. ассоц. «Конкурс», 2006. – 398 с.

4. Беляев, Л. А. Палестинская археология в конце XIX – начале XX в.: православная, католическая и реформатская версии [Электронный ресурс] / Л. А. Беляев // Императорское Православное Палестинское общество. – Режим доступа: http://www.ippo.ru/historyippo/article/ palestinskaya-arheologiya-v-konce-xix---nachale-xx-201187. – Дата доступа: 25.10.2020.

5. Керрам, К. Боги, гробницы и ученые / К. Керрам. – М. : КЭМ, 1963. – С. 119–122.

6. Клейн, Л. С. Касинна и косиннизм. Этногенез и археология / Л. С. Клейн. – СПб. : Евразия, 2013. – Т. 1. – 38 с.

7. Кормышева, Э. Российская археологическая экспедиция в Гизе. Сезоны 1996–1998 гг. / Э. Кормышева, О. Томашевич, М. Чегодаев // Вестн. древ. истории. – 2000. – № 1. – С. 160–182.

8. Мегиддо (Тель-Мегиддо, Армагеддон, Megiddo) [Электронный ресурс] // Исторические и паломнические туры по Святой Земле (и не только). – Режим доступа: http://www.tsaritsyn-tours.com/?page_id=170. – Дата доступа: 29.10.2020.

9. От Института археологии до Немецкого археологического института [Электронный ресурс] // DAI. – Режим доступа: https://www.dainst.org/dai/geschichte. – Дата доступа: 26.10.2020.

10. Палестинское Общество. Страницы истории [Электронный ресурс] // Императорское Православное Палестинское общество. – Режим доступа: http://www.ippo.ru/historyippo/article/palestinskoe-obschestvo-stranicy-istorii-kn-yuzbas-200399. – Дата доступа: 24.10.2020.

11. Солкин, В. Человек, нашедший Нефертити, или Несколько слов о Людвиге Борхардте [Электронный ресурс] / В. Солкин // Livejournal. – Режим доступа: https://victorsolkin.livejournal.com/56147.html. – Дата доступа: 26.10.2020.

12. Томсинов, В. А. Краткая история египтологии / В. А. Томсинов. – М. : ЗЕРЦАЛО ВЕЧЕ, 2004. – С. 98.

13. Фингарет, С. И. Искусство Древнего Египта в собрании Эрмитажа / С. И. Фингарет. – Л. : Аврора, 1970. – С. 53.

14. Хаттуса // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М., 1969. – Т. 1. – С. 172–178.

К содержанию

ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 392.37

А. А. ГУГНЮК
Мінск, БДУ
Навуковы кіраўнік – Т. А. Навагродскі, д-р гіст. навук, прафесар

АСАБЛІВАСЦІ ГЕНДАРНАЙ САЦЫЯЛІЗАЦЫІ ДЗЯЎЧАТ У ТРАДЫЦЫЙНАЙ ЗАХОДНЕПАЛЕСКАЙ ВЁСЦЫ

У артыкуле разглядаецца спецыфіка гендарнай сацыялізацыі дзяўчат традыцыйнай заходнепалескай вёскі. Аналізуецца роля сям'і і сельскай супольнасці ў фарміраванні дзявочай ідэнтычнасці.

Беларускаму грамадству з аграрным тыпам эканамічнага ўладкавання быў уласцівы так званы традыцыйны (патрыярхальны) тып узнаўлення насельніцтва. Сялянская сям'я з'яўлялася асноўнай вытворчай сацыяльнай ячэйкай, на якой замыкаўся працэс вырабу базавых, неабходных для жыццядзейнасці даброт. Дэмаграфічная структура сям'і грунтавалася на ўзростава-палавым падзеле працы: дарослыя мужчыны аралі, сеялі, збіралі ўраджай, разводзілі скаціну; жанчыны трымалі ў парадку дом, даглядалі хатніх жывёл, гатавалі ежу, пралі, ткалі, шылі адзенне, мылі, выхоўвалі дзяцей; дзеці дапамагалі па хаце, пасвілі хатнюю жывёлу і птушку [1, с. 100].

Працэсы сацыялізацыі і выхавання дзяўчат адбываліся ў межах рэлевантнай для традыцыйнага ладу нарматыўнай культуры. Існуючы гаспадарчы ўклад вызначаў неаднолькавае стаўленне да нараджэння дзяўчынкі і хлопчыка [4, с. 20]. Гэта абумоўлівалася ў першую чаргу сацыяльна-эканамічнымі фактарамі (сын спадкаваў зямлю, быў работнікам у хаце, які, ажаніўшыся, прыводзіў яшчэ работніцу і г. д.). Дачка залежала эканамічна ад бацькі і ў перспектыве ад мужа. Выдача яе замуж патрабавала ад сям'і значных сродкаў і выдаткаў для падрыхтоўкі пасагу і правядзення вяселля. Даволі часта дачку называлі “адрэзаным кавалкам”, “чужой крупеняй (работніцай)”, што было выклікана яе часовым знаходжаннем у бацькоўскай сям'і.

Выхаваўчы механізм суадносіўся з традыцыйным уяўленнем аб месцы і ролі прадстаўніц жаночага полу ў сям'і. Даследчыца І. Р. Чыкалава зазначыла, што гендарныя дачыненні ў традыцыйнай сялянскай сям'і можна ўмоўна ахарактарызаваць як заснаваныя на “кантракце жанчыны – хатняй гаспадыні і мужчыны-здабытчыка” [6, с. 52]. Народная культура была скіравана на фарміраванне ў свядомасці дзяўчыны з дзяцінства

“жаночай адаптацыйнай стратэгіі: арыентацыі на выкананне ролі жанчыны-маці” [8, с. 16]. Выхаваўчую функцыю ў дачыненні да дзяўчат рэалізоўвалі сям’я і сельская супольнасць. З ранніх гадоў дзяўчаткі апасродкавана прымяралі на сябе сацыяльныя ролі гаспадыні (праз прыцягненне да працы) і маці (прыглядаючы за малодшымі братамі, сёстрамі). Існаванне практыкі ранніх шлюбаў актуалізавала засваенне дзяўчынкай сваіх гендарных абавязкаў пачынаючы з дзяцінства.

Ад дзяўчат патрабавалі паводзін, абумоўленых шматлікімі забабонамі. На тэрыторыі Заходняга Палесся распаўсюджанне атрымалі наступныя: “Дзяўчыне забаранялася класці на галаву мужчынскую шапку, бо хлопцы будуць абыходзіць і замуж ніхто не возьме, акрамя хіба ўдаўца (в. Стайкі Баранавіцкага р-на), хадзіць абутай толькі ў адзін туфель (Бярозаўскі, Брэсцкі р-ны). Не дазвалялася падчас ежы глядзецца ў люстэрка, бо тады яна з’есць сваю прыгажосць (в. Пажэжын Маларыцкага р-на). Гаварылі, што дзяўчына, якая кідае смецце за парог ці сядзіць на парозе, зусім не знойдзе сабе мужа, а ў той, што пакідае пражу на калаўроце, вырасце барада (што зробіць яе непрыгожай і, адпаведна, праблематызуе выхад замуж)” (в. Малеч Бярозаўскага р-на) [5, с. 358].

Турбуючыся пра лёс сваёй дачкі, маці забараняла ёй садзіцца на пень: “Мы дзеўкам забаранялі на пянёчкі садзіцца, бо без хлопцаў застануцца. Пянёчак – увасабленне чагосьці сухога, трухлявага і старога (пазбаўленага вітальнай патэнцыі і жыццёвых сіл). Таму дзяўчаты не садзіліся на пні, каб пазбегнуць бясплоднасці, «сядзення ў дзеўках»” [2, с. 30]. Лічылі, што “няможна дівчынам пырыступаты пынёк, дэрево, бо дітэ будуць ны жывучыя (в. Прыбарава Брэсцкага р-на). Дзяўчыне забаранялася сядзець на стале (ці яго куце), бо нібыта яе чакае няўдача пры замужжы. Дзяўчыне з мокрым падолам пагражалі, што яна выйдзе замуж за п’яніцу. Тое ж яе чакае, калі фартух на жываце часта мокне” [7, с. 11]. Бытаванне такіх з’яў народнай культуры падкрэслівае наяўнасць страху і боязі не выйсці замуж і “застацца ў дзеўках” як у саміх дзяўчат, так і ў іх бацькоў, у сельскага грамадства.

Калі дзяўчаты парушалі нормы, прынятыя ў грамадстве, яны аўтаматычна траплялі пад калектыўнае асуджэнне, сацыяльныя санкцыі. Так, да прыкладу, у дачыненні да распусных дзяўчат уладкоўваліся так званыя насмешкі (надпісы на платах, абзыванні, непрызнанне ў моладзевым калектыве). У паўсядзённым жыцці вёскі шырокае распаўсюджванне атрымалі дыялектныя пазыўныя, якімі карысталіся ў дачыненні да моладзі, у прыватнасці дзяўчат. Народная гаворка жыхароў Заходняга Палесся каларытна перадае эмацыйны і ацэначны складнік. Так, дзяўчат нядобрага нораву называлі ў народзе “распутамі”, “совушчымі”, “кропэвніцамі”.

Такім чынам, у вясковай супольнасці існаваў спецыфічны стандартызаваны механізм сацыяльнага канструявання гендара. Яго можна ахарактарызаваць як рэпрэсіўны, паколькі існавалі кантроль за паводзінамі дзяўчат, асуджэнне дашлюбных палавых сувязей, публічнай праявы сімпатый паміж моладдзю, патрабаванне захаваць цноту, шматлікія найменні, насмешкі, нязменнасць і прыхільнасць традыцыйнай сямейна-шлюбнай мадэлі са старшынствам мужа і падпарадкаваным становішчам жонкі. Выкананне патрабаванняў звонку, рэалізацыя знешніх чаканняў садзейнічалі фарміраванню ідэнтычнасці дзяўчыны.

Лічыць, што тагачасныя дзяўчаты, жанчыны ўспрымалі сваё становішча як выключна прыгнечанае, памылкова. Не трэба забываць пра аўтарытэтнасць царквы ў сялянскім асяроддзі. Хрысціянская светапоглядная мадэль фарміравала пэўны культурна-каштоўнасны фон у свядомасці сялянак: уяўленне аб сваёй гендарнай ролі, асуджэнне бясшлюбнасці, абортаў, безумоўнасць нараджэння дзяцей “колькі Бог дасць”.

Такім чынам, сацыяльны парадак у традыцыйнай заходнепалескай вёсцы рэгуляваўся царквой і сельскай супольнасцю (праз звычаёвае права, публічнае выказванне ганьбы ці пашаны). Дзявоцтва абцяжарвалася шэрагам сацыяльных чаканняў, асноўным зместам якіх была “своечасовасць” рэалізацыі дзяўчынай матрыманіяльнага і рэпрадуктыўнага “прызначэння” [3]. Замужжа і нараджэнне дзіцяці лічыліся асноўнымі вопытамі, якія павінна была прайсці дзяўчына.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Авдеев, А. А. Исторические типы народонаселения в докапиталистических формациях / А. А. Авдеев. – М. : МАКС Пресс, 2003. – 160 с.

2. Астрамечаўскі рукапіс / Брэсц. раён. выкан. кам. – Брэст : Альтэрнатыва, 2016. – № 2. – 96 с.

3. Белова, А. В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность [Электронный ресурс] / А. В. Белова. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/devichestvo-rossiyskoy-dvoryanki-xviii-serediny-xix-veka-telesnost-seksualnost-gendernaya-identichnost/viewer. – Дата доступа: 19.02.2021.

4. Жанчына ў беларускай народнай творчасці / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1940. – 519 с.

5. Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 3. Кн. 2. Духоўная культура / А. І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 2016. – 751 с.

6. Чикалова, И. Р. Гендерная система (пост)советской Беларуси: воспроизводство и трансформация социальных ролей в публичной и приватной сфере / И. Р. Чикалова // Российские и славянские исследования : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2009. – Вып. 4. – С. 51–66.

7. Швед, І. А. Перадшлюбны перыяд. Вяселле на Берасцейшчыне / І. А. Швед // Астрамечаўскі рукапіс / Брэсц. раён. выкан. кам. – Брэст : Альтэрнатыва, 2015. – № 1. – С. 8–12.

8. Якубінская, А. Д. Традыцыйныя спосабы і сродкі сацыялізацыі дзяцей у беларускіх сялян у другой палове XIX – першай палове XX ст. : аўтарэф. ... дыс. канд. гіст. навук : 07.00.07 / А. Д. Якубінская ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2009. – 22 с.

К содержанию

УДК [394:908](476.7)

Д. В. ЖУКАЎ
Полацк, ПДУ
Навуковы кіраўнік – У. А. Лобач, д-р гіст. навук, дацэнт

ВОБРАЗ ПАДАРОЖНАГА БОГА Ў ЭТЫЯЛАГІЧНЫХ ЛЕГЕНДАХ БЕЛАРУСАЎ ПАДЗВІННЯ

У артыкуле разглядаюцца сюжэты легенд этыялагічнага зместу. Асноўная ўвага ў працы акцэнтуецца на легенды пра стварэнне пэўных прадстаўнікоў жывёльнага свету (бусел, зязюля, мядзведзь), зафіксаваныя на тэрыторыі Падзвіння. У артыкуле прасочваецца роля падарожнага Бога (Бога-Дэміурга) і раскрываюцца прычыны, па якіх ім была створана тая ці іншая жывёла.

Беларускі народны эпас мае даволі значную групу легенд этыялагічнага характару. Яны своеасабліва расказваюць пра паходжанне розных аб’ектаў і з’яў. Як вынікае з іх аналізу, у асноўным гэтая катэгорыя легенд пераплятае міфалогію і казачныя элементы з хрысціянскім веравучэннем. Тэма даследавання актуальна, паколькі этыялагічныя легенды з’яўляюцца не толькі часткай беларускага фальклору, але і важнейшым кампанентам карціны свету і адлюстроўваюць народныя ўяўленні пра этыку і мараль.

У шэрагу выпадкаў у легендах праяўляецца ўласцівы даўнім народным вераванням дуалізм. У той час як стваральнікам усяго прыгоднага на зямлі прызнаваўся Бог, тварцом усяго шкоднага і варожага чалавеку з’явіўся чорт. Вобраз падарожнага Бога з’яўляецца найбольш вядомым і распаўсюджаным у народнай культуры беларусаў. У ходзе фальклорна-этнаграфічных экспедыцый Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, праведзеных на тэрыторыі Падзвіння ў 1990–2000-я гг., быў зафіксаваны значны аб’ём матэрыялаў, якія датычацца этыялагічных

легенд. Сярод іх вылучаецца група легенд, якая апавядае пра з’яўленне розных жывёл і раслін.

Згодна з легендамі, стварэнне ўсяго жывога і нежывога на зямлі прыпісваецца Богу, хоць вобраз яго набываў усё болей “зямны” характар. Так, напрыклад, з меху, які Бог загадаў аднаму чалавеку кінуць у балота (мора) і не заглядаць у яго, па зямлі распаўзліся гады і разляцеліся мухі. Парушыўшы Богаву забарону, чалавек пацікавіўся, што ў тым мяху, і развязаў яго. За гэта Бог пакараў чалавека, ператварыўшы яго ў бусла, і загадаў яму вечна збіраць гадаў, якія распаўзліся па зямлі: *“Бог сабраў такіх насякомых, і мух, і клапоў, там усякіх казюрак і ў мяшок завязаў. Нясі, – гаворыць, – на тое места, дзе яму сказалі. А ён што – нёс, нёс. А тады захацеў, каб паглядзець, каго ж ён нясець. Мяшок атвязаў, а мýшына – пырх. Вот ён кінуў мяшок, ні завязаў, за мушынай пабег. Каб улавіць. А к гэтаму ўрэмю ўсе распаўзліся. Вот ні было б у нас ні вужак, ні жаб, нічога. А так сталі і клапы, і ўсякія мухі, і казюркі. Бог яго заставіў... Буцяном здзелаў і сказаў: сабірай”* (Ушацкі р-н) [3, с. 28]. На Падзвінне некаторыя дэталі гэтай легенды адрозніваюцца. Так, на Лепельшчыне хлопец мае імя Сцяпан, на Глыбоччыне яго называюць Габрусём.

Але найбольш вялікае адрозненне гэтага сюжэта было зафіксавана ў Докшыцкім раёне. У галоўнай ролі фігуруе знахар, які сам сабраў змей і іншых “гадаў” у мяшок, але таксама не змог яго данесці: *“А адзін знахар знаў, што ж гэта нада ўсіх ужо сабраць, ён сабраў у мяшок і нёс, вот яны сталі тачыцца, сталі яго кусаць, сталі яго грысці, гэтыя ўсе змеі і лягушкі і ўсе, і ён не ўцярпеў... А Бог сказаў: «Раз ты знахар, сабяры, ты ўмееш іх сабіраць». Ён мяшок паставіў, яны ўсе спаўзаліся, усе к яму ішлі, ішлі. І вот ён нёс-нёс гэты мяшок, не мог ён выцерпіць, і ён упусціў гэты мяшок, і пайшлі яны поўзаць, гэтыя змеі і лягушкі, і ўсе. І Бог так зробіў, што сабірай жа ты сам цяпер, і зробіў знахара буслам, і штоб ён іх сабіраў”* (Докшыцкі р-н) [3, с. 30]. Легенда пра паходжанне бусла з’яўляецца самай знакамітай на тэрыторыі Падзвіння і сустракаецца ў Чашніцкім, Лепельскім, Докшыцкім, Бешанковіцкім, Глыбоцкім і Шаркаўшчынскім раёнах.

Другі папулярны сюжэт, які згадваецца як у гістарычных і фальклорных зборніках, так і ў ходзе сучасных экспедыцый, звязаны з паходжаннем зязюлі: *“Гэта мама расказывала, што зязюля была бабай, і што-та яны там з мужыком пасварыліся, а даўней паветкі былі і зярно там, і семя насыпана, цэлы засек быў, івот яна яго паслала там. Кажыць, там за ільносемям – крупы, схадзі круп дастань. А гэта ж ільносемя, як вада, ты ж на яго стань – яно ж і тонець. Ну вот, яна яго ждала-ждала, а ён не прыйшоў. Яна яго звала: «Якуб! Дай круп! Якуб! Дай круп!» І вот яна гэдак зробіла, і яе Бог перавярнуў у зязюлю”* [2, с. 96]. На Віцебшчыне часцей за ўсё сустракаюцца два розныя напаўненні дадзенага сюжэта.

У першым галоўнымі героямі з’яўляюцца жонка з мужам, а ў другім – маці і дачка: *“Матка забіла дачку. Дачка тая пацярала ключы, а гэта матка забіла дачку. А тады, калі яна забіла, пачала плакаць: «Аксюш, праснісь, Аксюш, праснісь, ключы нашлісь». І вот яна всё кукуець і кукуець, а ключы нашлісь. І Бог яе так аброк – гэтай кукушкай быць”* (Віцебскі р-н) [3, с. 27].

Прыклад з’яўлення мядзведзя таксама звязаны з пакараннем чалавека, які правініўся перад Богам: *“Здаўна бог хадзіў па зямлі, цяпер ужо не ходзіць. Ну, і захацелася мужыку з жонкай спужаць бога. Яны прыбяднелі, бедна жылі. – А што ён ходзіць, нас нічым не надзяляець, – спужаем жа і мы яго. І сталі думаць, як яго спужаць. Падлезем пад мост і замычам, а бог успудзіцца нас. А бог сказаў: – Калі ж вы так замычалі, то і будзеце век мычаць. І абярнуў іх мядзведзямі. З таго і мядзведзі сталі”* [1, с. 54]. Варта звярнуць увагу на тое, што ў іншых сюжэтах з’яўлення мядзведзя задзейнічаны людзі, якія маюць розны сацыяльны статус.

Такім чынам, легенды пра паходжанне бусла, зязюлі і мядзведзя з’яўляюцца найбольш удалымі прыкладамі, калі прычынай для стварэння чагосьці новага з’яўляецца сімбіёз жадання чалавека рабіць па-свойму і волі Бога. У той жа час легенды пра паходжанне жывёл і раслін нельга назваць вынікам наіўнага светапогляду вясковага жыхара Падзвіння. Легенды падобнага роду сведчаць аб стаўленні беларускага селяніна да касмагоніі і аб выспяванні стыхійна-матэрыялістычных уяўленняў аб прыродзе і грамадстве.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Легенды і паданні / склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі ; рэд. тома А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 544 с.

2. Лобач, У. А. Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве / У. Лобач. – Мінск : Тэхналогія, 2013. – 511 с.

3. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння. У 2 ч. Ч. 1 / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. — Навапoлацк : ПДУ, 2011. – 292 с.

К содержанию

УДК 394.268(476)

Т. А. ІГНАЦЮК
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – В. Ю. Піліповіч, ст. выкладчык

ЛЕТНІ ЦЫКЛ ТРАДЫЦЫЙНАЙ КАЛЯНДАРНАЙ АБРАДНАСЦІ СЯЛА НА КОБРЫНШЧЫНЕ Ў 30–50-Я ГГ. XX СТ.

У артыкуле прыводзяцца вынікі вывучэння і палявых даследаванняў летняга цыкла традыцыйнай абраднасці на прыкладзе вёсак Кобрынскага раёна. Апісаны звычаі і абрады, прыкметы і прымаўкі, звязаныя з Тройцай, паслятраецкімі прысвяткамі, Купаллем, Пятроўкай, святамі ў гонар святых Пятра і Паўла, Ануфрыя, Іллі, Барыса і Глеба, існаваўшыя на перыяд 30–50-х гг. XX ст. у вёсках Балоты, Кісялёўцы, Рыбна, Магдалін, Барысава, Лелікава, Дывін, Літвінкі, Стрыгава, Астромічы, Запруды.

Кожны з цыклаў каляндарнай абраднасці ўключае ў сябе шэраг святаў і прысвяткаў з прымеркаванымі да іх традыцыямі, якія вызначаюць асаблівасці цыкла. Асобныя перыяды і дні ў календары дапамагалі размежаваць поры года. Так, напрыклад, Піліпаўка лічылася пачаткам зімняга цыкла, які завяршаўся провадамі зімы і гуканнем вясны (прыходзіліся прыкладна на Грамніцы ці Масленіцу). Адпаведна, гэты час лічыўся пачаткам вясновага цыкла, які распачынаўся Вялікім постам. Прамежкавым перыядам вясны і лета можна лічыць Тройцу, якая магла выпадаць на час з 23 мая па 26 чэрвеня. Завяршальнай фазай летняга цыкла і, адпаведна, пачаткам восеньскага з’яўляецца Успенскі пост, які супадае з асноўнымі абрадавымі дзеяннямі па збору ўраджаю. Да пераходнага этапу двух апошніх цыклаў можна аднесці жніво (ад Зажынак да Дажынак). Зыходзячы з такой перыядызацыі, да святаў летняга перыяду адносяцца Тройца, Градавая серада, Зелянец, Дзесятуха, святы ў гонар святых Ануфрыя, Іаана (Яна) Хрысціцеля (Купалле), Пятра і Паўла, Ільі, Барыса і Глеба.

Для сялян адным з самых галоўных святаў на працягу года нароўні з Раством Хрыста і Вялікаднем з’ўлялася Тройца. Звалі яе яшчэ інакш – Сёмуха – сёмы тыдзень пасля Вялікадня. Але ў разглядаемай мясцовасці такая назва выкарыстоўвалася радзей [7]. Вялікае свята патрабавала адпаведнай падрыхтоўкі: прыбіраліся памяшканні, упрыгожвалася хата, панадворак. Святкавалася Тройца звычайна тры дні: нядзеля, панядзелак і аўторак. Ва ўсе гэтыя дні ў царкве праводзіліся святочныя набажэнствы. На другі дзень свята (панядзелак) маглі абыходзіць хрэсным ходам вёску. Большасць сем’яў прытрымлівалася забароны на працу, асабліва тую, што тычылася палявых работ.

Вялікае значэнне надавалася выгляду жылля селяніна, якое абавязкова ўпрыгожвалі зелянінай: на падлозе і на сцежцы ў двары высцілаўся *“пахучы плышнык”* (аер), галінкі дрэў (бяроза, дуб, рабіна, клён, акацыя, асіна і інш.) затыкалі ў розных кутках хаты, на покуці, каля абразоў, фотарамак, уздоўж ці па-над дзвярыма, вокнамі. Некаторыя маглі развешваць зеляніну дрэў звонку хаты [1; 2; 6]. Некаторыя гаспадары зразалі маладыя бярозкі і ўкопвалі ці ставілі іх каля ганка [13, с. 468]. Адпаведным чынам упрыгожвалася да свята царква: раскідваўся “плышнык”, ставілася бярозка [3]. Сярод жыхароў існаваў выраз *“зробыты Трійці”*, што азначала *‘ўпрыгожыць хату, панадворак зелянінай да свята ў гонар Святой Тройцы’* [10].

Зеляніну, якой упрыгожвалі хату, звычайна здымалі праз тры дні і спальвалі. Галінкі бярозы і аер з царквы прыхаджане забіралі з сабой у нядзелю пасля Тройцы па аналогіі з яловымі лапкамі на Вадохрышча. Іх таксама захоўвалі ў хаце: “плышнык” пакідалі ў шафах, каб моль не шкодзіла адзенне [6], адносілі зеляніну на гарышча, затыкалі яе па кутках хаты, каб засцерагчы ад паразітаў, маглі аднесці на поле, каб ніштo не пашкодзіла пасевам [8]. У в. Запруды засохлым лісцем набівалі падушкі. Лічылася, што гэта засцеражэ ад галаўнога болю. Другія выкарыстоўвалі іх для накурвання ад розных захворванняў [13, с. 468].

У в. Лелікава існаваў звычай “вадзіць крынку”, які рэдка сустракаецца ў іншых вёсках Кобрынскага раёна. Ажыццяўляўся звычай падлеткамі, якія прыгожа апраналі маладую дзяўчыну, ішлі разам з ёй па вёсцы, а пасля вялі яе ў поле пад песню *“Ведемо крынку на пацёрінку…”*. Каля вялікага дрэва спявалі і танцавалі да вечара [13, с. 470].

Як і на іншыя вялікія святы, на Тройцу выпякалі пірагі, забівалі парася, рабілі гулянні з музыкай і танцамі [13, с. 469]. Тройцу сапраўды можна лічыць часам вяселляў, што неаднаразова адзначалася самімі рэспандэнтамі [12, с. 137].

Серада пасля Тройцы звалася Градавой ці Сухой, як і пасля Вялікадня. У гэты дзень забаранялася працаваць у полі. Парушэнне дадзенага павер’я магло прывесці да пашкоджання градам ці засухай пасеваў [6].

У чацвер праз тыдзень пасля Тройцы адзначалася свята Зелянец (Зылынэць). Яго адлічвалі як чацвер дзявятага тыдня пасля Вялікадня. Таму ў іншых рэгіёнах Беларусі яго называлі Дыветухай (Дзявятнікам і да т. п.). Аднак апытаныя рэспандэнты ўзгадвалі толькі першы варыянт назвы свята. Яго этымалогія была звязана з асвячэннем у гэты дзень “зілля” (зёлак), якое спляталася ў вяночкі. Яны захоўваліся ў хаце каля асвячоных рэчаў ці ў цёмных месцах (звычайна ў каморы) [1]. У будучым іх выкарыстоўвалі як лекавыя сродкі: рабілі з іх адвары, “накурваліся”

(накіроўвалі на хворага дым ад тлеючых на вельмі слабым агні раслінаў) [11, с. 264]: *“Мынэ роздуло морду. Я прыйіхала додому, а тая баба була і кажэ, шо накурыся свячоным зіллем. То бралы ўсе свячонэ зіллечко і накуровалы. Я покурылась і мыні пройшло…”*. Адна з рэспандэнтак казала, што калі не дапамагала ўласнае “зілле”, то хадзілі па дзевяці хатах і прасілі частку асвечаных траў. Пасля гэтага зноў спрабавалі накурыцца сабранымі травамі [10]. Асвечаныя “на Зелянца” зёлкі выкарыстоўваліся падчас пахавальнай абраднасці: клаліся ў труну памерламу чалавеку [13, с. 471].

25 чэрвеня адзначалася свята ў гонар святога Ануфрыя (Оныпрій). Яно служыла адлікам для пачатку сенажаці [7]. Да гэтага дня неабходна было пабудаваць будкі ў лесе, у якіх жылі падчас нарыхтоўкі сена ў выпадку далёкага знаходжання ад хаты. *“Колысь казалы, шо на того Оныпрія ходылы в Островы будкы робыты. Коб там ночоваты і сіно робыты. Вжэ косылы, люды ночовалы. Возьмуть хліба, воды зачэрпнуть, всё накрышать. Так йілы і так жылы”* [8]. У сам жа дзень рэкамендавалася не працаваць, у адваротным жа выпадку можна было наклікаць бяду. Рэспандэнты адзначалі дадзенае павер’е, калі сустракаліся з падобнымі выпадкамі самі: парушэнне – нейкая бяда ў жыцці ці ў вядзенні гаспадаркі [10].

Дзясятая пятніца пасля Вялікадня звалася Дысетухай [7; 3]. У гэты дзень забаранялася працаваць. Лічылася, што парушэнне павер’я можа прывесці да спынення росту пасеваў [10]. Аднак у разглядаемы перыяд часткай жыхароў асаблівай пашаны святу ўжо не надавалася [6].

Цэнтральным святам у летнім цыкле каляндарнай абраднасці з’яўлялася Купалле. Час з 6 на 7 ліпеня быў насычаны рознымі прымхамі, забабонамі, звычаямі і абрадамі. Варыяцый назвы свята ў мясцовасці было некалькі: Іван, Купало, Купалле, Іван Купало і інш.

Шырокараспаўсюджаным звычаем на гэтае свята быў збор зёлак, якія зваліся Іванавымі. Лічылася, што сабраныя менавіта ў гэты час расліны валодаюць асаблівымі лекавальнымі здольнасцямі, з’яўляюцца больш жыватворнымі. Некаторыя асвячалі іх падчас святочнага набажэнства ў царкве. Адзначалася, што гэтыя зёлкі, у адрозненне ад асвечаных на Зелянца, збіраліся пераважна ў букеты. Прызначэнне і выкарыстанне Іванавых траў было аналагічным з сабранымі на Зелянец.

Бытавала меркаванне, што ў гэты дзень асабліва небяспечнымі з’яўляюцца нячыстыя сілы, якія могуць прынесці шкоду гаспадарцы. Часцей гэта тычылася хатніх жывёл. Лічылася, што ведзьмары праводзілі рытуалы, ператвараліся ў жывёл (катоў, змей, свіней і інш.), пасля чаго “адбіралі малако” ў кароў [7; 13, с. 473]. Зрабіць гэта ведзьмары маглі шляхам збірання расы раніцай на Івана. Для гэтага яны збівалі яе пры

дапамозе рэшата, такім чынам адбывалася сімвалічнае збіванне малака [12, с. 169].

Каб нячысцікі не нанеслі шкоды, выконваліся пэўныя рытуальныя дзеянні: напярэдадні свята, у ноч на Івана (7 ліпеня), пабудовы абсыпалі асвечанымі соллю ці макам. Лічылася, што дзеянні ведзьмароў не будуць мець моцы, пакуль яны не збяруць усе рассыпаныя макулінкі [5]. Другія абкурвалі "свянцонымі зёлкамі" членаў сям'і, пабудовы, жывёл [12, с. 169].

У в. Стрыгава купальскую расу надзялялі карыснымі лекавальнымі якасцямі: каб пазбегнуць розных хвароб, раніцай да ўзыходу сонца ўмываліся гэтай расой [13, с. 473].

Асаблівае значэнне свята займала ў жыцці дзяцей і моладзі. Ноччу яны хадзілі шукаць папараць-кветку, якая магла прынесці чалавеку шчасце і здароўе. Некаторыя нават лічылі, што чалавек, якому атрымаецца яе знайсці, зможа валодаць усімі ведамі і знахарскімі здольнасцямі [2; 10; 11, с. 263; 13, с. 476].

Сярод дзяўчат сустракаўся звычай пляцення вянкоў і спускання іх па вадзе, аднак сэнс гэтых дзеянняў выканаўцамі ўжо амаль не разумеўся [10]. У в. Літвінкі было зафіксавана выкананне варожб на Івана, дзеянні якіх былі скіраваны на выклік сну, у якім жадалі пабачыць суджанага. Адны для гэтага збіралі 12 розных траў, якія клалі пад падушку, на якой спалі. Другія дзяўчаты ў адной сарочцы тройчы аббягалі студню, сімвалічна ўзмахваючы рукамі, і, ні з кім не гаворачы, клаліся спаць. Трэція клалі пад падушку пясок са скрыжавання дарог [13, с. 475].

У ноч на Купалу моладзь магла збірацца разам, дзе паліла вогнішчы, спявала, скакала цераз агонь [12, с. 170; 13, с. 474]. Звычай гэты сустракаўся не паўсюдна.

Зранку сяляне назіралі за сонцам: лічылася, што яно неяк асабліва "іграе" ў гэты дзень, пераліваючыся рознымі колерамі, ствараючы кругі вакол сябе [2]. Таму існавала такая прыказка: *"На Івана сонца грало. Грало-грало – пырыстало"*. *"Малэю я помню скотыну пасла і всё казалы: «На Івана рано сонцэ грало, сонцэ грало – пырыстало». А Іван жэ ж жывэ 7 іюля. І помню, тыпэр то гэтого ныма, а раній то такыі чырвоны вокруг сонца кружкы"*.

Значная колькасць рэспандэнтаў адзначала, што такія звычаі, як пошук папараць-кветкі, паленне вогнішчаў ды варожбы, ніколі не былі вядомы. Таму традыцыі Купалля ў іх абмяжоўваліся збіраннем зёлак і назіраннем за ігрой сонца.

Праз тыдзень пасля Тройцы пачынаўся Пятроўскі пост. Сялянамі ўжываліся толькі скаромныя стравы [1]. Існавала прыказка: *"На Пытра вдовці жэняцця"*. Звязвалі гэта з тым, што неабходны былі работнікі на далейшы час прыборкі ўраджаю [7].

Само свята ў гонар святых Пятра і Паўла прыходзілася на 12 ліпеня. Рэспандэнтамі адзначалася, што ў гэты дзень забароны на працу маглі парушацца, але гэта не асуджалася, паколькі гэта быў прыгодны час для збірання сена, асабліва калі было спрыяльнае надвор'е.

Адначасова свята было прыкладным адлікам для пачатку жніва [2]. Усё залежала ад надвор'я і, адпаведна, ад гатоўнасці збожжавых культур. Да гэтага часу запасы мукі маглі скончыцца, таму гаспадыні, нават калі зерне яшчэ не зусім паспела, маглі нажаць яго, насушыць, зжаць мукі і спячы першы хлеб. Тое ж самае тычылася і бульбы: пачыналі збіраць новы ўраджай для ўжывання ў ежу. Зыходзячы з гэтага бытавала такая прыказка: *"До Івана і мукыці ны мала, а на Пытра – наварыла і напыкла"* [7; 8].

Свята ў гонар Ільі адзначалася 2 жніўня. З гэтым днём звязана значная колькасць парэмій. Заўважалі, што на гэты час звычайна прыходзяцца моцныя дажджы, якія маглі пашкодзіць пасевам, таму казалі: *"Ілля наробыть гнылля"*. У першую чаргу хваляваліся за ўраджай бульбы, які ад празмернасці дажджу мог сапсавацца [10]. Заўважалі, што дні станавіліся карацейшымі, таму казалі*: "На Ільє высплюся й йе"* [9]. Існавала яшчэ адна прыказка, звязаная з набліжэннем восені: *"Прыйшов Пытрок – упав лысток, прыйшла Ілля – упало два"* [10].

Бытавала прыкмета, што купацца ў вадзе можна толькі да Ільі, бо пасля яго нячысцікі зацягваюць у ваду. Другі час, прыгодны для купання, атаясамлівалі з перыядам цвіцення лёну [6]. Іншыя лічылі, што вада пасля Ільі халодная, паколькі ночы становяцца даўжэйшымі, таму час гэты быў непрыгодным для купання [4]. У сялянскім асяроддзі існавала меркаванне, што самым прыгодным часам для гэтага з'яўляецца перыяд ад Пятра да Ільі [5].

Радзей у сялянскім асяроддзі згадваецца свята ў гонар святых Барыса і Глеба (6 жніўня). Некаторыя рэспандэнты яшчэ ўзгадвалі прыказку, звязаную з ураджаем: *"На Івана мукыці ны мала, на Пытра – наварыла і напэкла, а на Борыса хоть йіш і роспорожысся (роспоясысся)"*; *"Роспоясысся – йісты можно так, шо і пояс порвэцця"*. [10].

Неабходным бачыцца адзначыць, што ў разглядаемы перыяд летнім святам надавалася большая пашана і ўвага, у параўнанні з наступным часам, паколькі яны былі цесна звязаны з вядзеннем гаспадаркі, якая займала галоўнае месца ў жыцці селяніна. Большасць свят служыла адлікам для пачатку і сканчэння розных сельскагаспадарчых работ, што замацавалася ў парэміях. Адметны той факт, што частка звычаяў была звязана з выкарыстаннем раслін, зеляніны, якія набывалі лекавальную моц, выконвалі сакральную, а таксама функцыю абярэга ад нячысцікаў і прыродных катаклізмаў праз выкананне пэўных дзеянняў у вызначаныя дні календара.

Праводзячы аналіз стану захаванасці свят летняга цыкла і іх традыцый у 30–50-я гг. XX ст., можна зрабіць наступную выснову: выкананне звычаяў і абрадаў часта залежала ад згуртаванасці саміх жыхароў вёскі ці яе часткі (групы хутароў), што добра прасочваецца на прыкладзе святкавання Купалля. Так, напрыклад, у вёсках Балоты, Дывін, Лелікава больш яскрава адбывалася яго святкаванне, што адзначаецца як жыхарамі гэтых вёсак, так і іх суседзямі, дзе гэта было малавыражана. У адзначаны перыяд менш увагі звяртаецца на такія святы, як Дысетуха і свята ў гонар святых Барыса і Глеба. За рэдкім выпадкам яны не ўзгадваліся рэспандэнтамі. Трэба адзначыць і тое, што святу пад назвай Зылынэць надавалася значна больш пашаны пры высвячэнні зёлак, чым святу ў гонар Іаана Хрысціцеля. У працах папярэдніх даследчыкаў адзначалася, што Зелянец (Дыветуха) быў больш распаўсюджаным і вядомым сярод прадстаўнікоў каталіцкай канфесіі, аднак праведзеныя палявыя даследаванні дазваляюць сцвярджаць, што не меншае значэнне яно мела і для сялян праваслаўнага веравызнання.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з Ігнацюк П. С., 1937 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2018.

2. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з Ігнацюк Я. І., 1934 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2018.

3. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з Кавалюк Г. П., 1951 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Кісялёўцы, 2020.

4. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з Кавалюк М. Ф., 1944 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Кісялёўцы, 2020.

5. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з Кірыеўскай Н. А., 1987 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Магдалін, 2021.

6. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з Кіслюк Н. С., 1948 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2019.

7. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з Курышка А. М., 1937 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2020.

8. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з Курышка В. К., 1936 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2020.

9. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з Турын В. М., 1931 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2020.

10. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з Шварко К. Ц., 1913 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2019.

11. Валодзіна, Т. В. Лекавальная магія ў кантэксце каляндарнага свята / Т. В. Валодзіна // ARCHE. – 2011. – № 7–8. – С. 262–285.

12. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 4. Брэсцкае Палессе. У 2 кн. Кн. 1 / В. І. Басько [і інш.] ; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2008. – 559 с.
13. Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. В. Гурко [и др.] ; науч. ред. А. В. Гурко ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 621 с.

К содержанию

УДК 93

М. В. КУКСЁНОК
Полоцк, ПГУ
Научный руководитель – Е. В. Сумко, канд. ист. наук, доцент

ВОСПОМИНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ НОВОПОЛОЦКА

В статье отмечается особое значение воспоминаний как источника по изучению истории Новополоцка. В качестве примера автор приводит фрагменты воспоминаний горожан из фондов УК «Музей истории и культуры г. Новополоцка».

На современном этапе развития исторической науки ученые все чаще обращаются к микроистории. Изучение истории отдельных городов и регионов, которые долгое время были вне поля зрения исследователей, выходит на передний план. В их числе история Новополоцка – одного из молодых городов Беларуси, который своим возникновением обязан строительству нефтеперерабатывающего завода.

При изучении истории Новополоцка важным представляется обращение к воспоминаниям горожан. По утверждению В. В. Кабанова, «воспоминания способны восстановить множество фактов, которые не отразились в других видах источников. Мемуарные частности могут иметь решающее значение для реконструкции того или иного события» [6, с. 133].

Особый интерес представляют воспоминания новополочан из фондов УК «Музей истории и культуры г. Новополоцка». Рукописи и машинописные тексты содержат обширный материал и позволяют получить представление о различных аспектах жизни города. Коллекция воспоминаний по истории города начала формироваться во второй половине 1990-х гг. Анализируя даты написания воспоминаний, мы можем

предположить, что в преддверии 40-летия города сотрудниками музея проводилась целенаправленная работа в этом направлении. Следующая группа воспоминаний датирована началом 2000-х гг. Данный факт можно объяснить приближением очередного юбилея города и подготовкой к созданию экспозиции музея. Необходимо отметить, что с просьбой поделиться воспоминаниями музейные специалисты обращались не только к тем, кто на момент сбора информации проживал в Новополоцке. В фондах музея содержатся воспоминания первостроителей, руководителей предприятий, организаций, которые в связи с изменившимися жизненными обстоятельствами переехали из Новополоцка в другие населенные пункты. В результате во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. сотрудниками музея были собраны уникальные материалы по истории города. В последующие годы поступление воспоминаний не было систематическим, однако коллекция воспоминаний постепенно пополняется в связи с разработкой определенных тематических экспозиций.

Какие же сведения может получить исследователь, если обратится к воспоминаниям новополочан? В первую очередь, изучая воспоминания жителей Новополоцка, мы обращаем внимание на информацию о том, каким образом они узнали о строительстве города, из каких регионов приехали, какое имели образование.

Например, первостроитель Евгения Андреевна Маркевич (Павлова) вспоминает: «Около Полоцка, в деревне Ксты, жил мой дядя. Он взялся помочь мне получить паспорт и устроиться на работу. Я ходила на случайные подработки в Полоцк (разгружали вагоны, убирали снег с путей и т. д.). С паспортом так ничего и не получилось. От молодежи я узнала, что идет “вербовка” на новостройку. Пошла, записали, назначили срок прибытия в деревню Слобода. И вот, 6-е июня 1958 года. Я иду пешком со Кстов в Слободу на работу (и без паспорта!)» [2, с. 1–2].

«Когда-то мы – девчонка с юга России, с казачьего Дона и белорусский парень из Витебской области – встретились в московском вузе. Окончив его, поженились и став инженерами-строителями, начали свой трудовой путь в Подмосковье. Рядом Москва, друзья-однокурсники, хорошие перспективы в работе и дальнейшей жизни. Но… судьба вдруг круто изменила наш путь: приехав в Белоруссию в отпуск, мы увидели начинающуюся грандиозную стройку, ставшую всесоюзной комсомольской: строительство нефтехимического гиганта и нового города на берегу Двины вблизи древнего города Полоцка. Шел 1960-й год. Вокруг– молодые энтузиасты ребята, приехавшие из разных мест страны, будущие строители и жители нового города. И нам захотелось остаться и тоже строить город будущего», – рассказывает первый руководитель проектной мастерской Алла Александровна Фурс [3, с. 1–2].

Следующий важный момент в истории города – решение жилищного и других бытовых вопросов. Где проживали первостроители Новополоцка? Каким образом было организовано питание? Как они добирались на стройплощадку? Ответы на эти и другие вопросы находим на страницах воспоминаний. «Жили по деревням: в Слободе, в Охотнице, в Середоме, в Гвоздово, в Подкастельцах, в Махирово, в 1-й Баравухе. На машине привозили горячие обеды к первой палатке. Обедали прямо на земле, потом соорудили столы. Ветер подует, а песок – в суп» [2, с. 4]. «Первые дни по прибытии на стройплощадку в августе 1958 г. меня, как молодого специалиста, только что окончившего институт, прямо сказать, ошарашили, – делится воспоминаниями первостроитель Эдуард Антонович Шиманский. – Во-первых разместили нас с жильем на частных квартирах (домах) в Боровухе I, а это в десяти километрах от стройки, во-вторых штатных единиц мастеров не хватало и поэтому оклады нам назначили самые минимальные (на то время 900 руб. в месяц), а нагрузка на мастера была такая, как сейчас по количеству людей в строительном управлении» [5, с. 1].

Воссоздать картину начала строительства города, завода позволяют воспоминания первостроителя Алексея Петровича Ильина: «С января 1960 года начал работать на нефтеперерабатывающем заводе техником-геодезистом отдела генплана. На заводе нас тогда было всего 27 человек. К тому времени строились только объекты складского хозяйства. Чтобы продолжить строительство завода, нужна была геодезическая основа. И вот мы геодезисты, нас было тогда 2 геодезиста и 2 рабочих, приступили к выноске в натуру проектов осей основных дорог и контуров первых технологических установок. Были трудности, как и у всех первопроходцев: бездорожье, неустроенность, отсутствие транспорта для доставки людей к месту работы и обратно» [1, с. 1].

О становлении и развитии отделения связи рассказывает первый начальник предприятия Сергей Наумович Хацкевич: «Первое отделение связи открылось 21 ноября 1958 года и называлось оно “Пионерный городок”. Разместилось отделение связи в общежитии № 12. Устроились богато, по тем временам, имели 4 комнаты. В одной само отделение связи, в другой – кладовая, в третьей – наше жилье (стояли две кровати, на случай если домой не уедешь), а в четвертой… четвертую у нас позже отняли и поселили две девушки с УНР 121. Зимой 1958–1959 года наше отделение связи было своеобразным клубом, куда шли не только за свежей газетой или журналом, но и за добрым словом, за поддержкой друг к другу. Здесь не раз разгорались кратковременные дискуссии на любые темы, нередко почта была местом встречи влюбленных. Мы всех

проживающих в общежитиях, а их было около 600 человек, знали по имени и фамилии» [4, с. 3–4].

На страницах воспоминаний встречаем также сведения по организации досуга горожан. Например: «И у нас созрело решение; мы попросили отдать молодежи старую столовую, которую временно соорудили летом 1958 года на берегу Двины в районе теперешних коттеджей, – вспоминает Эдуард Антонович Шиманский. – Сооружение это было предназначено под слом, так как свои функции уже выполнило, и поэтому нам пошли навстречу. Но условие поставили одно: материалами руководство обеспечивало, а вот привести в надлежащий вид, чтобы можно было там проводить вечера, предлагалось на общественных началах. Вот здесь еще раз на деле был показан энтузиазм и молодой задор строителей. Никто не отказывался после работы придти и 2–3 часа отдать на общее дело, поработать по своей специальности, чтобы превратить бывшую столовую в молодежный клуб. Трудно вспомнить сейчас всех, кто принимал участие в этой работе, но через 2–3 недели были перестелены полы, оклеены стены, проведена покраска потолков и столярки и клуб заработал. Там проводились и собрания, и танцы, и занятия самодеятельности, в общем, это помещение еще больше сплачивало молодежь, не надо было ездить в Полоцк, да и время экономилось» [5, с. 3–4].

Как видим из приведенных выше фрагментов, воспоминания позволяют получить различные сведения и имеют огромное значение в изучении истории Новополоцка.

Список использованной литературы

1. Автобиография Ильина Алексея Петровича // Фонды УК «Музей истории и культуры г. Новополоцка». – КП 3790.

2. Воспоминания Маркевич (Павловой) Евгении Андреевны // Фонды УК «Музей истории и культуры г. Новополоцка». – КП 2874.

3. Воспоминания Фурс Аллы Александровны // Фонды УК «Музей истории и культуры г. Новополоцка».

4. Воспоминания Хацкевича Сергея Наумовича «Пионерный городок» // Фонды УК «Музей истории и культуры г. Новополоцка». – КП 10729.

5. Воспоминания Шиманского Эдуарда Антоновича // Фонды УК «Музей истории и культуры г. Новополоцка». – КП 3854.

6. Кабанов, В. В. Источниковедение истории советского общества : курс лекций [Электронный ресурс] / В. В. Кабанов. – М., 1997. – Режим доступа: http://opentextnn.ru/old/history/istochnik/kabanov/index.html. – Дата доступа: 24.03.2021.

К содержанию

УДК 394.014

М. Г. ПАВЛЮКОВЕЦ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. Ю. Пилипович, ст. преподаватель

СПЕЦИФИКА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена рассмотрению городского пространства как предмета для этнографического исследования. Показаны отличительные черты этнографии города, и приведена краткая история изучения.

Социокультурное пространство города является средой интеграции различных сфер человеческой деятельности, которым присущи свои традиции и ценности. Урбанизационные и миграционные процессы обеспечивают приток и развитие в городском пространстве как различных идей, новшеств, изобретений, так и всевозможных пороков. Соответственно, население города является своеобразным «слепком» прогресса и деградации. Вместе с тем необходимо отметить, что именно город чаще всего являлся флагманом социально-политического и экономического развития. В городском пространстве наблюдается высокая интенсивность обмена информацией, культурно-духовное многообразие, постоянное взаимодействие представителей различных субкультур и образование новых социальных отношений. Очевидно, что городской уклад жизни выходит за рамки традиций, формировавшихся испокон веков в малых населенных пунктах – деревнях и селах. Особенностью города является его специфическая инфраструктура, которая тесно вплетена в жизнь горожан. Все вышеперечисленные факторы делают изучение городского пространства достаточно сложным, но, одновременно, и перспективным. Этнографическое изучение города позволяет нам разобраться в его сложной социальной структуре, понять специфику взаимодействий разных социальных групп, определить роль этих групп в формировании самого города. Изучая городскую повседневность, мы одновременно реконструируем прошлое города, наблюдаем современность и можем очертить перспективы и проблемные точки развития.

В разные периоды времени исследованием социокультурного пространства города занимались этнографы, социологи, историки, филологи, искусствоведы, философы и др. [3]. Становление города как пример развития цивилизации рассматривается в трудах европейских исследователей М. Вебера, Г. Зиммеля, О. Шпенглера [4, с. 134]. Идея изучения города как социокультурного явления была разработана такими социологами, как Р. Редфилд и У. Уорнер. Данный подход предлагает рассмат-

ривать в первую очередь психологические проблемы горожан, возникающие под влиянием окружающего сложно устроенного пространства. Суть идеи исследований заключалась в рассмотрении города как биосоциального организма с особыми психологическими свойствами [5, с. 5]. Геокультурные характеристики городского пространства изложены в трудах С. Хантингтона [5, с. 6], а результаты изучения роли городских культурных объектов в духовном развитии горожан можно найти в трудах О. Е. Трущенко, В. Л. Глазычева и т. д. [2, с. 25].

Известно, что попытки исследования белорусских городов предпринимались еще со времен Российской империи, но они не носили системный характер, не затрагивали глубинные проблемы городской жизни. В основном исследователи давали характеристику жизни царской и княжеских семей, богатой части жителей города. Известны, например, работы И. Е. Забелина по вопросам быта русских царей и цариц, а также истории Москвы. Идея изучения быта разных общественных групп также присутствовала, но не получила должного распространения [1, с. 5].

Систематическое этнографическое исследование городов началось только в 1920–1930-е гг. Главным объектом исследования являлись рабочие фабрик и заводов, так как представители других профессий (работники банка, учителя, чиновники и т. д.) не считались прогрессивными и не занимали ведущей роли в жизни советского общества, поэтому оказались «на обочине» исследовательского интереса. Многие ученые продолжали работать по традициям еще дореволюционных исследователей и собирали в большей мере лишь статистические материалы по условиям труда, времени работы и отдыха рабочих методом анкетирования или интервьюирования [1, с. 2].

Этнография в тот период была отнесена к второстепенным историческим дисциплинам, так как, согласно советской идеологии, все народы советского пространства ко времени достижения индустриального развития потеряют свои национальные особенности и образуют однородное общество, и потому этнография в исторической науке в будущем больше не будет актуальна. Данный подход обусловил крайне непродуктивное изучение городского пространства, что заставило исследователей пересмотреть существующие подходы [2, с. 11–13].

Поэтому в 1950–1960-е гг. этнографы сделали акцент на семейно-бытовые вопросы горожан, начали исследоваться разнонациональные браки, молодежь, воспитываемая в таких семьях. Изучению подлежали различные стороны быта: жилище, одежда, питание, общественные праздники, род занятий и отдыха; рассматривались демографические вопросы, процесс адаптации отдельных групп приезжего населения в новой социокультурной среде и их взаимодействие с коренными городскими

жителями. Несмотря на идеологический диктат, в этот период наблюдается развитие этнографии города [1, с. 3].

Важно отметить, что в советское время изучение города проходило при активном использовании материалов по этнографии села, поскольку рост числа городских жителей происходил за счет приезжего населения из сельской местности. Такой подход позволял проследить, как носитель традиционной культуры взаимодействует с новыми порядками, а также оказывает ли сам влияние на окружающий социум [1, с. 5]. Начавшиеся с 1960-х гг. активные этнографические исследования продолжаются до настоящего времени. Труды, написанные советскими этнографами, используются современными исследователями в качестве дополнительных источников по разным изучаемым периодам, проблемам и методам работы. Среди российских этнографов изучением городского пространства занимались Г. П. Григорян, В. П. Конецкая, О. В. Костина, И. А. Манкевич, М. М. Назаров и др. [5, с. 6]. Среди белорусских ученых можно выделить таких, как Н. Я. Гринблант, Л. А. Молчанова, В. К. Бондарчик, Л. В. Ракова, И. Р. Углик и т. д. [6, с. 2].

На сегодняшний момент широкая база источников для исследования позволяет выявлять и изучать новые, более узкие и специфические проблемы и вопросы. Использование не только традиционных источников (письменных, вещественных, устных, этнографических), но и нетрадиционных (кино-, фоно- и фотодокументов) выводит работу ученых на новый и более современный уровень, расширяет поле деятельности, способствует созданию новых подходов к изучению и привлечению к работе специалистов разных научных дисциплин и направлений. В условиях современной глобализации актуализируется задача не только изучить, но и сохранить первичные культурные особенности города, в которых отражен процесс его формирования и развития. Открытое взаимодействие непохожих друг на друга культур, свободное заимствование некоторых элементов, появление брендов во внешнем виде, поведении, выборе еды и т. п., как проявление глобализации, в данном случае стирает национальные и региональные культурные особенности, что только усложняет работу этнографа.

Таким образом, город – это сложнейшая система взаимодействия представителей разных субкультур, религий, национальностей, культурных традиций. Развитие города сопровождается его усложнением, многообразием сфер деятельности, появлением новых культурных и социальных отношений. Изучение городского пространства необходимо для дальнейшего прогнозирования возможных перспектив его развития, выстраивания грамотной социальной политики, создания благоприятных условий для культурной, научной, творческой и повседневной деятельности городских жителей.

Список использованной литературы
1. Будина, О. Р. Этнографическое изучение города в СССР / О. Р. Будина, М. Н. Шмелева // Совет. этнография. – 1977. – № 6. – С. 21–31.
2. Виннер, Б. Е. Социальная структура исследовательской области «Этнография / Антропология города» в российской этнологии / Б. Е. Виннер, К. С. Дивисенко // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2018. – Т. 21, № 1. – С. 7–44.
3. Город как социокультурное явление исторического процесса / В. Л. Глазычев [и др.]. – М. : Наука, 1995. – 352 с.
4. Гофман, А. Б. Социальное – социокультурное – культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» / А. Б. Гофман // Социол. ежегодник. – 2010. – С. 128–136.
5. Тулиганова, И. В. Социокультурное пространство современного города : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / И. В. Тулиганова ; Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2009. – 18 с.
6. Шкрабова, Т. А. Городская и сельская молодежь в трудах белорусских советских и современных этнографов / Т. А. Шкрабова // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в. : материалы междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Т. А. Новогродский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2011. – С. 137–141.

К содержанию

УДК 392.3(476.7)

А. С. РУДЕНКО
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. Ю. Пилипович, ст. преподаватель

ДЕТСТВО В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ КОБРИНЩИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-Х – 70-Х ГГ. XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ УСТНОЙ ИСТОРИИ)

Статья посвящена реконструкции детской повседневности в рамках каждодневного быта сельской семьи во второй половине 1940-х – 1970-х гг. Выделены и рассмотрены основные структурные компоненты повседневной жизни детей. Выводы основываются на материалах самостоятельных полевых исследований автора.

Детство – один из жизненных этапов человека, начинающийся от рождения и заканчивающийся совершеннолетием. Детская повседневная жизнь включает в себя семейный быт и трудовую деятельность детей,

а также игры и забавы. На традиции повседневности значительное влияние оказывает историческая эпоха. Целью нашего исследования является реконструкция уклада жизни детей в рамках повседневных практик сельской семьи во второй половине 1940-х – 1970-х гг., выявление его особенностей. Объектом исследования выступает повседневный уклад жизни сельской семьи, предметом – повседневность детей. Изучение основано на полевых материалах, собранных с помощью метода интервьюирования жителей деревень Кобринского района (Леликово, Ластовки, Славно). Важным моментом в исследовании региональных особенностей повседневной жизни сельских детей, на наш взгляд, представляется возможность сравнения и сопоставления их с укладом жизни современных детей в тех же регионах. Это дает нам возможность проследить трансформацию детской повседневности с середины XX в. до наших дней. Важность исследования темы обусловлена, в том числе, необходимостью накопления и сохранения исторической памяти о жизни наших предков в прошлом.

Основываясь на материалах полевых исследований, можно условно выделить несколько возрастных групп детей: 0–8 лет, 8–14 лет, 14–18 лет (необходимо отметить, что последняя категория в традиционной культуре уже не рассматривалась как дети). В зависимости от возраста разнились основные обязанности ребенка в семье, его игры, особенности взаимодействия с окружающим миром и его образ жизни. Для характеристики традиционной повседневности детства более продуктивно использовать в качестве основного критерия классификации не возраст, а вид основной деятельности ребенка. Например, до 8 лет преобладающим видом деятельности является игра, но она сохраняется в жизни ребенка и на более поздних этапах, включая и подростковый возраст. Таким образом, мы рассмотрим несколько структурных компонентов детской повседневности: трудовая деятельность (помощь взрослым); игровая деятельность (для младших) или свободное времяпровождение (для детей старшего возраста); взаимодействие с окружающими (родители, братья и сестры, дедушки и бабушки, друзья, посторонние взрослые и т. д.).

Жизнь человека в сельской местности напрямую связана с трудовой деятельностью. С самого рождения ребенок мог оказаться на поле вместе с мамой, так как труд на земле кормил всю семью. Совмещать работу и присмотр за младенцем было сложной задачей, поэтому часто уход за детьми становился обязанностью старших братьев и сестер. Отсутствие предметов детского быта восполняли самодельными приспособлениями. Например, для того чтобы успокоить ребенка, использовали импровизированную соску: *«...в тряпку хлеба нажую, нажую, положу сюдэ сахару, завъяжу и вткну в рот и смокча тую соску. Во якая соска була...»* [1].

Примерно с 4 лет дети могли организовываться в компании. Пока родители трудились, они занимались изготовлением кукол из травы, где корень служил волосами, чтобы предать форму тела, траву перевязывали нитками. Придумывали различные игры, чтобы занять свое время, строили домики из песка, делали кроватки [3].

С 8 лет, а иногда и раньше, ребенок уже имел свои обязанности в семье. Весомых отличий в обязанностях у старших и младших не было. Несмотря на то что обязанности мальчиков и девочек были схожими, мы можем заметить гендерные отличия. Мальчики проявляли интерес к технике, в основном это были трактора, мотоциклы и машины. Были случаи, когда отцы уже примерно с 12 лет обучали сыновей езде, а в возрасте постарше мальчики уже самостоятельно могли управлять трактором, выполняя сельскохозяйственные полевые работы. В это время девочки вместе с мамами, бабушками и другими родственницами учились элементарным навыкам шитья, готовки и другим женским обязанностям. При этом основные их обязанности отличий не имели. И мальчики, и девочки выполняли следующую работу: уборка дома, мытье посуды с помощью кипятка, песка, горчицы, хозяйственного мыла, так как отсутствовали различные моющие средства [3]. Кормление домашних птиц, животных, собак, выпас гусей и коров, прополка/копка «бураков и картошки», переворачивание, гребка и «топтание» сена, сбор травы – все это входило в их обязанности: *«...батька нас закэна на вэшки, а мэ топчымо з Колею тое сино “Топчэ липш”, а там страшно, колацця, бодяка, сухое. Навбиваешь тэх бодякив в пальцы – колаца...»* [3].

Детям постарше доверяли управляться в хлеве, готовить еду в парнике. Это они выполняли сразу после школы, чаще всего до выполнения домашнего задания: *«...вжа школьница була, то пасла качок; по 100 штук, сядала на човкэ (квадратное обыкновенное корыто из жести) и плавала, пасла, чтоб воронэ не кралэ, янэ в воду и е тожа за човкэ, бо так интереснее было, он там все время возле рова стоев... по гиктараву бульбу садэлэ, и вжа идамо со школы, бигом свенюм дамо, уроки потом робэлэ, бо бульбу трэба копатэ, и бигом бижэш, а матэ “чаго так довга сунулэся, да лазилэ?” и сядяешь, штанэ, чтоб колина не пакле на ноги и копаешь бульбу»* [3].

Помимо того что детям поручали домашние и сельскохозяйственные работы, они также занимались сбором и заготовкой ягод и грибов, зачастую по собственной инициативе. При этом для детей такая работа была в радость: очередной поход в лес становился целым детским секретом и игрой.

У детей не было многообразия игрушек. В основном их делали из подручных средств, одежды. Встречались игрушки из дерева, также

изготовленные самостоятельно родителями. Куклы для девочек тоже шили самостоятельно: *«Игрушек никто не бачыв. Возьму тряпку, туда напихаю что-нибудь, и ручкой уже гоняет ту цацку»* [1].

В деревнях было много детей, которые образовывали компании. Часто дети вели своеобразную «борьбу» с детьми, жившими на другой улице, предварительно устраивали засаду, готовились неожиданно атаковать. Это было забавой для обеих сторон, хоть иногда такие игры могли нанести физический вред: *«Мы дружили нашей улицей и воевали с соседней улицей, если кто-то с нее придет. Гуртками кэдалэ, то грязи набараш. Они нас бэлэ, мэ их. Но если сам идешь, то не трогали»* [3].

Интерес представляют прозвища, которые дети давали друг другу: «дэрсон», «шпиля», «сухопорок», «петхен», «глобур», «пушка», «полеха-валеха» [3]. Родители никогда не вмешивались в проблемы, возникшие между детьми: *«Я плакала: “мана бьюць, мни ни дають!” а мама казала: “То не лизь! Чаго лизаш? Сыдэ са хоч вдома, чтоб не бэлэ”»* [3].

Что касается игр, то их можно разделить на две группы в зависимости от поры года – зимние и летние. Летние имели большее разнообразие, нежели зимние. Самыми интересными, которые вспомнили респонденты, стали «прятки» и «жмурки», «классики», «фанты», правила которых не изменились и в настоящее время. Однако такие игры, как «тюха-матюха», «дарняк», «кински-кински», «парагонки», не распространены среди современных детей. Так, например, в игру «тюха-матюха» играли вдвоем. Ставили два кирпича, одну палку ложили на них, а второй нужно было выбить первую, задача второго игрока заключалась в том, чтобы словить палку, тем самым получить право броска. Для игры «дарняк» детям сначала нужно было раздобыть нож: *«круг рисуем, ножики у батькив кралэ, одризваеш дарняка в кругу, прыходыть Валя и шукае яго, если вона яго нашла, то хватае и бье мана, а я втыкаю, а если не нашла вона, то е хватаю и яе тым дарняком»* [3]. Для игр «кински-кински» и «парагонки» уже было необходимо большее количество людей. Для первой игры на дороге рисовали две линии в противоположных сторонах, толпа детей ждала на одной стороне сигнала ведущего *«кински, кински на пашу»*, находившегося в центре, задача которого – словить как можно больше игроков, пока они перебегают вдоль дороги за вторую черту. Вторая игра носила соревновательный характер. Два человека становились *«на финиш»* и катали старое велосипедное колесо. Побеждал тот, у кого колесо как можно быстрее докатится до финиша и не упадет.

Основным инвентарем для зимних игр был снег. Начиная от обычных снежков, заканчивая импровизированными самодельными коньками: *«…брали 2 полины, в середину находили провода, чи железяку и сбивали. А шнурки брали как шкура из кожуха. Привязывали этими*

шнурками к валенкам и так катались» [2]. Распространенной игрой были «городки», когда на снегу расчерчивали карту и друг у друга в порядке очереди отбирали территорию, кидая камушек, чтобы определить размер переходящей части. Развлечения, как говорят респонденты, дети находили сами себе [2]. Придумывали не только игры, но и целые механизмы: *«Еще мы расчищали сажалку, у каждого во дворе были. Обрубывали сокиркою кругана и робили винд, брали колка и устраивали себе карусели, как сегодня в парке по кругу. Но у нас не было ни санок, ни чога такого. А по льдову с кием отталкивались и кружились кругом»* [2]. Также дети играли в прототип сегодняшнего боулинга: *«Колодочки круглые делали и ставили домиком, брали кия и сбивали колодочки…»* [2].

Дети сами придумывали себе приключения. Например, сходить на кладбище было целым испытанием, особенно для девочек; украсть с чужого огорода фрукты (потому что чужое вкуснее). Ощущение опасности добавляло интерес детям, но, как правило, никто из взрослых за такие проделки не ругался. Позже, очень редко, устраивали вечера просмотров фильмов. Телевизор чаще всего был один на всю деревню в самой богатой семье, но посмотреть его мог каждый желающий. Для этого владелец дома мог принести в дом дополнительные лавки, а смотреть телевизор могли даже в отсутствие хозяев [2].

Воспитание детей основывалось на авторитете родителей, при этом авторитет отца был сильнее авторитета матери, несмотря на то что в связи с сезонными работами и армейскими сборами дети могли и не помнить своих отцов. Радостью для ребенка было угощение, которое папа приносил домой после работы, при этом рассказывал про то, что это деткам передал зайчик, которого он встретил по дороге [2; 3]. Чтобы маленькие дети не сидели дома одни, их могли брать с собой на работу. Так, дети катались в шоферской кабине или сопровождали в других работах своих родителей. Часто детей оставляли у бабушки. Внуки слушались, при этом их чаще всего не наказывали физически, но ясно давали понять, что лучше не проказничать: *«Сыдэ са хоч ничэста сэла, бо зара я таба посажу»* [3]. Но иногда все же, по воспоминаниям респондентов, за шалость можно было получить крапивой или ручником по ногам [2; 3].

Отдельное место в воспитании детей занимала негласная вера в Бога. Походы в церковь осуждались школой и другими государственными учреждениями, но дети все равно ходили вместе с родителями, получая потом «нагоняй» [2]. Когда дети ругались, обзывали друг друга, то родители часто говорили следующее: *«бозя язэчка накола, нельзя плохэх слов казатэ»* [3]. Маленьким детям могли объяснять гром следующим образом: *«это бозя сварыцца»* [3].

Часто дети слушали от взрослых поучительные истории из жизни, рассказы о войне. Как вспоминает респондент, сказки им читали гораздо реже, нежели их дедушка рассказывал им истории из молодости, как жилось во время войны [2].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что детская повседневность была напрямую связана с трудовой деятельностью, которая в свою очередь лежала в основе воспитания. Дети с раннего возраста приучались к труду, в них воспитывались такие нравственные качества, как трудолюбие, уважение труда другого человека, помощь нуждающимся. Тяжелые условия труда оказывали влияние на формирование крепкого физического здоровья детей и выносливости. Можно сказать, что именно труд обусловливал детскую повседневность в изучаемый период. Кроме этого, дети посещали школу, у них было некоторое свободное время на отдых, игры, прогулки, общение со сверстниками, соседями и семьей. Личный пример взрослого человека, авторитет отца и матери, предоставление ограниченной самостоятельности детям, привитие ответственности за принятые решения – все это было важной составляющей становления личности ребенка. Семья имела первостепенную важность, поскольку именно в ней проходили первые шаги социализации ребенка, познание мира, обучение труду, воспитание патриотичности, усваивание первых моральных норм и др.

Список использованной литературы

1. Личный архив автора. Интервью с А. А. Соколачко, 1931 г. р., д. Славно, Кобринский район, Брестская область, 2020 г., ноябрь.

2. Личный архив автора. Интервью с А. В. Чирун (Соколачко), 1958 г. р., д. Ластовки, Кобринский район, Брестская область, 2020 г., ноябрь.

3. Личный архив автора. Интервью с Н. Н. Руденко (Морощук), 1966 г. р., д. Леликово, Кобринский район, Брестская область, 2020 г., ноябрь.

К содержанию

УДК 394:2

Н. В. САХАРЧУК
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. Ю. Пилипович, ст. преподаватель

РЕЛИГИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье тезисно рассматривается феномен религиозной повседневности, выделяются основные факторы, влияющие на ее формы и проявления в моделях поведения. Автором делается попытка определения границ исследовательского поля. Анализируются особенности предмета изучения, влияющие на ход и практику исследования.

В настоящее время наблюдается тенденция к увеличению числа исследований, посвященных вопросам взаимодействия человека и религии в самых различных сферах жизни. Развитие истории повседневности предоставляет возможность изучать роль и значение религии в культуре повседневности. Культура каждодневного быта является неотъемлемой частью общей культуры и истории человечества. Любое проявление религиозности тесным образом связано с предметным миром и духовной сферой повседневной культуры человека. Необычность и сложность предмета изучения привлекают исследователей из разных сфер гуманитаристики (культурологии, социологии, этнологии, археологии, истории и др.), которые сосредоточивают свое внимание на отдельных аспектах взаимоотношений религии и повседневности. Необходимым представляется определение границ исследования и подходов к изучению феномена религии в повседневной жизни.

Сложность феномена повседневности заключается в его многоаспектности. С одной стороны, повседневная реальность обычно служит фоном для «необычного», «редкого», «значительного» в жизненном пространстве человека, и поэтому чаще всего «субъективна», очень «подвижна», «незаметна» для исследователя. С другой стороны, повседневность фундаментальна, составляет материальную, духовную, ментальную основы действительности. Это делает ее весьма устойчивой и внешне монолитной. Зачастую повседневность ассоциируют только с обыденным бытом и привычным материальным окружением, однако она представляет собой многогранную структуру, включающую в себя как предметный мир, так и действия (привычки), переживания, представления и образы. Пространство повседневности – это синтез внутреннего и

внешнего, реального и вымышленного, сакрального и светского, что неизменно отражается на всех сферах бытия человека [5; 10].

Повседневность в значительной степени регламентируется нормами, предписываемыми доминирующими в обществе религиозными представлениями. Они влияют на формирование вещного окружения, программируют стратегии поведения, определяют мировоззрение человека и его оценку действительности. Религия в структуре повседневной жизни людей представлена основными составляющими религиозных практик: традиции, обычаи, обряды, ритуалы [8]. Необходимо отметить, что религиозные практики повседневности не статичны. При их изучении следует учитывать, что они сопровождаются перманентными процессами десакрализации, секуляризации, сакрализации и ресакрализации, происходящими как в жизни отдельного индивида, так и в целом общества [16, с. 91–92]. В ходе данных процессов религиозная повседневность приобретает целый ряд специфических черт: поверхностность веры в массовом сознании; ситуативность; разнообразие практик; синкретизм идей и их проявлений; формальность; квазирелигиозность; ритуализация; коммерциализация; виртуализация [16; 15; 2; 7; 14].

Следует отметить, что на религиозную повседневность оказывает влияние среда, в которой проживает большую часть жизни изучаемый контингент. В ходе исследований необходимо принимать во внимание разноплановость городского и сельского социокультурного пространства. Городское пространство характеризуется более динамичными изменениями в повседневном быте, культуре и социальном устройстве. Активные миграционные процессы в городе влекут за собой пестроту жизненных укладов, традиций и каждодневных практик. Не имея в своей основе единства традиций, городское население отличается значительно большей разобщенностью, нежели сельское. В свою очередь это приводит к индивидуализации жизненного пространства и его «закрытию» от внешних (по отношению к человеку) людей. Таким образом, изучение влияния религии на повседневность в городской среде осложняется скрытостью повседневных практик горожан, их значительным разнообразием, причем они нередко разительно контрастируют друг с другом [1; 2; 13].

Традиционная сельская повседневность, не испытавшая на себе урбанизационных процессов, представляет собой, в определенной степени, противоположность городскому пространству. Она более консервативна, поэтому характеризуется большей устойчивостью к социокультурным изменениям и относительной монолитностью жизненного уклада. Сельское общество связано не только территорией проживания, но и едиными культурными особенностями. Повседневные практики более наблюдаемы в связи с открытостью между представителями сельского

общества, что значительно упрощает процесс исследования. Сохранность в сельской местности бытовавших ранее традиций вызывает особый интерес у исследователей религиозной повседневности [13; 4; 12].

Помимо этого, стоит отметить, что целый ряд исследований имеет в качестве предмета конкретный локус – определенный географическими рамками и культурными особенностями регион [1; 4; 12].

Кроме отмеченных выше факторов, повседневная религиозность непосредственно обусловлена «духом эпохи». Так, например, в советский период властью проводилась политика, направленная на ограничение религиозной деятельности, как в церковной, так и в повседневной практиках. С одной стороны, это приводило к секуляризации и десакрализации традиций, но в то же время возникают новые, тщательно скрываемые практики. В комплексе это формировало новое повседневное пространство, в котором контрастно выделялись крайние позиции, и между ними располагался весь спектр остальных взглядов. Исследователями отмечается, что, несмотря на все условия, люди втайне молились, совершали религиозные обряды, жертвоприношения, отмечали религиозные праздники и просто «сохраняли веру» [9; 1]. В постсоветские 1990-е гг. наблюдается плюрализм взглядов, мнений, подходов. В повседневной религиозности «маятник качнулся» в противоположную сторону: не только возобновились традиционные религиозные практики, но и стали распространяться новые, заимствованные из других культур либо возникающие на «местной» почве. С одной стороны, в данный период наблюдается возрождение языческих традиций (неоязычество), а с другой – постепенно уходит в прошлое традиционное знахарство, некоторые праздники и другие формы традиционной религиозности. Характерной чертой становится взаимодействие несхожих между собой религиозных течений и практик, что влияет на изменения в обыденности людей [3; 14].

При изучении религии в культуре повседневности большое внимание уделяется трансформации современного института религии и появлению новых типов религиозности. Это обусловлено изменением традиционных взглядов на жизнь, ведущим к неизбежным метаморфозам облика и статуса религиозных вероисповеданий в социуме. Исследователи подчеркивают, что влияние модернизации на традиционную религиозность проявляется в формировании нетрадиционных форм духовности, которые отвечают повседневным потребностям социальных субъектов, более динамичны и подвижны [6].

Повседневность настоящего времени невозможно представить без современных гаджетов и интернет-технологий. Данные изменения резко вошли в жизнь сегодняшнего человека и радикально изменили возможности получения и обмена информацией, в том числе культово-

религиозного плана. Как одна из характеристик современной повседневной религиозности учеными отмечается виртуализация культовых и повседневных практик. Усложняет ситуацию тот факт, что часть традиционных верующих с настороженностью воспринимает эти изменения [11]. Это приводит к еще большей дифференциации религиозных практик и взглядов: «…христианский мир мало напоминает прежний, где место и роль религии были четко обозначены, а потому и однозначно идентифицируемыми…» [6, с. 192].

Исследователями фиксируется половая и возрастная обусловленность повседневной религиозности. Так, например, отмечается, что женскому полу характерен менее критичный подход к религии в целом и к каждодневным религиозно-культурным практикам, мужскому – наоборот [2, с. 104–106]. Старшее поколение более консервативно во всех сферах жизни, среди молодежи наблюдается максимальный плюрализм взглядов.

Таким образом, общий обзор проблемы религиозной повседневности позволил очертить границы исследовательского поля, выявить факторы, влияющие как на саму повседневность, так и на исследователя. Сложность феномена требует привлечения широкого круга источников (архивных документов, вещественных (артефактов), в том числе и нетрадиционных. Важным источником, на наш взгляд, является устноисторический нарратив, который позволяет при изучении учитывать все вышеотмеченные факторы, открывает возможности для понимания глубинных вопросов темы. Отметим, что на данный момент исследована лишь незначительная часть повседневной религиозности, что делает ее изучение необходимым в современном мире.

Список использованной литературы

1. Абдрахманова, К. К. Религия в повседневной жизни городского населения центрального Казахстана в послевоенный период / К. К. Абдрахманова // Вестн. угроведения. – 2013. – № 1 (12). – С. 102–109.

2. Белова, Т. П. Городское пространство как сфера этноконфессиональных отношений / Т. П. Белова // Социол. исслед. – 2010. – № 12 (320). – С. 94–106.

3. Ганчар, У. А. Кампаненты статусу знахароў у Беларускім Палессі і іх змены ў XX – пачатку XXI ст. / У. А. Ганчар // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2014. – № 1 (82). – С. 16–20.

4. Жемчуев, И. Я. Религиозные конфессии в повседневной культуре дореволюционной чувашской деревни / И. Я. Жемчуев // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2012. – № 2-1. – С. 24–32.

5. Зайцева, Т. А. Повседневность как исследовательская проблема / Т. А. Зайцева // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 2 (10). – С. 5–11.

6. Каргина, И. Г. Новые религиозности: социологические рефлексии / И. Г. Каргина // Вестн. МГИМО. – 2012. – № 2. – С. 186–193.

7. Кормина, Ж. В. Социальные исследования религии: теория, методы и опыт / Ж. В. Кормина, А. А. Панченко С. А. Штырков // Антропол. форум. – 2017. – № 5. – С. 129–166.

8. Кургузов, П. В. Культура повседневности: к проблеме теоретического анализа феномена / П. В. Кургузов // Проблемы соц.-экон. развития Сибири. – 2014. – № 1 (15). – С. 142–149.

9. Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Лебина. – М. : Новое лит. обозрение, 2015. – 488 с.

10. Луков, М. Культура повседневности: к истории вопроса / М. Луков // Библ. дело. – 2010. – № 17 (131). – С. 6–13.

11. Митрофанова, А. В. Повседневные религиозные практики в цифровую эпоху – постановка проблемы / А. В. Митрофанова // Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры : сб. докл. XXIV междунар. Кирилло-Мефодиев. чтений / ГУО «Ин-т теологии им. святых Мефодия и Кирилла» Белорус. гос. ун-та ; С. И. Шатравский, священник Святослав Рогальский. – Минск : Христиан. образоват. центр им. святых Мефодия и Кирилла, 2019. – С. 461–464.

12. Ропакова, Е. Н. Клир и мир: повседневная жизнь (Санкт-Петербургская и Новгородская епархии второй половины XIX в.) / Е. Н. Ропакова // Вестн. Ист. о-ва С.-Петерб. духов. акад. – 2020. – № 1 (4). – С. 35–45.

13. Сидорова, Г. П. Советская повседневность: «Преодоление различий между городом и деревней», или культура городская vs сельской / Г. П. Сидорова // Вестн. Ульян. гос. техн. ун-та. – 2018. – № 4 (84). – С. 27–30.

14. Сосковец, Л. И. Религия и церковь в постсоветское время: тенденции и противоречия / Л. И. Сосковец // Изв. Том. политехн. ун-та. Инжиниринг георесурсов. – 2003. – № 5 (306). – С. 129–132.

15. Тупахина, О. В. Религиозная биография как форма нарративизации жизненного мира верующих (на примере православных христиан) / О. В. Тупахина // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2012. – № 1 (15). – С. 185–197.

16. Элбакян, Е. С. Религия в мире повседневности / Е. С. Элбакян // Труд и соц. отношения. – 2013. – № 1. – С. 90–103.

К содержанию

УДК 392.3(476.7)

А. С. ЦЫГАНКОВА
Полацк, ПДУ
Навуковы кіраўнік – У. А. Лобач, д-р гіст. навук, дацэнт

ТРАДЫЦЫЙНАЯ КАЛЯДНАЯ АБРАДНАСЦЬ І ФОРМЫ ЯЕ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ КУЛЬТУРНЫМІ ЎСТАНОВАМІ ВІЦЕБШЧЫНЫ НА СУЧАСНЫМ ЭТАПЕ

У артыкуле разглядаецца традыцыйная калядная абраднасць беларусаў Падзвіння ў гістарычнай рэтраспектыве, параўноўваецца традыцыйны стан абраду з сучасным тэатралізаваным святам. Выяўляецца адпаведнасць сучасных тэатралізаваных святаў (у гарадах і вясковых клубах) традыцыйнаму канону па такіх крытэрыях, як склад удзельнікаў, фальклорна-спеўны кампанент і атрыбутыўны код свята.

Пасля набыцця Беларуссю дзяржаўнай незалежнасці назіраецца ўстойлівы рост цікавасці да беларускай этнічнай культуры. У канцы XX – пачатку XXI ст. гэта стала тым больш актуальным, бо ў выніку глабалізацыйных працэсаў этнічныя адметнасці культуры сталі губляцца. На сучасным этапе ў выніку працэсаў урбанізацыі і ўніфікацыі культуры беларускае грамадства далёка адышло ад традыцыйнага ладу жыцця, і народныя святы больш не ўспрымаюцца ў якасці паказчыка натуральнай злучанасці чалавека і прыроды, яны выконваюць забаўляльную функцыю, з-за чаго першасная семантыка застаецца па-за ўвагай выканальнікаў і з цягам часу забываецца. Мэта дадзенага даследавання – на падставе крыніц XIX – пачатку XXI ст. выявіць адпаведнасць сцэнару сучасных тэатралізаваных пастаноў кананічнаму традыцыйнаму каляднаму абраду на тэрыторыі Беларускага Падзвіння, вызначыць культурную і сацыяльную прагматыку свята на сучасным этапе развіцця беларускага грамадства.

Каляды з’яўляюцца адным з важнейшых святаў зімовага перыяду ў беларускага насельніцтва Падзвіння. У сістэме народнага календара гэта свята зімовага сонцавароту, калі сімвал нараджэння “новага сонца” характарызуе канец старога і пачатак новага гаспадарчага года. Час разрыву паміж “старым” і “новым” азначае разрыў паміж “сваім” і “чужым” светам, што прывядзе да хаосу і разладу сацыяльнай структуры, калі актыўнасць дэструктыўных сілаў дасягае свайго апагея, таму ўсе гаспадарчыя заняткі маглі прыводзіць да калецтва, хвароб і неўраджаю: *“Вось 7 января – Каляды. Две нядзелі ўвечары нічога не робілі – кажуць: «Крывыя вечара, вечарушкі»”* (Докшыцкі р-н) [1, с. 40].

На Падзвінні, як і паўсюдна на Беларусі, большая частка абрадавых комплексаў падзелена на тры часткі: 1-я, 2-я і 3-я куцця. Першая куцця

(“галодная”, “бедная”, “постная”) святкавалася перад Нараджэннем Хрыстовым (07.01/25.12). Яе абавязковай стравай была сама куцця. Як адзначаў этнограф канца XIX ст. М. Я. Нікіфароўскі, *“приготовление колядной куцци, от начала до конца должно быть ведено одним лицом”* [4], каб у сям’і ўвесь год была еднасць. Пасля першай куцці ў ноч перад Нараджэннем Хрыстовым па вёсцы пачыналі хадзіць калядоўшчыкі – носьбіты долі, добрага лёсу сям’і. Але трэба адзначыць, што ў параўнанні з валачобным абрадам абрад калядавання на тэрыторыі Падзвіння мала распаўсюджаны: *“Ну Каляды, дык вот як хахлы, на Палессі, дык яны кылядуюць ходзюць. У нас не каледавалі не хадзілі”* [5]. Другая куцця (“багатая”, “мясная”, “шчодрая”) святкавалася перад Новым годам (14.01/ 31.12). На гэта свята куцця гатавалася на сале або масле. На стол падавалася шмат мясных страў. У гэты вечар паўсюль на Беларусі дзяўчаты пачыналі варажыць. Варожбы закраналі важныя аспекты жыцця чалавека, тычыліся асабістай долі: будучае замужжа, характар жаніха, сямейнае жыццё. Трэцяя куцця (“постная”, “вадзяная”) практычна супадала з Вадохрышчам (19.01/06.01). Галоўным дзеяннем на гэта свята з’яўляецца асвячэнне вады ў царкве. У беларускай традыцыі гэта звязана з дахрысціянскім культам вады. У дзень Вадохрышча людзі ідуць у царкву на святочную службу і набіраюць свянцонай вады на ўвесь год [2].

Найбольш яркае праяўленне самабытнасці каляднага комплекса Беларускага Падзвіння – гульня “Жаніцьба Цярэшкі”, якая ўяўляла калядна-абрадавую гульню-танец з сапраўдным драматызаваным прадстаўленнем.

Схематычна абрадавагульнёвае дзеянне выглядае так:

1. Першы этап “Жаніцьбы Цярэшкі” – выбар “маці” і “бацькі”.

2. Другі этап гульні – складанне пар (“маці” бярэ хлопца, а “бацька” дзяўчыну, і пачынаюць “скручваць іх Лявоніхай”).

3. Далей хлопцы і дзяўчаты падзяляюцца на два шэрагі і пачынаюць даганяць адзін аднаго. Сутнасць этапа заключалася ў спеве цярэшак. Існавала многа разнастайных цярэшак, якія дазвалялі маладым уступіць у спеўны дыялог: *“Ах, мая бабулічка, / Вішанька й налітая, / З гэтай жа Цярэшачкі, / Будзеш незабытая”* [6]. У традыцыйнай культуры такія бакі жыцця, як сексуальнасць, эратызм, адносіны з супрацьлеглым полам, старанна кадзіраваліся, бо культура і нормы ставілі чалавека ў жорсткія рамкі, а спевы, гульні, танцы, якія адбываліся на гэтым этапе, дапамагалі чалавеку праявіць свае прыродныя жаданні і інстынкты згодна з нормамі культуры.

4. На завяршальным этапе пары альбо заставаліся на застолле (Мокрая Цярэшка), альбо разыходзіліся па хатах (Сухая Цярэшка).

“Жаніцьба Цярэшкі” найбольш прадстаўлена ў Лепельскім, Докшыцкім, Ушацкім, Полацкім і суседніх раёнах, яе тэрыторыя супадае з рассяленнем палачан, з рубяжамі Полацкай зямлі [1].

Метад творчай рэалізацыі фальклору ў працэсе ўвасаблення ў мастацтве сучасная навука вызначае як фальклярызм. Фальклярызм у канцэртна-сцэнічнай практыцы – гэта шматстайная і складаная з’ява, якая характарызуецца рознымі падыходамі да рэпрэзентацыі фальклору, якія вар’іруюцца ад мінімальнага прыстасавання традыцыйнай першакрыніцы да яго кардынальнай трансфармацыі [3]. Метады сцэнічнага ўвасаблення фальклору ажыццяўляюцца ў рамках трох тыпаў: трансляцыі, адаптацыі і аўтарскай інтэрпрэтацыі. Гэта з’ява назіраецца ў рэпрэзентацыі каляднай абраднасці ва ўстановах культуры Віцебшчыны.

Каляды – гэта свята, якое мае складаную структуру. У калядна-абрадавым комплексе беларусаў выдзяляюцца тры кульмінацыйныя моманты: Раство Хрыстова, Новы год, Вадохрышча, – якія ў сваю чаргу складаюцца з дробных мікраэлементаў. Для чалавека традыцыйнай культуры каляндарнае свята – момант, калі адбываецца ўзаемадзеянне рэальнага і сакральнага свету. Таму людзі жылі па ўсталяваных правілах і нормах. На сучасным этапе назіраецца тэндэнцыя размывання паняцця сакральнага, страчваецца магічная прагматыка свята, на першы план выступае забаўляльная функцыя.

Адыход ад традыцыйнага ладу жыцця прыводзіць да змены атры-бутыўнага кода свята. Рытуальнай прасторай каляднага абраду была хата чалавека, гэта значыць свет сціскаўся да памераў сядзібы. На сучасным этапе прастора святкавання пераносіцца ў сацыяльную сферу (гарадскі парк, плошча, пляцоўка ва ўстановах культуры). Аналізуючы сцэнары ўстаноў культуры Віцебскай вобласці, бачна, што з усяго каляднага комплекса часцей за ўсё сустракаецца рэпрэзентацыя калядных абыходаў, гэта з’ява парушае лакалізацыю абраду, бо ў асноўным хаджэнне каля-доўшчыкаў было распаўсюджана ў паўднёвых раёнах Беларусі.

Кананічна калядаванне – гэта перш за ўсё неабходнасць рытуальнага аднаўлення долі, гэта значыць прадстаўленне аб тым, што адбываецца ўзаемадзеянне “таго” і “гэтага” свету, прыводзіць да неабходнасці абыходу ўсёй вясковай грамады. На сучасным этапе калядаванне выглядае як тэатральная пастанова, якая праводзіцца штучна і не мае дакладнай структуры. З цягам часу змяняецца ўзроставы крытэрый калядавання, калі ў традыцыйнай культуры гэта перш за ўсё забавы для моладзі і дарослых, бо дазвалялася змяшэнне многіх бытавых нормаў паводзін, у калядных абрадах дазвалялася тое, што звычайна было б асуджана вясковай абшчынай. Зараз жа паняцце ўзроставага падзелу размываецца, калядуюць як дзеці, так і дарослыя. Фальклорна-спеўная частка з’яўляецца неад’емным

кампанентам святкавання Калядаў. Кожны гісторыка-культурны рэгіён меў сваю спецыфіку выканання песень. На сённяшні момант адбываецца ўніфікацыя песеннага матэрыялу, пераўтварэнне традыцыйнага ў штучнае: часцей гучаць песні, якія не прывязаны ні да перыяду, ні, тым больш, да рэгіёна.

Такім чынам, беларускія народныя святы яшчэ ў XIX – першай паловы XX ст. былі набліжаныя да "прыродных рытуалаў", якія ўводзілі быццё чалавека на касмічны ўзровень. Мэта гэтых абрадаў і рытуалаў – стабілізаваць натуральны ход часу, узнавіць калектыўную і асабістую долі, прадукцыйныя сілы і багацце ўсяго вясковага соцыуму. Але ўжо з сярэдзіны XX ст. актыўна распачаўся працэс знікнення сімволікі і вобразнасці традыцыйных святкаванняў. Назіраецца праблема сацыякультурнай дыстанцыі паміж мадэрным беларускім горадам і традыцыйнай у сваёй аснове вёскай. Каб пераадолець гэты разрыў, трэба аптымізаваць і ўдасканаліць метады навуковага вывучэння народнай культуры, важнейшым з якіх застаецца метад палявых даследаванняў, бо менавіта ён дае каштоўную магчымасць беспасрэдняга кантакту даследчыка з носьбітам культурнай традыцыі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Валодзіна, Т. І. Цярэшка – святое дзела: Жаніцьба Цярэшкі на Лепельшчыне (паводле сучасных запісаў) / Т. І. Валодзіна. – Віцебск, 2010. – 112 с.

2. Варфаламеева, Т. Б. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 2. Віцебскае Падзвінне / Т. Б. Варфаламеева, А. М. Боганева, М. А. Козенка. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 910 с.

3. Гурченко, А. И. К вопросу сценического воплощения фольклора в деятельности современных исполнительских коллективов Беларуси / А. И. Гурченко // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы 9-й междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра уст. истории и этнографии лаб. ист. краеведения Алтайс. гос. пед. ун-та, Барнаул, 28–30 окт. 2015 г. / под ред. Т. К. Щегловой. – Барнаул : АлтГПУ, 2015. – Вып. 9. – 388 с.

4. Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи… Витебской Белоруссии / Н. Я. Никифоровкий. – Витебск : Губерн. Типолитография, 1897. – 338 с.

5. Фальклорны архіў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (ФА ПДУ): зап. Г. Лутавай у 2012 г. ад Шчарбаковй Алімпіяды Міхайлаўны, 1937 г. н. у в. Шастова Полацкага р-на.

К содержанию

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УДК 94 (476)

Ю. І. ЗГІРСКІ
Полацк, ПДУ
Навуковы кіраўнік – А. В. Сумко, канд. гіст. навук, дацэнт

ІНЦЫДЭНТЫ НА ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ МЯЖЫ Ў РАЁНЕ ДЫСЛАКАЦЫІ 2-Й ПАМЕЖНАЙ РОТЫ “ГНЯЗДЗІЛАВА”

У артыкуле даследаваны пераходы вялікіх груп праз польска-савецкую мяжу ў раёне дыслакацыі 2-й памежнай роты “Гняздзілава” (сучасны Докшыцкі раён Віцебскай вобласці), якія знайшлі адлюстраванне на старонках перыядычнага друку міжваеннай Польшчы, у матэрыялах КПЗБ, вусных наратывах. Для аналізу тагачаснага геаграфічнага ландшафту была выкарыстана даваенная карта мясцовасці.

У апошнія гады назіраецца актуалізацыя даследаванняў на тэмы, звязаныя з Заходняй Беларуссю. Выключэннем не стала тэма мяжы. На гэтым фоне асобна вылучаюцца раёны, у межах якіх аб’яднаны тэрыторыі, у мінулым падзеленыя паміж рознымі дзяржавамі. Яскравым прыкладам з’яўляецца сучасны Докшыцкі раён, тэрыторыя якога ў міжваенны час уваходзіла ў склад БССР і Польшчы. У выніку мяжа раздзяліла адзіную лакальную прастору карэннага насельніцтва, звязанага сваяцкімі і іншымі сувязямі. Сюжэты пра пераходы польска-савецкай мяжы досыць часта гучаць у наратывах мясцовых жыхароў. Разам з тым неабходна адзначыць, што пераход мяжы ў раёне дыслакацыі 2-й памежнай роты “Гняздзілава” быў досыць небяспечным, бо аналіз карт дазваляе зрабіць выснову, што, нягледзячы на ўчасткі лесу, мяжа праходзіла па адкрытай мясцовасці, а менавіта па рацэ Поня, што з’яўлялася не толькі фізічнай перашкодай, але і небяспечнай з-за адкрытай прасторы, якая знаходзілася ў полі зроку стражніц [2].

Малюнак – Зона кантролю 2-й памежнай роты “Гняздзілава” [2]

Складанае сацыяльна-эканамічнае становішча часткі беларускага насельніцтва Заходняй Беларусі спрыяла распаўсюджанню міфаў аб лепшым (у параўнанні са сваім) жыцці ў Савецкай Беларусі: *“...а там піялі, скакалі, гэдак было весела ў іх, у Расіі, гэдак бальшавікі...”* [3]. У артыкуле А. Л. Радзюка “Савецка-польская мяжа ў калектыўнай памяці беларускага насельніцтва Докшыцкага раёна” гаворыцца, што гэта было абумоўлена намаганнямі мясцовых камуністаў, ці, як іх называлі ў дадзенай мясцовасці, “тайнікамі” [4, с. 101].

Чуткі пра лепшае жыццё на савецкім баку мяжы былі распаўсюджаны пераважна сярод малазямельнага ці беззямельнага заходнебеларускага сялянства, што ў сваю чаргу матывавала сялян пераходзіць мяжу, каб знайсці там лепшую долю. Прыкладам з’яўляецца інцыдэнт на польска-савецкай мяжы паміж жаўнерамі Корпуса аховы памежжа (далей – КАП) і перабежчыкамі на адрэзку Докшыцы – Гняздзілава ў 1931 г. У часопісе “Dziennik Wileński” ад 22 жніўня 1931 г. паведамляецца наступнае: *“Нядаўна, на адрэзку мяжы паміж Докшыцамі і Гняздзілавым, паміж патрулём КАП і групай асоб з некалькіх дзясяткаў чалавек, якія здзейснілі спробу нелегальнага пераходу мяжы, адбылася сутычка. Пад час кантакту, была ужыта зброя. У выніку, 3 асобы забіты, 4 паранены, 22 асобы арыштавана”* [5]. Зыходзячы са зместу цытаты можна зрабіць выснову аб спробе пераходу мяжы вялікай групай, прычым спроба была непаспяховай, пра што сведчаць арышт перабежчыкаў і пэўная колькасць загінуўшых. Фіксаванне падобнага інцыдэнту на старонках перыядычнага друку сведчыць аб яго рэзанансным характары здарэння, што адрозніваецца ад выпадкаў пераходу мяжы невялікімі групамі ці адзінкамі.

Дадатковым сведчаннем рэзананснага характару здарэння з’яўляецца яго ўзгадка ў закліку ЦК КПЗБ да працоўных з мэтай “узмацніць рэвалюцыйную барацьбу супраць панавання буржуазіі і памешчыкаў” у жніўні 1931 г.: *“Таварышы рабочыя, сяляне, салдаты і пабаровыя Заходняй Беларусі! У апошні час па вёсках шляюцца спекулянты, якія з правакацыйнымі мэтамі выкарыстоўваюць страшэннае становішча працоўных мас Заходняй Беларусі і іх растучыя сымпатыі да СССР, намаўляюць працоўных сялян і рабочых уцякаць з Заходняй Беларусі ў Савецкую Беларусь. У сувязі з гэтым, групы сялян і рабочых, асабліва пабаровыя, імкнуліся прабрацца праз граніцу. На граніцы ля Докшыц аддзелы фашыстоўскага Корпуса аховы пагранічча адкрылі па іх кулямётны і ружэйны агонь, забілі насмерць чатырох, у тым ліку адну жанчыну, і паранілі дзясятак асоб”* [1, с. 148]. Нягледзячы на агітацыйны змест дакумента, у якім прысутнічае эмацыйная апеляцыя да эканамічнага становішча (якая ў сваю чаргу дае ўяўленне аб маёмасным становішчы ўцекачоў), можна зрабіць выснову аб рэзанансным (на лакальным узроўні)

характары вызначанага здарэння. У дадзенай крыніцы таксама засведчаны ахвяры з боку тых, хто нелегальна пераходзіў мяжу. У параўнанні з безэмацыйнай навіной “Dziennik Wileński”, назіраецца спроба фарміравання негатыўнага вобраза польскага жаўнера (у гэтым выпадку прадстаўнікоў КАП) праз выкарыстанне тэрміна “фашыстоўскага” ў негатыўным свеце. Спосаб падачы матэрыялу адлюстроўвае пазіцыю аднаго з ідэалагічных бакоў, а менавіта КПЗБ як арганізацыі, якая з’яўлялася адной з буйнейшых арганізацый Заходняй Беларусі.

Як было адзначана вышэй, у перыядычных выданнях ці агітацыйных тэкстах фіксуюцца пераважна рэзанансныя выпадкі на мяжы. Матэрыялы вуснай гісторыі фіксуюць тагачасную паўсядзённасць, і ўспаміны пра нелегальны пераход польска-савецкай мяжы сустракаюцца досыць часта. Аднак сюжэты пра калектыўныя пераходы сустракаюцца рэдка. Выключэннем з’яўляецца ўспамін, запісаны ў вёсцы Паўночнае Гняздзілава, дзе рэспандэнт узгадвае падзеі, непасрэдна звязаныя з яго сям’ёй. *“А як пры Польшчы, мы жылі... Я бацькі ня відзела і ён мяне ня відзеў. Было ў мацеры нас чацьвёра. Большай сястрэ было сем, другой тры гады, брату паўтара. А мама засталася бярэміннай, за тры месяцы як бацька пайшоў і мама мяне радзіла. Дык гэта пры Польшчы. А чаму наш бацька пайшоў? Тады гэдак казалі, мама нічога не знала. ...ішлі, граніца тутака не далёка, вот Восава, і тут чатыры кілометры, рака Поня. Вот яны пойдуць гэтыя, нашыя, але знаю... людзі знаюць сваю долю... тутака касілі, грабілі, а там была Расія, за Поняй. Вось надумаліся, многа-многа, бацька пайшоў. Бацька, і Стэпін бацька, з бацькам многа тут пашлі. Саша Барздыка быў, адзін Саша вярнуўся. Ну, тады, яны ж пайшлі, бацька кінуў, мама плакала, не пускала, ён жа ж кажа, што вярнуся. А тады іх пашчыталі, што шпіён, казалі тады, што чуваць было як іх папалілі і усё, як пайшоў так і не вярнуўся”* [3].

Нягледзячы на атрыманне інфармацыі аб здарэнні ад іншай асобы (мамы рэспандэнта), рэспандэнт адзначае факт калектыўнай спробы пераходу мяжы, нават называе імёны некаторых удзельнікаў інцыдэнту, а таксама акрэслівае прыкладнае месца здарэння (адрэзак Докшыцы – Гняздзілава на р. Поня, што знаходзілася на мяжы каля стражніц 2-й роты “Гняздзілава” і 4-й роты “Докшыцы”) [2]. У самім успаміне не зафіксавана дакладная дата пераходу мяжы, аднак зыходзячы са зместу наратыву можна вызначыць прыкладную дату. Акрамя гэтага, змест успаміну фіксуе, што на той перыяд ва ўяўлянні заходнебеларускіх сялян, якія пражывалі на кардоне польска-савецкай мяжы, жыццё на савецкім баку падавалася ім лепшым, аднак лёс перабежчыкаў быў трагічным.

Такім чынам, розныя групы крыніц па-свойму адлюстроўваюць інцыдэнты, звязаныя з нелегальным пераходам польска-савецкай мяжы.

У міжваенным перыядычным друку паказваліся переважна пераходы ў складзе вялікіх груп, што, у сваю чаргу, выкарыстоўвалася супрацьлеглым бокам у агітацыйных мэтах. Матэрыялы вуснай гісторыі дазваляюць больш падрабязна разглядзець пытанне дабрабыту асобных сем'яў і матывы, якія штурхалі да нелегальнага перасячэння мяжы, а таксама прасачыць далейшы лёс уцекачоў. Таму толькі вывучэнне і аналіз розных крыніц дазволіць рэканструяваць і зразумець тагачасную рэчаіснасць.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы : сборник : в 2 т. – Мінск : Беларусь, 1972. – Т. 2 : 1929–1939 гг. – 480 с.

2. Даваенная польская тапаграфічная карта цэнтральнай Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.etomesto.ru/map-belarus_zapad/. – Дата доступу: 01.03.2021.

3. Зап. у 2020 г. Згірскім Ю. І. ад Гомен Надзеі Іванаўны, 1927 г. н., в. Паўночнае Гняздзілава, Докшыцкі р-н, Віцебская вобласць.

4. Радзюк, А. Л. Савецка-польская мяжа ў калектыўнай памяці беларускага насельніцтва Докшыцкага раёна / А. Л. Радзюк // ARCHE. – 2009. – № 8. – С. 97–114.

5. Dziennik Wileński. 1931. № 191 (22.08) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://drive.google.com/drive/folders/1So6sXzplxnJk_3JueVrFK8mTqmsvYKTS/. – Дата доступу: 03.03.2021.

К содержанию

УДК 94(474.5+476)“10/12”+930

М. Д. КАРДАШ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – У. В. Здановіч, д-р гіст. навук, прафесар

МЕСЦАЗНАХОДЖАННЕ ЛЕТАПІСНАЙ ЛІТВЫ: ПАДЫХОДЫ ДАСЛЕДЧЫКАЎ

У артыкуле на падставе разнастайных крыніц зроблена спроба вызначэння месцазнаходжання летапіснай Літвы. Адзначаецца, што да гэтага часу гісторыкі не маюць адназначнага адказу на пытанне аб тэрыторыі Літвы ў XI – сярэдзіне XIII ст. і да якой сучаснай дзяржавы, Рэспублікі Літва ці Рэспублікі Беларусь, належаць тэрыторыі, з якімі непасрэдна звязана ўтварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Аўтар выказвае ўласнае меркаванне, паводле якога летапісная Літва ў роўнай ступені знаходзілася як на тэрыторыі сучаснай Рэспублікі Літва, так і на тэрыторыі сучаснай Рэспублікі Беларусь.

Ваяўнічы сярэднявечны край пад назвай “Літва” выходзіць на палітычную арэну ў пачатку XI ст. і ўсё часцей пачынае згадвацца на старонках гістарычных твораў тагачасных аўтараў. Да сённяшняга часу гісторыкі розных дзяржаў спрачаюцца і не могуць прыйсці да адназначнага адказу, дзе знаходзілася тэрыторыя летапіснай Літвы ў XI – сярэдзіне XIII ст. Складанасць гэтага пытання заключаецца ў тым, што ў тагачасных крыніцах не згадваецца ніводнага горада ці ўмацаванага паселішча, якія б належалі да летапіснай Літвы, акрамя легендарнай рэзідэнцыі Міндоўга – Варуты, месцазнаходжанне якой дагэтуль не высветлена.

На падставе ўскосных звестак некаторых летапісаў, у якіх згадваецца назва “Літва”, а таксама на падставе археалагічных і тапанімічных дадзеных, выяўленых навукоўцамі, якія займаліся гэтай праблемай, у гэтай працы будуць прыкладна акрэслены межы Літвы летапіснай (ці ўласна Літвы) і будзе дадзены адказ на пытанне, да якой сучаснай дзяржавы, Рэспублікі Літва ці Рэспублікі Беларусь, належаць тэрыторыі, з якімі непасрэдна звязана ўтварэнне Вялікага Княства Літоўскага.

Агульнавядомы гістарычны міф гаворыць аб тым, што так званая Літоўская зямля да стварэння Вялікага Княства Літоўскага – гэта Аўкштота, гістарычны рэгіён сучаснай Рэспублікі Літва. Гэты міф склаўся дзякуючы таму, што ў XII–XIII стст. назва “Літва” ўжывалася ў двух значэннях: Літоўская зямля ў вузкім сэнсе і ў шырокім сэнсе як сукупнасць усіх земляў Аўкштоты [7, с. 131].

На думку беларускага даследчыка В. Насевіча, “Літва ўяўляе сабой адзін са шматлікіх балцкіх народаў, побач з яцвягамі, прусамі, куршамі, земгаламі, селамі… тэрмін «Літва» ўжываўся ў розных сэнсах: як этнічная назва, як назва тэрыторыі, што падпарадкоўвалася непасрэдна галоўнай літоўскай дынастыі, як агульная назва ўсіх плямёнаў і княстваў, якія прызнавалі сюзерэнітэт гэтай дынастыі” [8, с. 18–19].

Літоўскі даследчык Э. Гудавічус, характарызуючы пляменны этнас літоўцаў, падкрэслівае: “Калыскай літоўскіх плямёнаў неабходна лічыць Літоўскую зямлю (толькі ў вузкім сэнсе). Гэта тэрыторыя паміж сярэднім цячэннем Нёмана, рэкамі Нярыс і Мяркіс. Яна вельмі доўгі час пашыралася на поўдзень да вярхоўяў Нёмана (уключаючы землі яцвягаў) і на поўнач, ахопліваючы правабярэжжа Нярыса да ўпадзення ракі Швянтойі. Вельмі рана літоўскія плямёны засялілі Нальшайскую зямлю – сучасную паўночна-усходнюю Літву… Дзялтуўская зямля раскінулася вакол сучаснага г. Укмярге. Гэта адна са старэйшых тэрыторый пражывання літоўскіх плямёнаў. Даволі рана літоўцы засвоілі вобласць вакол сучаснага Каўнаса” [3, с. 23].

Іншай думкі прытрымліваецца М. Ермаловіч, які мяркуе, што старажытная Літва знаходзілася “ў прасторы паміж Менскам і Наваградкам з усходу на захад і паміж Маладзечнам і Слонімам з поўначы на поўдзень.

Яна ўрэзвалася клінам паміж Полацкай, Турава-Пінскай і Новагародскай землямі і побач з імі з’яўлялася адной з гістарычных абласцей Беларусі. Зразумела, што пры аб’яднанні гэтых земляў яна не магла не ўвайсці ў склад тэрыторыі Беларусі як адна з яе складовых частак” [6, с. 310].

Беларускі гісторык А. Краўцэвіч сцвярджае, што паняцце “Літва” на працягу другога тысячагоддзя прайшло складаны шлях трансфармацыі. На думку Краўцэвіча, паняцце “Літва” ў ходзе эвалюцыі набыло тры сэнсавыя значэнні: 1. Палітонім – абазначэнне ўсёй дзяржавы ВКЛ; 2. Харонім – Літоўская зямля, ці Літва ў вузкім сэнсе (гістарычны цэнтр дзяржавы); 3. Літва ў сэнсе этнаграфічным (этнаграфічна балцкім) [7, с. 132–133].

У. Т. Пашута падзяляе Аўкштоту на чатыры зямлі: Нальшаны (з цэнтрам ва Уценах), Дзяволтву (з цэнтрам у Вількаміры, суч. Укмярге), Упіту (з цэнтрам ва Упіце) і ўласна Літву (з цэнтрам у Варуце) [9]. Наконт лакалізацыі гэтых чатырох зямель у працы Уладзіміра Пашуты “Образование Литовского государства” ёсць мапа, якая акрэслівае іх межы. Паводле мапы, складзенай У. Пашутам, племянное аб’яднанне Упіта рассялялася на паўночна-заходняй тэрыторыі Аўкштоты, а Дзяволтва – на поўнач ад ракі Вілія [9]. Межы рассялення Упіты і Дзяволтвы, акрэсленыя Уладзімірам Пашутам, не выклікаюць пытанняў і сумненняў, таму што не знойдзена ніводнага факта, які гэтаму супярэчыць. Пытанні ўзнікаюць па межах Нальшанскай зямлі і ўласна Літвы. Паводле мапы У. Пашуты, Літоўская зямля займала невялікую тэрыторыю на паўднёвым захадзе Аўкштоты, а значыць, не выходзіла за межы сучаснай Рэспублікі Літвы. А вось Нальшанская зямля займала тэрыторыю, якая ахоплівае паўднёвы ўсход сучаснай Рэспублікі Літва і паўночны ўсход сучаснай Рэспублікі Беларусь, і гэта значыць, што, па меркаванні У. Пашуты, у XI–XIII стст. менавіта Нальшанская зямля межавала з землямі Русі [9]. Межы Нальшан і ўласна Літвы, акрэсленыя У. Пашутам, аспрэчваюць шэраг фактаў, якія будуць прыведзены ніжэй.

Назва “Літва” ўпершыню згадваецца ў нямецкай хроніцы “Кведлінбургскія аналы”. У хроніцы паведамляецца, што ў 1009 г. святы Бруна, які зваўся Баніфацыем, архіепіскап і манах, быў абезгалоўлены паганцамі на мяжы Літвы і Русі [7, с. 130]. Гэтая звестка можа ўвесці ў падман даследчыка, які палічыць, што ў “Кведлінбургскіх аналах” згадваецца Літва ў шырокім сэнсе, як сукупнасць усіх балцкіх тэрыторый Панямоння. Але Э. Гудавічус сцвярджае, што пад 1009 г. згадваецца менавіта Літоўская зямля ў вузкім сэнсе. Сведчаннем таму служаць наступныя словы даследчыка: “Грамадская арганізацыя літоўцаў з моцным інстытутам правадыроў (у далейшым князёў) і воінства далёка абагнала сацыяльную і палітычную схему іншых балцкіх плямёнаў. Найбольш інтэнсіўна гэты працэс адбываўся на Літоўскай зямлі (у вузкім сэнсе

слова). Менавіта такая Літва ў 1009 г. згадваецца ў першай з усіх вядомых крыніц – Кведлінбургскіх аналах” [3, с. 29]. Паводле гэтага адразу можна зрабіць выснову, што з Руссю межавала менавіта Літва, а не Нальшаны.

Аналагічнай думкі прытрымліваецца і В. Л. Насевіч, які адзначае, што Літва ўпамінаецца ў крыніцах спачатку як адзін з прыбалтыйскіх народаў, чые землі мяжуюць з Кіеўскай Руссю. У такой якасці яе згадваюць як рускія летапісцы, так і заходнееўрапейскія храністы (у тым ліку і Генрых Латвійскі, які “выдатна ведаў стан спраў у Прыбалтыцы”) [8, с. 19].

Запіс Іпацьеўскага летапісу пад 1159 г. паведамляе, што Менскі князь Валадар Глебавіч “ходяше под Литвою в лесех” [5, с. 18]. Паводле тапонімаў “Літва”, даследаваных М. Ермаловічам, хутчэй за ўсё, гутарка ідзе пра Налібокскую пушчу. Пад 1162 г. гаворыцца, што Валадар Глебавіч выступіў на свайго праціўніка “с Литвою” [5, с. 18]. Гэта значыць, што Літва выступала ў якасці саюзніка Менскага княства. Густынскі летапіс пад 1128 г. сцвярджае, што “посла Мстислав во Литву ко Изяславлю всех князей со великим множеством вой, и тамо повоеваша и возвратишася со великою користию” [12, с. 77]. Горад Ізяслаўль на той момант уваходзіў у склад Менскага княства. Таксама ў Густынскім летапісе пад 1159 г. паведамляецца наступнае: “Рогволод приде и седе в Полоцку и потом собрав полоччане к Менску… и пойде на Ростиславца к Менску… а Володарь, послышав се, избеже в Литву” [12, с. 88]. У апошнім паведамленні размова ідзе пра Расціслава Глебавіча, які збег з Полацка да свайго брата Валадара Глебавіча ў Менск, калі палачане запрасілі новага князя – Рагвалода Барысавіча – і абяцалі аддаць звязанага Расціслава Глебавіча Рагвалоду Барысавічу. У сувязі з вышэйпералічанымі звесткамі можна зрабіць выснову, што на ўсходзе летапісная Літва межавала з Менскім княствам.

Ф. Гурэвіч, спасылаючыся на чацвёрты Наўгародскі і Сафійскі летапіс, сцвярджае, што пад 1044 г. “ходи Ярослав на Литву, а на весну заложи Новгород” [4]. У дадзеным выпадку гутарка ідзе пра беларускі Навагародак. Як сведчыць недатаваная частка “Аповесці мінулых гадоў”, народ, які ў летапісе называецца Літвой, быў у данніцкай залежнасці ад Русі [10, с. 5.]. Хутчэй за ўсё да данніцкай залежнасці Літву прывёў менавіта паход Яраслава 1044 г. Кантроль над Літвой павінны былі ажыццяўляць гарады Наваградак і Ізяслаўль [2, с. 63]. Функцыі непасрэднага сбору даніны выконвала ўмацаванае славянскае паселішча ў самым сэрцы арэала ўсходнелітоўскіх курганоў – Вільня [2, с. 63]. Закрануўшы другую сталіцу Вялікага Княства Літоўскага, нельга не сказаць, што Вільня ў тыя часы сапраўды з’яўлялася славянскім паселішчам, доказам гэтага сведчыць праца археолагаў Галубовічаў, якія адкрылі ў Вільні культурныя напластаванні, тыповыя для ўсходнеславянскага горада [7, с. 144]. Запіс Іпацьеўскага

летапісу пад 1262 г. сцвярджае, што князь Войшалк "учини себе монастырь на реце Немне, меж Литвою и Новымгородком" [5, с. 18]. У дадзеным выпадку размова ідзе пра Лаўрышаўскі манастыр, які знаходзіцца ў вёсцы Гнесічы (Навагрудскі раён). Запіс Іпацьеўскага летапісу пад 1235 г. сцвярджае, што "по том же лете Даиил же возведе на Кондрата Литву Миндовга и Изяслава Новгородского" [11, с. 175]. У дадзеным паведамленні размова ідзе пра сумесны паход Міндоўга разам з Ізяславам Навагародскім, накіраваны супраць Конрада Мазавецкага. Гэтая звестка можа з'яўляцца чарговым доказам таго, што летапісная Літва межавала з Навагародскім княствам. У сувязі з прыведзенымі фактамі можна зрабіць выснову, што паўднёвая мяжа Літвы летапіснай праходзіла па той частцы ракі Нёман, якая працякае на тэрыторыі сучаснай Беларусі.

Агульнапрыняты факт, што на захадзе ад ракі Нёман, на тэрыторыі так званай Сувалкіі, гістарычнай вобласці на паўднёвым захадзе сучаснай Рэспублікі Літвы, пражывала племяннное аб'яднанне яцвягаў. Больш-менш дэталёвыя летапісныя звесткі аб яцвягах належаць да XIII ст., краіна яцвягаў у тыя часы знаходзілася на поўнач ад горада Візны за ракой Бебжай [13]. Археолаг Фрыда Гурэвіч лічыць, што старажытны яцвяжскі край трэба абмежаваць участкам паўднёва-усходняй Польшчы [13]. Паводле даследаванняў Фрыды Гурэвіча, тэрыторыя рассялення яцвягаў не выходзіла за межы ракі Нёман [13]. На падставе гэтых дадзеных варта зрабіць пэўныя вынікі: па-першае, мяжа Літоўскай зямлі не выходзіла за рысу ракі Нёман; па-другое, летапісная Літва межавала з краінай яцвягаў; па-трэцяе, заходняй мяжой летапіснай Літвы з'яўлялася сярэдняе цячэнне Нёмана.

Засталося акрэсліць толькі паўночную мяжу летапіснай Літвы, але перад гэтым трэба акрэсліць тэрыторыю зямель, суседніх з поўначы: Нальшанскай і Дзяволтвы. Эдвард Гудавічус сцвярджае, што пляменным цэнтрам Дзяволтвы быў сучасны горад Укмярге [3, с. 23]. У Рэспубліцы Літва існуе невялікае мястэчка пад назвай Дзялтува, яно знаходзіцца на паўночным захадзе за шэсць кіламетраў ад горада Укмярге. Як ужо згадвалася раней, другая назва Дзялтувы – Нера, якая паходзіць ад балцкай назвы ракі Вілія – Нярыс [2, с. 67]. На падставе гэтага варта зрабіць выснову, што Дзяволтва займала тэрыторыю на поўнач ад ракі Вілія. Што датычыцца Нальшанскай зямлі, то яе цэнтрам з'яўляўся сучасны горад Уцена, таму што нальшанскі князь Даўмонт неаднаразова ў тагачасных крыніцах называецца таксама уценскім князем. Можна зрабіць выснову, што Нальшанскую зямлю трэба шукаць па дарозе з Дынабурга (суч. Даўгапілс) у Вількамір (суч. Укмярге) [1, с. 198]. Доказам гэтага служыць той факт, што за 14 вёрст ад Уцен знаходзяцца тры маёнткі пад назвай Налішкі [1, с. 198].

На падставе ўсіх вышэйназваных фактаў варта лічыць, што тэрыторыя летапіснай Літвы ў XI – сярэдзіне XIII ст. размяшчалася ў міжрэччы

Віліі і Нёмана. З усходу Літва летапісная межавала з Менскім княствам, а з захаду была абмежавана сярэднім цячэннем ракі Нёман. Тэрыторыя летапіснай Літвы ў роўнай ступені знаходзілася як на тэрыторыі сучаснай Рэспублікі Літва, так і на тэрыторыі сучаснай Рэспублікі Беларусь. Гэта значыць, што Рэспубліка Беларусь таксама мае поўнае права лічыць Вялікае Княства Літоўскае сваёй старажытнай дзяржавай.

Спіс выкарыстанай літратуры

1. Вольтер, Э. А. Где искать землю Нальшанскую Ипатьевской летописи? Историко-географическая заметка / Э. А. Вольтер // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1900. – Ч. CCCXXIX. – С. 195–201.

2. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 2. Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.] ; рэд. кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экоперспектива, 2008. – 688 с.

3. Гудавичюс, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года / Э. Гудавичюс. – М. : Фонд им. И. Д. Сытина Baltrus, 2005. – Т. 1. – 682 с.

4. Гуревич, Ф. Д. Летописный Новгородок [Электронный ресурс] / Ф. Д. Гуревич. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/_rarch. – Дата доступа: 25.03.2021.

5. Ермаловіч, М. І. Па слядах аднаго міфа / М. І. Ермаловіч. – Менск : Беларус. навука і тэхніка, 1991. – 76 с.

6. Ермаловіч, М. І. Старажытная Беларусь. Полацкі і новагародскі перыяды / М. І. Ермаловіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 366 с.

7. Краўцэвіч, А. К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага / А. К. Краўцэвіч. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 208 с.

8. Насевіч, В. Л. Пачаткі Вялікага Княства Літоўскага: падзеі і асобы / В. Л. Насевіч. – Мінск : Полымя, 1993. – 160 с.

9. Пашуто, В. Т. Образование Литовского государства [Электронный ресурс] / В. Т. Пашуто. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/pashuto. – Дата доступа: 23.03.2021.

10. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1846. – 269 с.

11. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1843. – 379 с.

12. ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 202 с.

13. Седов, В. В. Курганы ятвягов [Электронный ресурс] / В. В. Седов. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/ bel_history/_rarch. – Дата доступа: 24.03.2021.

К содержанию

УДК 930.007

Я. А. КАРЛОВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. Ю. Бодак, канд. ист. наук, доцент

МЕРОПРИЯТИЯ ПО АКТИВИЗАЦИИ СФЕРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА НА БРЕСТЧИНЕ В НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.

Данная статья является самостоятельным исследованием актуальной тематики. Автор занимается историей внешних связей Брестчины в 1960-х гг. и опирается в основном на документы Государственного архива Брестской области. В статье затронуты проблемы, касающиеся мер, направленных на улучшение сферы услуг в области туризма и разработку мероприятий по активизации международного туризма. Впоследствии туристические контакты Брестчины с зарубежными странами станут довольно тесными, особенно с польскими соседями. Но в начале 1960-х гг. эти контакты только зарождались, и их ранняя история представляет научный интерес.

После Второй мировой войны влияние и авторитет СССР, внесшего наибольший вклад в разгром фашизма, на международной арене значительно возросли. В основном наибольшее влияние Советского Союза распространялось на ряд государств Восточной Европы: Болгария, Венгрия, Польша, Чехословакия, Югославия, Румыния. Эти страны вместе с СССР и составили единый социалистический лагерь, который противостоял капиталистической системе в годы «холодной войны». Так наиболее тесные и прочные межгосударственные связи Белорусской ССР были установлены именно с государствами Восточной Европы. Особенно это касается приграничных с ними территорий БССР (в нашем случае здесь выступают г. Брест и Брестская область в целом).

Также можно сказать, что исследуемая область являлась одним из основных направлений развития внешних связей (помимо нее, лидировали культурная, спортивная, общественно-политическая и производственная сферы). Об этом свидетельствуют планы приграничных связей между Брестской областью и Польшей, которые принимались ежегодно [4, л. 8].

Часто рассматриваемые вопросы на заседаниях бюро обкома КПБ были посвящены состоянию и мерам по улучшению организации туризма в Брестской области. В ходе их обсуждения отмечалось, что вскрытые ЦК КПБ недостатки в организации приграничных связей полностью относились к данной сфере и касались приема иностранных туристов в республике.

Некоторые учреждения, организации, ведомства, горкомы и райкомы КПБ, горрайисполкомы не уделяли надлежащего внимания правильной

организации приграничных связей. Зачастую эти связи ограничивались только направлением и приемом делегаций. Недостаточно строго подходили к подбору кандидатур для командирования за границу, в результате чего иногда предлагались лица морально неустойчивые, не внушающие политического доверия.

К работе с туристами нередко привлекались лица, не имеющие необходимой подготовки. Поскольку тогда в сфере международного туризма существовал строгий контроль со стороны партии, малейшие недостатки в подборе кадров подвергались суровому разбирательству. Не везде на объектах, предназначенных для посещения иностранцев, партийными комитетами разного уровня были выделены и утверждены экскурсоводы, не разработаны справочные материалы, в которых давалась бы допустимая для иностранцев информация о данном предприятии, колхозе, учреждении.

Имелись случаи, когда предложения о поездке вносились с большим опозданием. В ряде случаев допускались излишества в расходовании государственных средств. Не была изжита вредная практика преподнесения иностранным делегациям дорогих подарков. Руководители и члены делегаций, направляемых за рубеж, очень редко выступали с отчетами перед рабочими, колхозниками и служащими о поездках за границу. Радиокомитетом, областной и районными газетами недостаточно освещалось пребывание делегации в области и за границей. Облпрофсовет слабо организовывал работу по организации иностранного туризма. Выделенные путевки зачастую полностью не реализовывались.

Бытовое и культурное обслуживание иностранцев оставляло желать лучшего. Не было налажено техническое обслуживание автомашин туристов, прибывших на собственных автомашинах. Партийные комитеты, управление участка шоссейной дороги Брест – Минск крайне слабо оформляли дорогу и населенные пункты по трассе Брест – Минск наглядной агитацией на русском и иностранных языках.

Сообщалось, что Барановичский горком КПБ, Кобринский, Березовский, Ивацевичский и Городищенский райкомы КПБ не выполнили решений бюро обкома КПБ о сселении хуторов, находящихся вблизи от трассы Брест – Минск, имеющих неприглядный вид, и не привели в надлежащее санитарное состояние населенные пункты на этом пути.

Таким образом, бюро обкома КПБ постановило:

«1. Обязать Барановичский горком КПБ, Кобринский, Березовский, Ивацевичский, Городищенский райкомы КПБ до 1 мая 1960 г. обеспечить выполнение решения бюро обкома КПБ о сселении хуторов по трассе Брест – Минск.

2. Обязать горкомы и райкомы КПБ, горрайисполкомы, облпрофсовет, руководителей ведомств, учреждений и организаций устранить

имеющиеся недостатки в деле осуществления дружественных связей со странами народной демократии и приема иностранных туристов. Для чего обязать подбирать в состав делегаций для посылки за границу политически проверенных, достойных людей, способных высоко держать честь и достоинство гражданина СССР, а также не позднее чем за 3 месяца до начала планируемого периода представлять обкому КПБ предложения о заграничных поездках.

3. Запретить расходование государственных и общественных средств на дорогостоящие подарки при приеме иностранных делегаций и при поездках наших делегаций за границу (преподноситься могут лишь памятные подарки – сувениры).

4. Утвердить список объектов, предназначенных для посещения иностранцами: Брестский пединститут, средняя школа № 1 г. Бреста, детские ясли № 3 г. Бреста, Брестский областной Краеведческий музей, музей “Брестская крепость”, колхоз “Молодая гвардия” Брестского района, Кобринский военно-исторический музей, ж/д техникум и др. Обязать соответствующие организации и ведомства привести указанные объекты в образцовое состояние, выделить экскурсоводов, разработать справочные материалы об объектах, предназначенных для посещения иностранными туристами.

5. Обязать управление торговли облисполкома, облпотребсоюз и трест желдорресторанов привести в надлежащий порядок предприятия торговли и общественного питания, обеспечить необходимый устойчивый ассортимент и высокое качество приготовляемых блюд, повысить культуру обслуживания интуристов. Организовать продажу в городе Бресте (на вокзале и Варшавском мосту) недорогих сувениров.

6. Обязать отдел пропаганды и агитации, отдел транспорта обкома КПБ в месячный срок решить вопрос об оформлении дорог соответствующей наглядной агитацией.

7. Областной газете “Заря”, городским и районным газетам, комитету радиовещания широко освещать на страницах печати и по радио пребывание в области делегаций из ПНР и других стран Народной Демократии.

8. Обязать управление культуры облисполкома к 1 мая с. г. подготовить передвижную фотовыставку достижений народного хозяйства и культуры области для экспонирования в Люблинском воеводстве» [2, л. 13–16].

И в связи с большим количеством недостатков бюро обкома КПБ утвердило мероприятия по улучшению обслуживания советских и иностранных туристов. В рамках их осуществления было намечено следующее:

«1. Брестскому горкому КПБ, Брестскому, Кобринскому, Березовскому, Ивацевичскому, Барановичскому и Городищенскому райкомам

партии до 10 апреля выделить из состава имеющихся дружин часть дружинников (наиболее подготовленных в политическом отношении) для выполнения ими задач по оказанию помощи органам КГБ по работе среди иностранцев.

2. Обкому комсомола до 10 апреля создать из числа наиболее передовых комсомольцев группу активистов в количестве 40–50 человек, в задачу которой вменить пресечение попыток распространения буржуазной идеологии со стороны отдельных иностранцев.

3. Периодически публиковать в районных и областной газетах материалы о недостойном поведении отдельных иностранцев. Областной газете “Заря” завести постоянную рубрику “Иностранцы об СССР” (интервью о впечатлениях пребывания в нашей стране).

4. Исполкому Брестского горсовета депутатов трудящихся к 25 апреля изготовить и установить в г. Бресте на основных направлениях знаки-указатели на иностранном языке. В интересах четкого обслуживания лиц, впервые прибывших в город, организовать в районе вокзала киоск горсправки, оборудовав его телефоном и другими необходимыми пособиями.

5. Учитывая, что в прошлом имелись многочисленные случаи неразмещения иностранцев в гостинице из-за отсутствия мест, в результате чего они вынуждены были ночевать в служебном помещении “Интуриста”, в зале ожидания вокзала и других подсобных помещениях, облкоммунхозу выделить в гостинице “Буг” 10–12 номеров для размещения иностранцев.

6. Начальнику Брестской таможни до начала туристического сезона решить вопрос строительства в районе Варшавского моста павильона для проведения досмотровых операций.

7. Дорожно-эксплуатационному участку № 715 к 20 апреля сего года обновить указатели и щиты на трассе, заменить дорожно-сигнальные знаки в соответствии с новым ГОСТом. Подготовить и внести свои предложения об оборудовании на автомагистрали мест стоянок для автотранспорта.

Отделу административных и торгово-финансовых органов обкома КПБ было поручено организовать в апреле проверку готовности к туристическому сезону» [5, л. 146].

Кроме этого, администрации ресторанов Брестского и Барановичского вокзалов, закусочных по автотрассе Брест – Москва поручалось обеспечить перевод меню на английский, французский и немецкий языки, а также расширить ассортимент и улучшить качество изготовляемых блюд. В свою очередь, ювелирторгу предписывалось продавать драгоценности за валюту. Среди мер, направленных на улучшение качества придорожного сервиса, следует отметить следующую: директора Брестского горпромторга и управляющего Облавтосервисом обязали обеспечить бесперебойную работу заправочных бензоколонок в Бресте, Ивацевичах, предусмотрев там продажу

горючих и масел, годных для заправки автомашин иностранных марок [1, с. 21]. Важно еще отметить, что достаточно популярным явлением в сфере туризма были приглашения групп польских харцеров на отдых в пионерские лагеря Брестской области (например, лагерь «Сосновый бор») и направления групп советских пионеров в польские летние лагеря [3, л. 265–266].

В целом можно сказать, что в этот период туристическая сфера Брестской области только разворачивалась. Поэтому имелись указанные выше шероховатости, которые постепенно преодолевались. Описанные внешние связи стали возможными благодаря общей атмосфере, которая распространилась в СССР после решений XX съезда КПСС. Эпоха «оттепели» содействовала постепенному увеличению международных контактов, формировала положительный облик Советского Союза в глазах соседей, а также содействовала началу процесса ознакомления советских людей с жизнью социалистических соседей.

Список использованной литературы

1. Бурик, Е. А. Развитие внешних контактов Брестской области с зарубежными странами во второй половине 1950-х – конце 1970-х гг. / Е. А. Бурик // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2020. – № 1. – С. 18–26.

2. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 17. Д. 37.

3. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 17. Д. 41.

4. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 17. Д. 46.

5. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 38.

К содержанию

УДК 008:327(476.7+430)(091)"1990/99"

Н. Н. КОРОЛЬЧУК
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ БЕЛАРУСИ И ГЕРМАНИИ В 1990-Е ГГ. НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье дается краткая характеристика основных направлений общественно-культурного взаимодействия Беларуси и Германии в 1990-е гг. в Брестской области. Рассматривается сотрудничество городов-побратимов, школ, получение помощи от Герма-

нии для пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС, дается характеристика деятельности Первичной организации общества дружбы с зарубежными странами.

После обретения Беларусью независимости наблюдается активизация двусторонних отношений с Германией. Взаимодействие охватывало политическую, экономическую и общественно-культурную сферы жизни общества. Также в начале 1990-х гг. формируется договорно-правовая база, основой которой стали как договоры о сотрудничестве в области экономики, промышленности, науки и техники, так и соглашения о культурном взаимодействии, ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Большинство партнерских отношений между немецкими и белорусскими городами были установлены с середины 1980-х до середины 1990-х гг. Для координации партнерских связей в 1993 г. по инициативе Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами была создана белорусская организация «Породненные города». Перечень городов – партнеров Беларуси (по Брестской области) и Германии представлен в таблице.

Примером сотрудничества являются Кобрин и Уэльцен, которые имеют богатый опыт общения в различных формах: обмен делегациями, акции гуманитарной помощи, деловые контакты. По линии городского фонда «Милосердие» за 11 месяцев 1997 г. для учреждений города и отдельным гражданам из города Уэльцена поступило различных грузов на 49,2 млн руб. Дружественные связи поддерживаются на уровне просвещения и отдельных граждан. Ежегодно СШ № 2 и СШ № 3 имели возможность направить делегации педагогов и школьников в г. Уэльцен для изучения опыта работы своих коллег, а также немецкого языка [6, с. 14].

Таблица – Побратимские связи по Брестской области [4, с. 2–3]

Республика Беларусь	Федеративная Республика Германия	Дата подписания договора о побратимских связях
Брест	Равенсбург, Вайнгартен, Байенфурт, Берг, община Байндт, Требниц	1989 г. 1995 г.
Пинск	Альтен	
Кобрин	Уэльцен	Август 1995 г.
Береза	Цетель	
Столин	Хомберг (Эфце)	3 октября 1992 г.

Также ярким примером развитых побратимских связей является г. Брест. С 6 по 11 сентября 1997 г. Брест посетила официальная делегация городов-побратимов и всех общественных организаций Средней Шуссентали (Германия) в составе 30 человек. Официальная делегация из Требница посетила Брест в рамках проекта «Лес мира» в конце октября – начале ноября 1997 г. в составе 20 человек. Женсовет г. Бреста принимал женщин по линии общества «Запад – Восток» из Баден-Вюртемберга с 04.09 по 10.09.1997. Города непрерывно обменивались опытом, приглашали творческие коллективы с выступлениями, участвовали в спортивных мероприятиях. Так, 14–19 июля 1997 г. брестский клуб по мини-футболу «Аматар» принял участие в соревнованиях в г. Равенсбурге; детский танцевальный ансамбль «Праменчик» в 1997 г. посетил Равенсбург, где успешно выступал с концертами; народный хор «Вяснянка» под руководством Р. И. Басалай принимал представителей певческого кружка из Байенфурта в составе 30 человек в Бресте [7, с. 26].

Давние связи сложились между ГУО «Средняя школа» № 7 г. Бреста и школой «Клёстерле» из Равенсбурга. 1–7 мая 1997 г. Брест посетили 20 учащихся и 3 учителя. В рамках встречи прошли круглые столы, экскурсии, дни стран, творческие выступления учащихся.

Активно сотрудничает Брест с Германией по гуманитарной линии. Так, делегация Красного Креста из г. Равенсбурга посещала Брест 19–22 ноября 1995 г. для согласования мероприятий по оздоровлению детей. Делегация посетила центр «Тонус», Брестскую крепость, Красный Крест, пионерский лагерь «Лесная сказка», санаторий-профилакторий АО «Ковры Бреста», а также были проведены переговоры немецкой делегации с председателем исполкома А. А. Овечкиным о взаимодействии по оздоровлению детей [8]. В 1998 г. с 29 ноября по 1 декабря находились в Бресте представители Немецкого Красного Креста с гуманитарной помощью для больниц г. Бреста и городского Красного Креста [5, с. 6–7].

11–16 апреля 1998 г. в Брест прибыла делегация общины Байндт в составе 45 человек. Участники встречи посетили мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», состоялся вечер встречи в СШ № 7, лицее № 1, музыкальном колледже, футбольный матч между командами молодежи Бреста и общины Байндт, вечер встреч с активом молодежного движения в Брестском доме культуры, а также встреча с художественными коллективами г. Бреста в Доме культуры [7, с. 26].

Органом, который на государственном уровне содействовал взаимодействию Беларуси и Германии в Брестской области, было Брестское областное отделение Белорусского общества и культурной связи с зарубежными странами, созданное в 1980 г. как отделение Белорусского общества дружбы (БелОД). Существовало одно городское (Брестское) отделение и две первичные организации: Брест и Барановичи. Первичная

организация общества дружбы с зарубежными странами ПТО «Полесье» проводила работу по пропаганде истории, экономики, культурной жизни зарубежных стран совместно с ДК «Трикотажник». Задача организации – работа по налаживанию и расширению культурных связей с зарубежными странами и республиками СНГ. Основные направления работы общества – культурные связи, изучение опыта работы зарубежных фирм, встречи с иностранными студентами. На базе организации проходили вечера дружбы, посвященные иностранным студентам, которые обучались в Беларуси. Так, в марте 1992 г. в гостях у художественных коллективов ДК «Трикотажник» побывала делегация из немецкого города-побратима Альтена. Немецкая делегация встретилась с творческими работниками Дворца, творческими коллективами был дан концерт. Также общество осуществляло сотрудничество с Польшей, Италией, Вьетнамом [2, с. 12–13].

По линии БелОД из Брестской области и г. Бреста в период с 1993 по 1997 г. выезжали за границу:

- на оздоровление – 8 детей (из Столинского, Лунинецкого районов и г. Бреста), в составе делегаций – 13;
- художественные коллективы – 301: «Брестчанка», «Берестье», хор «Радуга» из Барановичей, ансамбли «Крыница», народный ансамбль танца «Домино» из Столина;
- по линии породненных городов – Столин – Хомберг [1, с. 1].

Таким образом, культурные и общественные связи, заложенные между Беларусью и Германией в 1990-х гг., стали импульсом для дальнейшего двустороннего развития. Активно развивающиеся побратимские отношения позволяют познакомить два народа с бытом, культурой и людьми двух разных государств. Поддержание близких отношений с Германией для Беларуси на первом этапе являлось также средством внедрения в европейское мировое сообщество, а для Германии – возможность расширения германской культуры на восток.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 464. Оп. 1. Д. 77.
2. ГАБр. – Ф. 464. Оп. 1. Д. 77.
3. ГАБр. – Ф. 464. Оп. 1. Д. 84.
4. ГАБр. – Ф. 464. Оп. 1. Д. 84.
5. ГАБр. – Ф. 464. Оп. 1. Д. 85.
6. ГАБр. – Ф. 464. Оп. 1. Д. 85.
7. ГАБр. – Ф. 464. Оп. 1. Д. 85.
8. ГАБр. – Ф. 783. Оп. 6. Д. 25.

К содержанию

УДК 298.9(476)

В. Г. КУДЛАСЕВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. Н. Свирид, канд. ист. наук, доцент

ЭКСПЕРТНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НЕОХРИСТИАНСКИХ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 1990-Е ГГ.

В данной статье исследованы обстоятельства создания экспертных заключений Совета по делам религий Республики Беларусь на уставы неохристианских новых религиозных движений. В научный оборот введены новые архивные документы, проанализировано их содержание, и определены дальнейшие направления использования данных документов в историческом исследовании.

Со второй половины 1980-х гг. на территории Беларуси наблюдался процесс активизации деятельности существующих религиозных организаций и появления новых религиозных движений (далее – НРД). Согласно 16 ст. Закона Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г., регистрация уставов религиозных общин осуществляется на областном и Минском городском уровнях. Однако при отсутствии подтверждения принадлежности общины к какой-либо религиозной организации регистрирующие органы «…маюць права запытаць дадатковыя матэрыялы і атрымаць заключэнні спецыялістаў» [1, с. 4]. Первоначально данными специалистами выступали работники Совета по делам религий при Совете Министров Республики Беларусь.

Первое заключение относительно неохристианских НРД подготовлено ведущим специалистом Совета по делам религий Т. Г. Купченей на Устав религиозной общины церкви Божией Матери преображающейся в г. Светлогорске 3 мая 1993 г. В данном заключении говорится, что «…Устав составлен в Москве, в так наз. “Богородичном центре”…» [2, л. 33]. Далее автор заключения приводит сведения о богослужении «Богородичного центра», описанные в «Российской газете» от 6 апреля 1993 г.

Т. Г. Купченя при рассмотрении вероучения и деятельности «Богородичного центра» делает следующий вывод: «…есть прямое нарушение Закона Республики Беларусь о свободе вероисповеданий и религиозных организациях. Это – возбуждение вражды и ненависти, причинение вреда психическому и физическому здоровью людей; пропаганда ненависти к семье, браку, родителям; дискриминация по половому признаку, проявляющаяся в форме патологического женоненавистничества» [2, л. 33]. Далее

автором рассматриваются положения Устава общины, акцентируется внимание на организационной структуре общины и ее месте в религиозном объединении. В конце данного документа отмечается, что Устав содержит ряд положений и неточностей, противоречащих законодательству Республики Беларусь. Оканчивается заключение следующими словами: «Считаю, что у Гомельского облисполкома имеется достаточно оснований для отказа в регистрации…» [2, л. 35]. Данное заключение носило рекомендательный характер, как и ряд последующих, однако в подобных случаях регистрирующий орган всегда следовал рекомендациям, изложенным в заключениях. Наиболее ценными для исторического исследования являются сведения об организационной структуре общины, содержащиеся в данном заключении.

23 июля 1993 г. при Совете по делам религий была создана временная экспертная комиссия в составе семи человек. Эта экспертная комиссия провела шесть заседаний и в феврале 1994 г. подготовила заключение о результатах работы. Данный документ не был обнаружен автором в фондах Национального архива Республики Беларусь и отсутствует в открытых источниках. Однако содержание данного документа раскрывается в публикациях В. А. Мартиновича «Сектоведение в Беларуси 1990–1997 гг.» и Н. Кутузовой «Экспертное религиоведческое сообщество Беларуси в механизмах принятия решений в сфере конфессиональной политики: этапы формирования и перспективы развития» [3]. Статья В. А. Мартиновича опубликована во втором выпуске научного альманаха «COLLOQUIUM HETAPLOMERES», издаваемого в Нижнем Новгороде. Вторая статья размещена на портале «За свабоднае веравызнанне», изложена в научном стиле, однако лишена ссылок на источники и обладает лишь концевыми сносками.

Согласно В. А. Мартиновичу, перед временной экспертной комиссией стояла задача «...провести религиоведческую экспертизу сразу семи крупных НРД» [4, с. 57]. А в заключении о результатах работы «…кратко были описаны все предложенные для анализа группы, но основной акцент сделан на констатации невозможности решения поставленной задачи…» [4, с. 57]. Н. Кутузова в своей статье обращает внимание на то, что «в заключении… было отмечено… “считать необходимым создание постоянно действующей экспертной комиссии…”» [3]. Однако вплоть до 1997 г. экспертные комиссии при Совете по делам религий создавались для подготовки каждого конкретного экспертного заключения. Лишь с 1997 г. появился постоянно действующий орган – Экспертный совет при Государственном комитете по делам религий и национальностей.

Таким образом, экспертные заключения осуществлялись специалистами, экспертными комиссиями и экспертным советом при государст-

венном органе по делам религий. Всего в фондах Национального архива Республики Беларусь за 1990-е гг. размещается семь экспертных заключений относительно неохристианских НРД (за исключением экспертного заключения от 15.02.1994 г.). В неполном объеме хранится копия документа «Заключение эксперта» Е. С. Прокошиной относительно «Великого Белого Братства» с закрытым перечнем поставленных вопросов [5, л. 189]. Половину данных документов составляют заключения на уставы общин «Богородичного центра». После отказа в регистрации общины в г. Светлогорске предпринимались попытки регистрации общин в Октябрьском и Партизанском районах Минска в 1994 и 1997 гг. соответственно.

Экспертные заключения, подготовленные экспертной комиссией и членами экспертного совета, содержат точные данные о местоположении общин, организационной структуре, комплексный анализ вероучений. В отдельных заключениях содержатся сведения о руководителях общин и приводятся сведения посещенных богослужений. Эти документы позволяют более детально исследовать неохристианские новые религиозные движения, уточнить ареал распространения, выявить специфику деятельности данных организаций на территории Республики Беларусь.

Список использованной литературы

1. Аб свабодзе веравызнанняў і рэлігійных арганізацыях : Закон Рэсп. Беларусь, 17 снеж. 1992 г. // Звязда. – 1993. – 9 студз. – С. 4.

2. Заключение на Устав религиозной общины церкви Божией Матери преображающейся в г. Светлогорске // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 136. Оп. 3. Д. 8. Л. 33–35.

3. Кутузова, Н. Экспертное религиоведческое сообщество Беларуси в механизмах принятия решений в сфере конфессиональной политики: этапы формирования и перспективы развития [Электронный ресурс] / Н. Кутузова // За свабоднае веравызнанне. – 2005. – Режим доступа: https://forb.by/index.php?q=node/489. – Дата доступа: 20.03.2021.

4. Мартинович, В. А. Сектоведение в Беларуси 1990–1997 гг. / В. А. Мартинович // COLLOQUIUMHETAPLOMERES. – 2015. – № 2. – С. 55–63.

5. Заключение эксперта Е. С. Прокошиной // НАРБ. – Ф. 136. Оп. 3. Д. 24. Л. 189–204.

К содержанию

УДК 347.9(438)(091)

О. В. МЕДВЕДЬ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. Н. Вабищевич, д-р ист. наук, профессор

ТРУД ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА (1921–1939)

В статье автор рассматривает вопрос труда заключенных пенитенциарных учреждений Полесского воеводства в период с 1921 по 1939 г., опираясь на документы из Государственного архива Брестской области, раскрывает суть организации труда заключенных, рассматривает вопрос формирования цен на продукцию.

Немаловажным аспектом жизни и быта заключенных являлся труд. В данной работе, опираясь на инструкции Министерства юстиции Польши из Государственного архива Брестской области, мы рассмотрим вопросы организации труда в пенитенциарных учреждениях Полесского воеводства и формирования цены на продукцию, изготовленную заключенными.

В инструкции 1921 г. говорится, что при наличии желания работать заключенный мог быть трудоустроен при посредничестве начальника тюрьмы. Принудить к работам заключенного администрация пенитенциарного учреждения не имела права [7]. Однако уже в тюремном уставе, разработанном в соответствии с распоряжением Министерства юстиции Польши от 20 июня 1931 г., говорится, что все заключенные в обязательном порядке должны привлекаться к труду. И только подследственные заключенные могли быть трудоустроены с разрешения суда или прокуратуры.

Заключенный мог быть задействован на хозяйственных работах или на доходных работах. Хозяйственные работы включали уборку камер и территории тюрьмы, работы в прачечной и на кухне. К доходным работам относились любые работы, которые приносили доход (пошив одежды и обуви, изготовление бочек, ведер, ложек и другие работы). Как правило, это были швейные или работы по изготовлению обуви. Также администрация пенитенциарного учреждения могла отправить заключенного на работы в какой-либо институт или к частным лицам. Согласно инструкции Департамента труда Министерства юстиции, администрация тюрьмы должна была стремиться минимально задействовать узников для хозяйственных работ, а максимум для выполнения доходных работ [1].

Все работающие заключенные делились на три категории. К первой категории относились заключенные – высококвалифицированные работники с примерным поведением, ко второй категории относились заключенные, которые выполняли тяжелые или неприятные работы, к третьей категории относились все остальные заключенные, выполнявшие разного

рода работы. От рабочей категории заключенного зависела величина доплаты за труд. В качестве наказания заключенный мог быть переведен из более высокой категории в более низкую [2].

В Министерстве юстиции понимали, что появление на свободном рынке дешевой, изготовленной заключенными продукции может негативно повлиять как на деятельность отдельных мастеров и предпринимателей, так и на экономику в целом. Поэтому принимались специальные меры. Так, согласно инструкции Департамента труда Министерства юстиции, продукция, произведенная заключенными, не должна была создавать вредной конкуренции на рынке. Ее цена не должна была быть существенно ниже рыночной цены (минимальная прибыль должна была составлять 20 % от стоимости и цена не ниже 20 % обычных рыночных цен). Также в Министерстве юстиции понимали, что труд заключенного менее эффективен, чем труд свободного рабочего, поэтому цена работы заключенного не должна была быть больше, чем 50 % от цены работ свободного рабочего [10].

Что касается оплаты, то необходимо подчеркнуть, что заключенные, задействованные на хозяйственных работах, в тюрьме зарабатывали значительно меньше, чем заключенные, которые были задействованы на доходных работах. Если заключенные тюрьмы не были задействованы на доходных работах, то хозяйственные работы не оплачивались [1].

Что касается доходных работ, то, согласно распоряжению Департамента труда Министерства юстиции, минимальная от 17 сентября 1921 г. стоимость рабочего дня заключенного должна была составлять 250 марок. Минимальная стоимость рабочего дня заключенного, который был привлечен к работам в институте или у частного лица, должна была составлять 300 марок, также институт или частник должны были обеспечить питанием заключенного, предоставленного им для работ. Необходимо отметить, что заключенным, которые являлись рабочими первой категории, должны были доплачивать 45 марок, второй категории – 30 марок, третьей категории – 15 марок.

От заработанных заключенным денег взыскивали 140 марок за его питание и 10 марок на оплату труда заключенных, которые привлекались к хозяйственным работам. Стоимость работы заключенного не должна была быть ниже стоимости его питания с прибавлением 50 % от стоимости других расходов по его содержанию [4].

Подчеркнем, что в зависимости от экономической ситуации минимальная цена работы заключенного менялась, как и размер доплат за квалификацию. Следовательно, менялся размер вычитаемой суммы от заработанных заключенным денег на его содержание.

Согласно инструкции Департамента труда Министерства юстиции, все заработанные деньги должны были записываться на личный счет узника и являлись его неприкосновенной собственностью. В день освобождения все заработанные на различных работах деньги выплачивались с предоставлением квитанции. Также с разрешения администрации тюрьмы заключенный имел право использовать деньги с личного счета на приобретение табака, курительной бумаги, письменных принадлежностей и других вещей [5].

Цена продукции, которая была произведена заключенными, должна была высчитываться по следующей формуле: P = A + B + C, где A – это стоимость рабочего дня заключенного, умноженная на количество дней; B – стоимость материалов, необходимых для изготовления изделия; C – 25 % от суммы A и B на покрытие административных расходов. Для большей ясности приведем два примера. Согласно списку цен на продукцию, изготовленную заключенными, женские ботинки изготавливались три дня, цена расходованных материалов 250 марок. Таким образом цена готового изделия равна 3 × 250 + 250 + 25 % от 1000 марок (250 марок), итого – 1230 марок. На изготовление нового костюма заключенный тратил пять дней, цена расходованных материалов 450 марок. Таким образом цена готового изделия равна 3 × 250 + 450 + 425 + 25 % от 1700 марок (425 марок), итого – 2125 марок [6]. Необходимо отметить, что при формировании окончательной цены также учитывались торговые и транспортные расходы.

Таким образом, можно сделать вывод, что власти межвоенной Польши стремились минимизировать расходы на содержание заключенных в пенитенциарных учреждениях путем привлечения их к труду. Также отметим, что труд давал заключенным возможность заработать деньги, что облегчало их пребывание в пенитенциарном учреждении, а также приобрести трудовые навыки.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 100. Оп. 1. Д. 2733. Л. 19.
2. ГАБр. – Ф. 100. Оп. 1. Д. 2733. Л. 36.
3. ГАБр. – Ф. 100. Оп. 1. Д. 2733. Л. 10.
4. ГАБр. – Ф. 100. Оп. 1. Д. 2733. Л. 28.
5. ГАБр. – Ф. 100. Оп. 1. Д. 2733. Л. 24.
6. ГАБр. – Ф. 100. Оп. 1. Д. 2733. Л. 34.
7. ГАБр. – Ф. 100. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
8. ГАБр. – Ф. 2043. Оп. 1. Д. 156. Л. 1.

К содержанию

УДК 339.923(470+571+476)

Д. Ю. ХОТЬКО
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. А. Бурик, канд. ист. наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Поступление международной помощи, направленной на преодоление последствий аварии на ЧАЭС, заметно активизировалось с 1989 г. Множество проектов и инициатив подавалось как с платформы ООН, которая стала центром координации ряда подобных инициатив, так и в результате двусторонних межгосударственных контактов, взаимодействия ряда общественных организаций и центров, помощи простых граждан и волонтеров.

Так, истоки гуманитарной программы по оздоровлению детей, проживавших на загрязненных территориях, в иностранных семьях связаны с деятельностью ирландского волонтера Эди Роуч, которая в 1991 г. запустила свой проект Chernobyl Children International. Она нашла ирландские семьи, которые были бы готовы принять на каникулы белорусских и украинских детей в рамках программы отдыха и оздоровления. Еще в 1990-х гг. инициатива помощи «детям Чернобыля» была подхвачена множеством людей во всем мире. Белорусские дети получили возможность участвовать в программах оздоровления в Италии, Испании, Германии, Великобритании, Ирландии, Нидерландах, США, Канаде, Люксембурге, Швейцарии, Японии и других странах. Один лишь фонд Эди Роуч за 30 лет существования собрал более 100 млн евро, которые были направлены на проведение медицинских операций, организацию программ оздоровления и локальные проекты помощи не только семьям, но и целым белорусским регионам, пострадавшим от аварии на ЧАЭС. Волонтерами данного проекта организованы три программы: медицинская, программа строительства, программа отдыха и восстановления сил [9]. Стоит отметить, что Chernobyl Children International тесно взаимодействует с правительством Беларуси, ООН и тысячами добровольцев в Ирландии, Беларуси и во всем мире.

В целом по состоянию на 1 января 2014 г. международные договоры об оздоровлении детей, проживавших на загрязненных территориях, были заключены с 14 иностранными государствами [5].

С конца 1980-х гг. наблюдалось активное взаимодействие Беларуси в данном направлении с другими иностранными государствами на двусторонней основе: Польшей, Германией, Италией, Японией. Отдельный

интерес вызывали мероприятия со стороны сопредельной Польши, в частности проект «Дети Чернобыля в гостях Польши», в рамках которого более 6 тыс. белорусских и украинских детей по приглашению благотворительных организаций в 1990 г. провели каникулы и прошли курс лечения во многих странах мира. Почти половину из них приняла Польша, например фонд имени С. Батория, Люблинский университет имени М. Склодовской-Кюри, харцерская община в Сувалках, профсозные комитеты «Солидарности», «Эльблонгтурист» и более 150 семей [1, с. 2].

Одним их первых, кто обратился к польской общественности с призывом помочь детям Чернобыля, был приходский священник Генрик Остак из Новосондецкого воеводства. Он в 1990 г., совмещая пастырскую деятельность с работой на посту председателя союза пчеловодов, создал специальный фонд апитерапии – лечение при помощи лекарственных препаратов из меда и пчелиного яда, который мог ежегодно принимать до 1 тыс. детей на специализированное лечение. Кроме этого, многие организации и предприятия оказывали материальную помощь. Так, в 1990 г. фармацевтическая фирма «Циех» выделила 10 т дефицитных медикаментов, столичное внешнеторговое объединение «Кальмет», специализирующееся на экспорте подвижного состава, передало советскому посольству 50 млн злотых в фонд Чернобыля, 150 советских детей бесплатно отдыхали в пансионате предприятия [6, с. 5].

В медицинской академии г. Гданьска была сформирована группа высококвалифицированных врачей, которые весной 1991 г. прибыли в Пинск в рамках международной помощи жертвам Чернобыля под патронажем шведской благотворительной организации «СОС – Чернобыль». Польские врачи занимались комплексным обследованием детей, проживающих на пораженных радиацией землях, и определяли методы и способы их лечения [7, с. 1].

Среди государств, оказываемых активную гуманитарную помощь Беларуси по преодолению последствий от аварии на ЧАЭС, необходимо отметить Японию и Италию. Япония как страна, испытавшая на себе атомные бомбардировки, уже имела определенный опыт по лечению пострадавших от атомных взрывов. С 2004 г. правительство Японии реализовало на территории Беларуси программу «Корни травы», грантовая помощь для проектов по обеспечению безопасности человека, в рамках которой было реализовано 37 проектов на общую сумму около 3 млн долларов [3, с. 25].

Особенностью белорусско-итальянского сотрудничества по преодолению последствий чернобыльской катастрофы стало активное оздоровление детей, проживающих на загрязненных территориях, в Италии. За период с 2009 по 2014 г. из 131 766 детей, отправленных на оздоровление,

Италия приняла 55,5 %, т. е. 73 154 [5]. Так, Италия предоставила Беларуси ряд программ оздоровления детей, в первую очередь направленных на укрепление их здоровья: 1) проживание детей в экологически чистых районах в сочетании с хорошими климатическими условиями (море, солнце, горный воздух и т. д.); 2) экологически чистое питание детей, и в первую очередь сбалансированное питание с достаточным содержанием белков, жиров, углеводов; 3) знакомство с культурой, традициями и обычаями принимающих стран, изучение иностранного языка.

Безусловно, колоссальная доля международной помощи в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы поступала в Республику Беларусь в рамках ООН. На 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция о международном сотрудничестве в смягчении последствий аварии на Чернобыльской АЭС и Беларусь была переведена из группы стран-доноров в группу стран – получателей помощи ООН. Ряд таких организаций и ведомства ООН, как Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), Управление ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ), а также МАГАТЭ, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, ВОЗ, Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Научный комитет ООН по действию атомной радиации (НКДАР), были задействованы в инициативах, связанных с Чернобылем.

Следует отметить, что на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. стратегия оказания помощи в рамках ООН претерпела значительные изменения. Как правило, в 1990-е гг. оказывалась экстренная гуманитарная помощь, направленная на поставку медицинского оборудования и медикаментов, проводились стажировки белорусских специалистов за рубежом, организовывалось оздоровление детей за границей и др. В 2000-е гг. произошла ориентация на реализацию проектов, направленных на улучшение социально-экономического развития пострадавших регионов. Об этом свидетельствует доклад «Гуманитарные последствия аварии на Чернобыльской АЭС: стратегия реабилитации», опубликованный ПРООН и ЮНИСЕФ в 2002 г. [2].

В целом деятельность в данном направлении была сконцентрирована на создании условий для восстановления и развития пострадавших регионов: строительство, развитие инфраструктуры, газификация, снабжение загрязненных районов чистой питьевой водой, а также завершение строительства ряда объектов образования, здравоохранения и коммунального назначения.

Стратегия, рассчитанная на десять лет, предусматривает переход от чрезвычайной гуманитарной помощи к оказанию содействия устойчивому развитию пострадавших территорий. В настоящее время стратегические предложения миссии ООН находят свою практическую реализацию в

инициативах ВОЗ, ПРООН, МАГАТЭ, других учреждений ООН, программы ТАСИС Европейского союза.

В 2004–2008 гг. на территории Чечерского, Брагинского районов Гомельской области, Славгородского района Могилевской области и Столинского района Брестской области была реализована международная программа нового поколения CORE «Сотрудничество для реабилитации условий жизни в пострадавших от чернобыльской катастрофы районах Беларуси», которая направлена на улучшение условий жизни населения в пострадавших от аварии районах. Реализация программы CORE основана на принципах сотрудничества, межотраслевой интеграции, повышения социальной и экономической активности населения. В рамках реализации программы CORE было инициировано 146 проектов, общее финансирование составило 4,3 млн евро [4]. Так, например, впервые в Беларуси был разработан и успешно апробирован в Столинском и Славгородском районах специфический механизм микрокредитования мелкотоварных сельхозпроизводителей. В Беларусбанке был создан гарантийный фонд в размере 30 тыс. евро за счет средств Французской ассоциации сельскохозяйственных производителей FERT. В период с 2005 по 2007 г. было выдано более 100 микрокредитов, и все средства были возвращены в установленном порядке [8].

Таким образом, международная помощь Республике Беларусь по преодолению последствий от аварии на ЧАЭС осуществлялась на различных уровнях и включала в себя двухстороннее взаимодействие государств (например, сотрудничество Беларусь – Италия, Беларусь – Польша, Беларусь – Япония), а также осуществлялась при помощи международных организаций (ООН и ряда специализированных органов и ведомств ООН) и волонтерской деятельности. Основными формами сотрудничества по данному направлению стали участие в совместных многосторонних и двусторонних конференциях, централизованные поставки гуманитарной помощи, медицинского оборудования, стажировка белорусских специалистов за рубежом, оздоровительные программы для детей, проживающих на загрязненных территориях, реализация проектов на тех или иных территориях, в рамках которых выделялись огромные финансовые средства. Безусловно, оказываемая международная помощь стала весомым вкладом для Беларуси в деле преодоления последствий чернобыльской катастрофы.

Список использованной литературы

1. В Польшу – на отдых // Заря. – 1990. – 21 июля. – С. 2.

2. Гуманитарные последствия аварии на Чернобыльской АЭС: стратегия реабилитации. Отчет, подготовленный по поручению ПРООН и ЮНИСЕФ при поддержке УКГД ООН и ВОЗ. Нью-Йорк – Минск – Киев – Москва 6 февраля 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://un.by/images/library/thematic-publications/chernobyl/rus-21236.pdf. – Дата доступа: 15.02.2021.

3. Есін, Р. Вачыма партнёра і сябра. Беларусь – Японія: новыя магчымасці ў новых рэгіянальных умовах / Р. Есін // Беларус. думка. – 2017. – № 7. – С. 22–26.

4. Луговская, О. М. Опыт реализации проектов программы МТП ЕС CORE [Электронный ресурс] / О. М. Луговская. – Режим доступа: http://old.cu4eu.by/_DOC/Seminars/Regional/2009_04_10_Minsk/Presentations/08_MES_CORE.ppt. – Дата доступа: 10.02.2021.

5. О реализации международных гуманитарных проектов в целях преодоления последствий аварии на Чернобыльской АЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://austria.mfa.gov.by/ru/embassy/news/e6dc29807_a758a8b.html. – Дата доступа: 11.02.2021.

6. Першин, А. «Метод Генриха Остака»: в Польше ширится помощь детям Чернобыля / А. Першин // Известия. – 1990. – 26 июля. – С. 5.

7. Советская Белоруссия. – 1991. – 29 янв. – С. 1.

8. Сотрудничество для реабилитации условий жизни в пострадавших от чернобыльской катастрофы районах Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chernobyl.mchs.gov.by. – Дата доступа: 01.02.2021.

9. Chernobyl Children International: некоммерческая организация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.chernobyl-international.com/programmes. – Дата доступа: 17.03.2021.

К содержанию

УДК 339.923(470+571+476)

Е. А. ШЕДЬКО
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. Ю. Бодак, канд. ист. наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БССР В РАМКАХ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОГРАММ ЮНЕСКО

В данной статье рассмотрены обстоятельства вступления БССР в ЮНЕСКО, а также основные направления взаимодействия Беларуси в области науки, культуры и образования в рамках данной организации.

Учредительная конференция ЮНЕСКО состоялась в ноябре 1945 г. На конференции представители 44 государств разработали Устав, а 4 ноября 1946 г., когда этот документ вступил в силу, считается днем основания организации. ЮНЕСКО внесла большой вклад в ликвидацию

неграмотности, демократизацию образования, ликвидацию расизма, воспитание мира и взаимопонимания, а также в интеллектуальное, экономическое, социальное и культурное развитие человечества.

СССР, УССР и БССР сохраняли долгое молчание по поводу вступления в ЮНЕСКО. Правительства Великобритании и Франции разослали 3 августа 1945 г. приглашения на конференцию Объединенных Наций по созданию организации по образованию и культуре, которую предполагалось провести в Лондоне с 1 по 16 ноября 1945 г. Адресатами стали члены – основатели Организации Объединенных Наций. Однако Советский Союз, Украинская ССР и Белорусская ССР отказались принять участие в данной конференции. 10 сентября 1945 г. приглашение было повторено, но Советский Союз заявил об отказе участвовать в создании ЮНЕСКО. Поводом отказа стало нарушение процедуры, так как британское правительство «проигнорировало» предложение народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова отложить конференцию, дождавшись сначала учреждения ЭКОСОС ООН, в ведение которого и подпадала создаваемая организация. 13 ноября 1945 г., незадолго до закрытия учредительной конференции, организаторы послали третье приглашение, которое было передано «заинтересованным советским органам» [5].

Советский Союз предложил учредить ЮНЕСКО только после создания ЭКОСОС, который должен был сначала рассмотреть этот вопрос и взять на себя организацию созыва учредительной международной конференции. Английское правительство, инициатор конференции, «проигнорировало» это предложение. Советская дипломатия считала, что в этих условиях «весь характер этой организации несет на себе отпечаток не международного, а скорее британского предприятия». Имелись две причины отказа Советского Союза отправить своих представителей в Лондон в ноябре 1946 г.: отстранение ЭКОСОС от участия в подготовке и созыве конференции и протест против критериев отбора ее участников [2, с. 168].

6 ноября 1945 г. представители 37 государств подписали в Лондоне Устав ЮНЕСКО, который вступил в силу 4 ноября 1945 г., после ратификации 20 государствами. В соответствии со ст. 57 и 63 Устава ООН, заключенный ЮНЕСКО с ЭКОСОС Договор о статусе специализированного учреждения Организации Объединенных Наций, был одобрен Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1946 г. [3, с. 14].

Министр иностранных дел Белорусской ССР К. В. Киселев в январе 1947 г. направил руководству союзного внешнеполитического ведомства предложение о вступлении СССР, УССР и БССР в ЮНЕСКО с целью использования организации в борьбе против опасности новых военных действий, противодействия идеологическому влиянию на нее со стороны других правительств и использования в качестве средства советского

влияния. По мнению заместителя министра иностранных дел А. Я. Вышинского, вступление в ЮНЕСКО не имело возможности сыграть той роли, на которую рассчитывал К. В. Киселев [2, с. 169–172].

Все же 25 июня 1953 г. Коллегия МИД СССР высказалась за вступление страны в ЮНЕСКО вместе со странами народной демократии, а ЦК КПСС согласился. Письмом от 4 ноября 1953 г. МИД БССР сообщил МИД Великобритании о решении правительства республики принять Устав ЮНЕСКО. Правительство Белорусской ССР поручило подписать хартию министру иностранных дел республики К. В. Киселеву. 10 апреля 1954 г. Правительство БССР приняло Устав ЮНЕСКО. 12 мая 1954 г. состоялось подписание Устава послом СССР в Лондоне от имени Правительства БССР [4, с. 9].

Первым форумом ЮНЕСКО, в котором БССР участвовала как член организации, стала межправительственная конференция по выработке Международной конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, проходившая с 21 апреля по 14 мая 1954 г. в Гааге [1, с. 41].

17-я Международная конференция по народному образованию (июль 1954 г., Женева) – второй опыт участия республики в многосторонней дипломатии ЮНЕСКО. Представителями от БССР на конференции были П. В. Люторович (заместитель министра культуры), С. А. Умрейко (заместитель министра просвещения) и Г. К. Новицкий (второй секретарь политотдела, референт-переводчик). Заместитель министра просвещения внес предложение включить в рекомендацию «О подготовке учителей средней школы» дополнение: «рекомендовать органам власти всех стран организовать за счет средств госбюджета подготовку учителей из лиц коренной национальности на их родном языке». Также С. А. Умрейко рассказал, как «за короткий промежуток времени республика ликвидировала вековую культурную отсталость, благодаря созданию огромной группы интеллигенции из лиц коренной национальности, глубоко владеющей своим родным языком как важнейшей формой национальной культуры». Однако это было поддержано только представителями СССР, Венгрии и Камбоджи, и С. А. Умрейко снял свое предложение с голосования [1, с. 43].

С 12 ноября по 10 декабря 1954 г. Белорусская ССР участвовала в 8-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. Тогда перед делегацией стояла задача подробного изучения работы ЮНЕСКО, установления контактов с представителями других стран и изложения позиции по основным вопросам повестки дня [1, с. 46].

В июле 1955 г. на 18-й Международной конференции по народному образованию (г. Женева) Белорусскую ССР вновь представлял С. А. Ум-

рейко, а референтом-переводчиком был послан Н. Я. Агапов, заведующий кафедрой французского языка Минского института иностранных языков. Конференция рассмотрела вопросы финансирования общенародного образования, эстетического воспитания детей, а также ежегодные доклады. Белорусская сторона представила доклад, составленный Министерством просвещения республики с участием внешнеполитического ведомства. В нем констатировался прогресс народного образования БССР [1, с. 53]. Также в дни работы конференции состоялось заседание Совета Международного бюро просвещения, на котором было принято решение о включении в его состав СССР, БССР и УССР. Таковыми были первые шаги Белорусской ССР в составе ЮНЕСКО. Белорусская дипломатия, которая действовала в рамках советской дипломатии, разработала практические навыки личной переписки (с разрешения и коррекции Москвы), непосредственно взаимодействовала с ЮНЕСКО на форумах, а также создавала новые и укрепляла старые контакты.

В октябре 1956 г. постановлением Правительства Республики была создана межведомственная комиссия БССР по делам ЮНЕСКО во главе с министром культуры Г. Я. Киселевым. С апреля 1957 г. началось обсуждение вопроса об участии Беларуси в заседаниях совета Министерства иностранных дел. В том же году в рамках VI всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве состоялся первый визит в Минск представителя секретариата организации – заведующего отделом Ж. Шевалье.

Кроме этого, было положено начало сотрудничеству Белорусской ССР с серийными и периодическими изданиями ЮНЕСКО, выставочной деятельностью. Значительным событием в культурной жизни республики стала фотовыставка «Культура и взаимопонимание народов» (1960). Частью затрат на проведение мероприятия стала субсидия ЮНЕСКО. С 1960 г. сложилась такая внеконференционная форма участия республики в деятельности ЮНЕСКО, как туристические экскурсии. ЮНЕСКО оплатила транспортные расходы и оказала помощь двум белорусским группам, посетившим Швейцарию и Швецию в 1960 г.

В условиях «холодной войны» и превращения СССР в сверхдержаву активность Белорусской ССР в ЮНЕСКО возросла. Беларусь принимала участие во многих совещаниях и конференциях. К основным из них относятся Первое совещание государств – участников Гаагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1962), международная молодежная конференция, межправительственное совещание экспертов по научной гидрологии (1964). В Минске в августе 1964 г. при участии ЮНЕСКО состоялся межрегиональный семинар ООН «Социальные аспекты индустриализации».

В первой половине 1960-х гг. связи Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО с Секретариатом значительно укрепились. По ее приглашению состоялись визиты в Минск заместителя Генерального директора ЮНЕСКО Р. Майо, руководителя Бюро персонала Ж. Бола, начальника службы научной документации Е. Саввовой (1961), директора департамента общественных наук А. Бертрана (1962), первого заместителя Генерального директора М. Адисешиа (1964). Происходило укрепление организационных баз сотрудничества: с мая 1962 г. в Париже начал деятельность первый Постоянный представитель Белорусской ССР при ЮНЕСКО Б. В. Кудрявцев. Встреча министра иностранных дел республики К. В. Киселева с Генеральным директором ЮНЕСКО Р. Майо в Москве (август 1963 г.) стимулировала интерес руководства республики к организации, способствовала всестороннему рассмотрению состояния и возможностей взаимодействия БССР и ЮНЕСКО [1].

Белорусская ССР активно участвовала в издательской деятельности ЮНЕСКО: материалы, отправленные из Минска, попали в справочники, доклады и исследования организации, в Париже были опубликованы первые статьи белорусских авторов, велась подготовка публикаций о повседневной жизни, также были опубликованы сборники сочинений белорусских писателей. Решался вопрос по подготовке переводов и издания произведений Я. Купалы, Я. Коласа, И. Шамякина, К. Черного.

Некоторые события, связанные с Беларусью, были включены в календарь памятных дат ЮНЕСКО: 90-летие со дня рождения выдающихся ученых-историков БГУ Николая Никольского и Владимира Перцева в 1967 г., 50-летие Белорусского государственного университета в 1971 г., также 500-летие со дня рождения Франциска Скорины в 1990 г.

Следует отметить, что с начала 1970-х гг. БССР и ЮНЕСКО стали сотрудничать и в области науки. Белорусские делегаты приняли участие в Межправительственной конференции специалистов по подготовке международной программы геологической корреляции, в межправительственной конференции по созданию всемирной научно-информационной системы и в ряде других событий ЮНЕСКО. Белорусские эксперты прошли подготовку в зарубежных научно-исследовательских институтах в области химии, физики и микробиологии. В республике были созданы Белорусский комитет программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера», Белорусский комитет международной программы геологической корреляции, Белорусский комитет славянского проекта (впоследствии Белорусский комитет по изучению и распространению славянских культур).

Таким образом, БССР стала членом ЮНЕСКО 12 мая 1954 г. В октябре 1956 г. по распоряжению Правительства Республики была создана межведомственная комиссия БССР по делам ЮНЕСКО, в состав

которой вошли представители науки, культуры, образования, профсоюзов и молодежных организаций Беларуси. На комиссию была возложена задача практического развития партнерства между БССР и ЮНЕСКО. В течение многих лет после вступления Беларуси в ЮНЕСКО данная организация была площадкой для распространения информации о республике, ее экономическом потенциале и культурных достижениях, а также стала одним из немногих путей участия БССР в международной жизни.

Список использованной литературы

1. Свилас, С. Ф. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.) / С. Ф. Свилас. – Минск : БГУ, 2013. – 463 с.

2. Снапкоўскі, У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі. 1944–1953 гг. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 1997. – 207 с.

3. Хюфнер, К. Обзор ЮНЕСКО / К. Хюфнер // ЮНЕСКО. Цели, структуры, деятельность. Хроника, цифры, факты. – М. : Рудомино, 2002. – 398 с.

4. Уранов, Г. В. ЮНЕСКО – 40 лет / Г. В. Уранов, Н. М. Канаев. – М. : Знание, 1986. – 64 с.

5. Киселев, К. В. Записки советского дипломата [Электронный ресурс] / К. В. Киселев. – М. : Политиздат, 1974. – 526 с. – Режим доступа: http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000007/index.shtml. – Дата доступа: 29.01.2021.

К содержанию

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 61(091)(476)+390(476)

Г. А. БУРКО
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. Ю. Бодак, канд. ист. наук, доцент

БОЕВОЙ ПУТЬ ЕВГЕНИУША ГОРБАЧЕВСКОГО, ЛЕТЧИКА-ИСТРЕБИТЕЛЯ КОРОЛЕВСКИХ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Статья посвящена польскому военному летчику Евгениушу Горбачевскому, биография которого связана с г. Брестом. Он служил в польских авиачастях в составе Королевских военно-воздушных сил Великобритании до 1944 г.

После Рижского мирного договора 1921 г. территория современной Беларуси делилась на две части. Неудивительно, что уроженцы Беларуси служили не только в советских, но и в польских вооруженных силах, в том числе и ВВС. Летчики польских ВВС после оккупации страны в 1939 г. обрели славу во время битвы за Британию и в дальнейшем подтверждали свой класс в остальных театрах военных действий. Каждый из этих пилотов был уникален в своем роде. Но есть один пилот, судьба которого тесно связана с городом над Бугом. Имя его – Евгениуш Горбачевский.

Евгениуш Горбачевский родился 28 сентября 1917 г. в Киеве (родители Витольд и Анна (девичья фамилия Козловская)). После обретения Польшей независимости Горбачевские переехали в Брест-над-Бугом. Там же юный Евгениуш окончил общеобразовательную школу и государственную гимназию имени Ромуальда Траугутта (сегодня это старый корпус БрГУ имени А. С. Пушкина). Будучи подростком, он получил квалификацию летчика-планера категорий «А» и «В» в местной школе ЛОПП, а летом 1935 г. – в категории «С». Позже он закончил курс моторного пилотажа в школе ЛОПП в Александровицах в Тешинской Силезии. Интерес к авиации побудил его после окончания школы поступить в школу подхорунжих авиации. Прежде чем приступить к учению в Демблине, он прошел обязательный унитарный курс в 79-м пехотном полку в Слониме [1].

В первые дни Второй мировой войны был произведен в подпоручики со старшинством 1 сентября 1939 г. и вместе с остальными учениками СПЛ эвакуирован в сторону румынской границы. После ее пересечения он попал в лагерь для интернированных в селе Крайова. Он быстро выбрался на свободу и на поезде бежал в Белград. Там помощь ему оказало посольство Польши – он получил средства на поездку в Афины. В столице

Греции он сел на польский рудоуглеродный корабль «Оксиви», на котором через Мальту доплыл до Марселя. После ожидания во Франции боевого назначения и поражения союзника он вновь сел на корабль («Арандора Стар» в Сен-Жан-де-Люз) и 24 июня отплыл в Англию [1].

В боевую часть Евгениуш Горбачевский попал более чем через год – после предварительной подготовки. 21 августа 1941 г. он был назначен лейтенантом в 303-ю истребительную эскадрилью имени Тадеуша Костюшко, оснащенную истребителями Supermarine Spitfire Mk II. За время пребывания в этой эскадрилье Евгениуш сбил два Focke-Wulf Fw 190 и два Messerschmitt Bf 109, один из них предположительно [2].

В начале 1943 г., когда формировалась Польская боевая команда, Е. Горбачевский с разрешения командира 303-й эскадрильи выдвинул свою кандидатуру выйти из части. 24 февраля 1943 г. вместе с остальными польскими летчиками отплыл в Оран. Уже в Африке польских летчиков включили в качестве эскадрильи «C» в 145-ю эскадрилью RAF, оснащенную Spitfire Mk V (с 18 марта – Spitfire Mk IX). 28 марта 1943 г. во время патрулирования над селом Сфакс поляки столкнулись с формированием шести Junkers Ju 88, сопровождаемых около 10 Bf 109. Евгениуш Горбачевский и капитан Станислав Скальский атаковали немцев, используя превосходство в высоте и сбили двух Ju 88. Это были первые две победы Польской боевой команды. Через несколько дней, 2 апреля, Горбачевский сбил один Bf 109. 6 апреля во время сопровождения бомбардировщиков он был отделен от остальных поляков и в одиночку сражался с несколькими Bf 109. Ему удалось сбить одного «немца», но сам он тоже был поражен, и его Spitfire загорелся. Пилот открыл кабину, чтобы выпрыгнуть на парашюте, но в этот момент пламя погасло. Поскольку двигатель все еще тянул, Е. Горбачевский долетел до занятого американцами Габеса, где посадил благополучно поврежденный самолет. В аэропорт Польской боевой команды вернулся только на следующий день, вызвав всеобщее изумление, так как все считали его погибшим. Во время боя сам пилот не пострадал, поэтому продолжил полеты. 22 апреля он увеличил свой счет на два сбитых Bf 109 [3].

После окончания войны в Африке польским летчикам были предложены командные должности в британских эскадронах, дислоцированных в районе Средиземного моря. Большинство поляков предпочли вернуться в Англию, но трое из них согласились на предложение англичан. С мая 1943 г. Е. Горбачевский летал командиром 43-й эскадрильи RAF, дислоцированной на Мальте. В августе, заменив сквадрон-лидера Майкла Рука, принял командование этим подразделением (он был одним из трех поляков, получивших честь командовать английской эскадрой). Вместе с эскадрильей он прошел боевой путь через Мальту и Сицилию в Италию.

27 июля 1943 г. вместе с двумя британцами, пилот-офицером Ридом и флайт-сержантом Джонсоном, он сбил один Bf 109. Летчикам было присуждено по 1/3 победы, но Е. Горбачевский отказался от своей части и в конце концов был причислен к сбитому только Риду и Джонсону. В течение сентября он смог сбить один Bf 109, два Fw 190 и повредить еще один Fw 190. В октябре 1943 г. Горбачевский покинул 43-ю эскадру и вернулся в Англию [4]. В Англии его ждало повышение в капитаны и командование польской эскадрой: 16 февраля 1944 г. ему была доверена 315-я «Демблинская» истребительная эскадрилья. «Демблинцы» тогда летали на Spitfire IX, но уже 26 марта 1944 г. получили North American Mustang III. Во время одного из первых действий на Mustang, 29 марта, Горбачевский был слегка ранен, когда его самолет получил повреждение от огня противовоздушной обороны. 12 июня 1944 г. он повел над Францией четыре самолета. Летчики встретили семь Fw 190 и вели с ними короткий бой, в результате которого на землю упали четверо «немцев» – один был сбит Евгениушем Горбачевским.

Летом 1944 г. главной задачей 315-й эскадрильи была охота на управляемые ракеты V-1. Е. Горбачевский также часто летал на патрулях «антидайвера» и дважды самостоятельно сбивал управляемую ракету вместе с другим пилотом. 315-я эскадрилья вне боя с V-1 почти не выполняла боевых задач. Одним из немногих исключений был эскорт самолетов Bristol Beaufighter над Листером (Норвегия) 23 июля. У моря недалеко от берега шесть польских Mustang III вели бой с немецкими истребителями Bf 109 и Fw 190. Е. Горбачевский сбил один Bf 109 самостоятельно, а второй сильно повредил. В этот момент в дело вступил лейтенант Божидар Новосельский и добил «немца» (обоим пилотам было присуждено по 1/2 победы).

18 августа эскадра снова получила задание, отличное от патрулей против V-1, обозначенное как «Родео 385». В 7.30 одиннадцать пилотов под его руководством вылетели из Бренцета, чтобы совершить свободное развертывание по маршруту Ле-Туке – Кормей – Ромийи. Над городом Бове взводный Слонь доложил по рации, что видит низколетящих Фокке-Вульфов, только что взлетевших с ближайшего аэродрома. Горбачевский не ответил (вероятно, причиной этому стало сломанное радио), поэтому лейтенант Генрих Петржак отдал приказ атаковать. Первым напал Горбачевский, который понял наконец, что происходит. На глазах у пилотов своей секции он сбил последовательно три Fw 190. Позже летчики рассеялись и потеряли командира из виду. В результате ожесточенного боя девять летчиков сообщили о сбитии шестнадцати Fw 190 подтвержденных, одном вероятно сбитом и повреждении трех. Единственной потерей,

которую понесла эскадра, был Евгениуш Горбачевский, не вернувшийся в Англию.

За время боя никто из пилотов не заметил, что случилось с командиром. После возвращения поляков в Бренцет Е. Горбачевского внесли в список пропавших без вести, ибо считалось, что он мог совершить вынужденную посадку или прыгнуть с парашютом и попасть в плен. Конец войны также не принес объяснения загадке исчезновения Е. Горбачевского. Только спустя три года после исчезновения недалеко от деревни Вален был обнаружен глубоко воткнутый в землю Mustang III с телом пилота. На основании личных вещей его опознали как капитана Евгениуша Горбачевского, погибшего 18 августа 1944 г. [5]. Тело было эксгумировано комиссией 3 марта 1947 г. и перенесено на муниципальное кладбище в Крейле.

Во время Второй мировой войны Евгениуш Горбачевский был награжден золотым крестом ордена «Virtuti Militari» (№ 61), серебряным крестом военного ордена «Virtuti Militari» (№ 9478), четыре раза «Крестом Храбрых» и британскими орденом «За выдающиеся заслуги» и дважды крестом «За выдающиеся летные заслуги» [1].

Таким образом, уроженцы Брестчины участвовали в событиях Второй мировой войны на стороне сил антигитлеровской коалиции с «западной» стороны. Вот так сложилась судьба очередного польского летчика.

Список использованной литературы

1. Zmyślony, W. Eugeniusz Horbaczewski [Электронный ресурс] / W. Zmyślony. – Режим доступа: http://polishairforce.pl/ horbaczewski.html. – Дата доступа: 23.01.2020.
2. Cynk, J. B. The Polish Air Force at War: The Official History, 1939–1943 / J. B. Cynk. – Atglen, Pennsylvania : Schiffer Publishing, 1998.
3. Arct, B. Cyrk Skalskiego / B. Arct. – Warsawa : MON, 1970.
4. Cynk, J. B. Polskie Siły Powietrzne w wojnie 1941–1945 / J. B. Cynk. – Gdańsk : AJ-Press, 2002.
5. Matusiak, W. 315 Squadron / W. Matusiak, R. Gretzyngier, P. Wiśniewski. – Redbourn, UK : Mushroom Model publications, 2004.

К содержанию

УДК 94(52)

А. В. ГУЦЕВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. Ю. Бодак, канд. ист. наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПСИХОЛОГИИ САМУРАЯ

В статье рассматривается этика японских самураев. Автор анализирует различные религиозные аспекты этики и учения дзен. Данное учение в значительной степени определяло психологию японского самурая. Зарождение дзенского начала в японской культуре происходит с проникновением в Японию буддизма.

Для того чтобы достигнуть «просветления», в дзен-буддизме существует практика коан (на кит. яз. гунъанъ), что буквально означает ‘высказывание’, ‘сказанное вслух’. Как способ приобретения «пробуждения» оно возникло в Китае, а затем проникло в Японию. Суть метода коан заключается в том, чтобы в течение нескольких часов ученик пребывал в состоянии мысленного и эмоционального напряжения. Для того чтобы не потерять свое состояние, ученик произносил постоянно фразу «му». А тем временем наставник вел непрерывную беседу с учеником. Ученик отвечал путем жестов. Целью этой медитации было вывести на истинный путь ученика, в результате чего тот становился «пробужденным», свободным, в буквальном смысле «парящим как птица». После «пробужденный» испытывал радость, гармонию с космосом внутри себя. Но происходило это при одном условии: ученик должен был сам вести себя к этому пути, то есть к нему стремиться, желать и стараться, а учитель только направлял его на этот путь [1].

Дзен-буддизм не только стал основой для японца при обучении боевым искусствам, но и сформировал определенную психологию и свод правил поведения (мораль), ценностей для истинного самурая, которые были закреплены в кодексе моральных установок – бусидо. Воинов, которых власть императора удерживала для собственной защиты, именовали «буси». Они принадлежали к высшим слоям общества. В Японии необходимыми составляющими облика самурая являются два начала – ученость (например, чтение умных книг и трактатов) и военное искусство. Самураи со всей серьезностью относились к своему высокому предназначению. Отличительный атрибут самурая – это его усы. На Востоке существовала традиция: если воин погибал в бою, то противник, дабы удостовериться, что тот не является женщиной, отрезал усы с носом. Данный атрибут был показателем мужественности самурая [1–3].

Одним из составляющих правил бусидо является верность господину, клану и семье. В воспитании самурая преобладало сильное

чувство привязанности к семье и верности традиции, в особенности среди высших сословий. Во всем господствовал китайский дух поклонения предкам. Семья, а вместе с ней и ее роль в обществе, род занятий и др., считались священным наследием, что заставляло сына – особенно старшего – идти по стопам отца. С самого раннего детства мальчика и девочку отделяли, распределяя в разные части дома. Воспитанием мальчика занимались исключительно мужчины. В нем поощряли смелость и отважность. В младенчестве ему не рассказывали страшных сказок, так как считалось, что таким образом рождались страх и неуверенность. Его воспитывали хорошим манерам, вежливости и уважению в общении со старшими по возрасту и с высшими по рангу. С пятнадцати лет всех мальчиков из самурайских семей в обязательном порядке периодически водили смотреть казни. Процесс казни осуществлял палач, которого называли кайсяку. На казни мальчику предоставлялась возможность поучаствовать (т. е. стать кайсяку) для того, чтобы отсечь чувство сострадания, жалости, страха, нерешительности. Считалось, что именно эти качества выражают трусость и мешают воину следовать Пути бусидо. Если здесь проявить смелость, то и в бою будет легче. Также обучали правильно ступать ногой при ходьбе, что показывало особое положение самурая в обществе. В отношении воспитательных методов родители должны руководствоваться принципом умеренности, равновесия по отношению к мальчику и девочке. Только лишь в крайнем случае (тотального непослушания) родители могли прибегнуть к жестким методам (лишению полноценного рациона пищи, предварительно посадив ребенка в изолированное от внешнего мира помещение и давая изредка хлеб и воду) [2; 3].

Самураю следовало вести себя почтительно с вышестоящими и не допускать пренебрежительности и надменности по отношению к нижестоящим. Опоздавшего человека необходимо выслушать, так как, согласно японскому обычаю, он хочет донести причину своего опоздания. Спрашивать тогда заранее, зная ответ на вопрос, считалось вежливостью, а спрашивать, не зная, – необходимостью. Лучше всего было оставаться сдержанным и немногословным, ибо слова часто приводят к ссорам. Доказывая свою правоту и настаивая на своем решении во время затяжного спора на повышенных тонах, самураю разрешалось перекричать собеседника. Говорить можно было лишь тогда, когда это являлось необходимостью. Лицо воина должно было быть ясным, излучать состояние гармонии внутри него. Для этого давали совет: «Неплохо было бы всегда иметь при себе румяна на тот случай, если у тебя бледное лицо, когда ты слишком много выпил или не выспался» [2, с. 132]. Во время болезни самурай должен был проявить мужественность и терпение, не стонать при болях. Самурай, если его оскорбляли (и/или высмеивали),

задевая таким образом честь, должен был взяться за меч и убить негодяя. При определенных обстоятельствах самурай просто обязан был отомстить за смерть одного из членов семьи, дабы спасти свою честь и честь рода. Если он не делал этого, то мог утратить свое высокое звание и навлечь позор на семью. Поэтому он имел тогда право вполне легально преследовать человека, нанесшего ему обиду. В отношении ведения диалога, например, существовало следующее изречение Цунэтомо: «Если нужно что-то сказать, говори без промедления. Если ты будешь говорить позже, люди подумают, что ты оправдываешься. Более того, иногда нужно ошеломить собеседника своей речью. В дополнение к уместно сказанному слову, ты одержишь высшую победу, если сможешь научить своего собеседника чему-то полезному для него. Так нужно действовать на Пути» [2, с. 200]. Каждую ночь самурай должен был засыпать с мыслями о том, как его пронзают лезвием меча (мечей), протыкают тысячью стрел и т. п. То есть, в нашем понимании, подлинный самурай жил так, как будто бы он был уже мертв [2; 3].

Честь и гордость стояли на первом месте в личных качествах самурая, которые невозможно не обойти стороной. Как мы видим, в японской культуре дзен-буддизм нес идею отсутствия понятий «жизнь» и «смерть». Поэтому обязательной задачей самурая было «просвещение» себя, то есть постижение философии смерти. Таким образом, самурай должен был стать смелым, решительным, отважным в бою. Это объяснялось тем, что для него вышеуказанные понятия отсутствовали. Он должен был думать о смерти (в нашем понимании мироустройства) каждую секунду в мирное и военное время, а также о том, чтобы не опозорить себя, семью, господина и клан. Считалось, что, если человек имел представление о жизни и о смерти в бою, на татами (в обучении боевым искусствам), в поединке за честь и справедливость (в мирное время), он начинает сомневаться в своем решении. «Решайся, а решившись – не думай!» – так гласит японская мудрость. Подлинный самурай должен был принять решение в течение «7 вздохов». Самурай, который принимал решение довольно долго, не мог считаться самураем, так как он сомневался, а значит не был уверенным [2; 3].

Достойная смерть могла быть только в трех случаях: гибель в бою, болезнь или от сэппуку. Борьба за честь и справедливость у самураев занимала особое место в их жизни. Считалось, что бороться в одиночку было глупой затеей, так как это затрачивает силы и зачастую бесполезно. Присутствие сильных коллективных отношений предписывало им прислушиваться к советам и мнениям других людей [2; 3].

В период сегуната Токугава церемония сэппуку становилась все более ритуалом, так как требовала соблюдения множества правил и

условностей. Для осужденного устраивался прощальный пир, на котором подносили его любимые блюда и который сопровождался неторопливой, дружеской беседой. Каждый участник церемонии должен был быть одет в официальное платье. На шею осужденного наносились три точки, обозначавшие место нанесения удара для кайсяку [1].

Для совершения сэппуку существовал официально принятый обряд. Приговоренного к смерти содержали в доме его господина под охраной. Обычно для сэппуку готовили комнату, иногда этим местом становился буддийский храм, мог быть сад, внутренний двор. В процессе участвовали осужденный (который перед этим принимал ванну и облачался в белую одежду как показатель его чистой души), чиновники и судья. Присутствовали в этом ритуале также официальные лица – свидетели, – и наконец, палач – кайсяку, который в заключительный момент отрубал осужденному голову. Роль последнего считалась очень важной. По правилам кайсяку становился опытный самурай, хорошо владевший мечом и имевший стальные нервы. Во время обряда рядом с кайсяку находился помощник для предотвращения возможных оплошностей со стороны первого. Логично, что обряд совершался один раз. Следовательно, попытка одна, поэтому ошибиться было нельзя [1].

Сэппуку отличается от обычного обезглавливания тем, что приговоренный к смерти сам убивает себя. Процесс вспарывания живота означал высвобождение души из тела. В определенных случаях кайсяку наносил смертельный удар сразу же, как только осужденный наклонялся за кинжалом. Им было позволено избегнуть ненужной боли (вспарывание живота сопровождается муками). Высшей честью считалось, если самурай не скривит во время процессии лица и не издаст ни единого звука [1].

Идеалом для самурая должна быть добровольная смерть. Только такая смерть позволяла человеку смыть нанесенное вышестоящему лицу оскорбление или преступление [1].

В качестве итога можно говорить о том, что японского мужчину воспитывали духовно-психологически, физически мудрым. Самурай должен был быть надежным, управляющим своими физическими возможностями, а также предельно милитаризирован в своем мироощущении. Самурай был человеком того периода развития японского общества, когда знали лишь один метод в искусстве государственного управления для решения насущных внутренних (публичная политика) и внешних (дипломатия) политических вопросов – это силовой метод. Методы подчинения и управления были созданы общественным сознанием для большинства (народа) организованным меньшинством (сегунатом). Способы организации общества и его политического пространства в жестких природно-климатические условиях Японских островов заставляли

людей консолидироваться. Это были естественно выработавшиеся традиции и особенности быта японцев, которые способствовали развитию своеобразной японской психологии.

Список использованной литературы

1. Уинстон, Л. К. Дзен и путь меча. Опыт постижения психологии самурая / Л. К. Уинстон. – СПб. : Евразия, 2002. – 320 с.

2. Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ. Книга самурая / пер. А. Боченкова. – СПб. : Северо-Запад Пресс, 2003. – 180 с.

3. Котенко, Р. В. Юдзан Дайдодзи, Будосёсинсю. Самураи. Путь воли и меча : пер. на рус. яз. / Р. В. Котенко, А. А. Мищенко, А. А. Петров. – М. : АСТ, 2018. – 416 с.

К содержанию

УДК 94(520)

П. Ю. ЗЯЛЕВІЧ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Г. І. Пасохіна, канд. гіст. навук, дацэнт

ПАПЯРЭДНІКІ СУЧАСНЫХ ЯКУДЗА – ТЭКІЯ І БАКУТА

У артыкуле аналізуецца ўзнікненне і развіццё папярэднікаў сучасных якудза – груповак тэкія і бакута. Тэкія і бакута ўзніклі ў XVIII ст. І тыя, і другія банды складаліся ў асноўным з бедных людзей, якія не знайшлі сабе месца ў японскім грамадстве. Яны стваралі “сямейныя” арганізацыі. Аўтар апісвае таксама ўзнікненне ў першых групоўках традыцый і звычаяў, што сталі ў выніку неад’емнай часткай жыцця якудза на працягу ўсёй гісторыі існавання японскай мафіі. Таксама расказваецца пра сацыяльны склад і сферу дзейнасці папярэднікаў сучасных японскіх арганізаваных злачынных груповак. Развіццё бакута і тэкія, прытрымліванне традыцый і звычаяў абумовілі сучасны выгляд японскай мафіі як неад’емнага сацыяльнага інстытута японскага капіталістычнага ладу.

На пачатку XVII ст. увагу мясцовых уладаў у Японіі сталі прыцягваць мацi-яка, так званыя гарадскія рыцары. Мацi-яка былі прафесіяналамі ў галіне азартных гульняў, а ў іх арганізацыі можна прасачыць рысы, падобныя з арганізацыяй якудза. “Гарадскія рыцары” сталі сапраўднымі легендамі сярод жыхароў Эда, таму нядзіўна тое, што якудза выбралі менавіта мацi-яка як сваіх духоўных папярэднікаў [6, с. 89].

Легенды і традыцыі мацi-яка былі ў XVIII ст. перанятыя наступным пакаленнем “высакародных рыцараў”, у ліку якіх былі пажарныя,

паліцыянты, лідары працоўных аб'яднанняў і барцы сумо. Менавіта яны ў цяперашні момант лічацца сапраўднымі папярэднікамі сучасных якудза – бакута, або азартныя гульцы, і тэкія, або вулічныя гандляры. І тыя, і другія банды складаліся ў асноўным з бедных людзей, якія не знайшлі сабе месца ў японскім грамадстве. Аднак кожная з груповак кантралявала строга вызначаную сферу дзейнасці, і часам яны маглі мірна суіснаваць на адной тэрыторыі: бакута аддавалі перавагу размяшчэнню ўздоўж ажыўлёных дарог і ў гарадах, а тэкія – паблізу растучых рынкаў і кірмашоў [7].

Яны стваралі "сямейныя" арганізацыі з "хросным бацькам" на чале і новымі ўдзельнікамі, якія прымаліся ў "сям'ю" ў якасці "старэйшых братоў", "малодшых братоў" і "дзяцей". Менавіта бакута і тэкія дадалі ў гэтую структуру ўнікальны тып адносін, уласцівы толькі Японіі, – сістэму "аябун-кобун", назву якой даслоўна можна перавесці як 'бацька і сын'. Аябун (верхавод, бос) дапамагаў парадай і прадастаўляў абарону, а ўзамен атрымліваў ад кобун (паслядоўнікаў) непахісную вернасць і службу, калі б яна ні спатрэбілася. У японскім феадальным грамадстве XVIII ст. сістэма "аябун-кобун" часта служыла асновай узаемаадносін настаўніка і вучняў, спадара і слуг і, у рамках крымінальнага свету, – верхавода банды і яго паслядоўнікаў. Гэтая сістэма з'яўлялася адлюстраваннем традыцыйнай японскай сям'і, у якой бацьку належала пануючая роля, якая ўключала ў сябе права выбіраць будучых мужа і жонку, прафесію для сваіх дзяцей [6, с. 48].

Як і іншыя арганізаваныя злачынныя групоўкі, першыя якудза распрацавалі складаную цырымонію пасвячэння для новых удзельнікаў. Бакута і тэкія пачалі выкарыстоўваць цырымонію абмену кубкамі з сакэ, якая сімвалізавала іх кроўную сувязь. Акрамя таго, гэтыя рытуалы сімвалізавалі не толькі ўступленне ў саму групоўку, але і прызнанне часткай сістэмы "аябун-кобун". Цырымонія мела таксама і рэлігійнае значэнне, бо звычайна яна праводзілася перад храмам сінто, які з'яўляўся традыцыйнай нацыянальнай рэлігіяй японцаў. Колькасць сакэ ў кубку залежала ад статусу чалавека: калі, згодна са злачыннай іерархіяй, удзельнікі цырымоніі з'яўляліся роўнымі "братамі", кубкі напаўняліся аднолькава, а калі хто-небудзь з іх быў старэйшым "братам", а другі – малодшым, то першаму належыла 6/10 кубка, а другому – 4/10 [2, с. 85].

Існуе мноства тэорый адносна паходжання тэкія. Так, напрыклад, згодна з адной з іх тэкія з'яўляліся вандроўнымі гандлярамі, вандравалі ад аднаго прызамкавага горада да другога. Яны падарожнічалі паміж мясцовымі рынкамі і кірмашамі, дзе хітрасцю і падманам прадавалі няякасныя тавары і лекі "ад усіх хвароб" па завышанай цане. Аднак нельга сцвярджаць, што менавіта гэтыя гандляры пасля сталі збірацца ў групоўкі тэкія або, як іх называлі ў тыя часы, ясі, праз недастатковую колькасць даследаванняў, у якіх была б асветленая гісторыя ніжэйшых сацыяльных

слаёў. Нават этымалогія слова “ясі” не з’яўляецца да канца вывучанай [3, с. 93]. Але ясна тое, што да сярэдзіны XVIII ст. тэкія ўжо аб’ядноўваліся ў банды з мэтай атрымання большага прыбытку і сумеснага супрацьстаяння магчымым небяспекам. Арганізацыя ўнутры групоўкі ажыццяўлялася шляхам дзялення яе членаў на пяць (як правіла) рангаў: верхавод (аябун), намеснік верхавода, наглядчыкі, радавыя сябры банды і ненавучаныя пачаткоўцы. Дом верхавода з’яўляўся адначасова і штаб-кватэрай банды, і месцам трэніроўкі і навучання пачаткоўцаў, якія пераязджалі туды на час. Прайшоўшы навучанне, яны станавіліся сябрамі групоўкі, у чые абавязкі ўваходзіў непасрэдны гандаль і распаўсюджванне тавараў. Толькі калі яны маглі атрымаць добры прыбытак, іх афіцыйна аб’яўлялі паўнавартаснымі ўдзельнікамі банды. Вядома таксама пра існаванне “Трох запаведзяў тэкія” [3, с. 44]:

1. Не набліжацца да жонак іншых сяброў банды.
2. Не выдаваць сакрэтную інфармацыю аб групоўцы паліцыі.
3. Захоўваць вернасць сістэме “аябун-кобун”.

Верхавод не толькі кантраляваў сваіх падначаленых, але і сачыў за размеркаваннем тавараў і захоўваннем іх у наяўнасці, збіраў арэндную плату ў звычайных гандляроў, пры гэтым прысвойваючы сабе розніцу паміж той сумай, якую запытваў ён, і той, якую арандатары абавязаныя былі плаціць будысцкаму або сінтаісцкаму храму. Гандляры, якія адмаўляліся плаціць, маглі выявіць свае тавары выкрадзенымі, а часам нават падвяргаліся нападам з боку тэкія [4, с. 812].

Уплыў тэкія ўзмацніўся пасля таго, як у 1735–1740 гг. сёгунат афіцыйна прызнаў статус верхаводаў груповак і, з мэтай прадухілення выпадкаў буйнога махлярства, пачаў прызначэнне “наглядчыкаў” з ліку аябун, дараваў ім права кантраляваць вулічны гандаль у рамках пэўных раёнаў і тэрыторый. Ва ўмовах хуткага росту гарадоў і павелічэння гандлёвага абароту, будучы фактычна неабмежаванымі ў сваёй дзейнасці, тэкія збіралі новыя банды і пачалі арганізацыю ўласных кірмашоў.

Што тычыцца сацыяльнага складу груповак, варта адзначыць, што, акрамя маргіналаў і ізгояў, у ліку тэкія таксама прысутнічалі прадстаўнікі старажытнага японскага саслоўя – так званыя буракумін, якія з’яўляліся ў некаторай ступені японскім аналагам індыйскай касты “недатыкальных”. Буракумін складалі ў асноўным людзі, чыя праца была непасрэдна звязана з мёртвымі жывёламі, напрыклад гарбары ці прадстаўнікі “нячыстых” прафесій, такіх як абслугоўванне пахаванняў. Буракумін падвяргаліся дыскрымінацыі, іх часта называлі “эта” (апаганеныя) або “хінін” (нелюдзі) [5, с. 103]. Далучэнне да банд тэкія часам з’яўлялася адзінай магчымасцю для буракумін пакінуць месца іх нараджэння, дзе яны назаўжды засталіся б вядомыя як ізгоі.

Гісторыя бакута пачынаецца значна раней, вядома пра існаванне імператарскага ўказа, датаванага 689 г. н. э., які забараняў азартныя гульні, а таксама арганізаваныя групоўкі гульцоў у эпоху Камакура (1185–1392 гг.) [6, с. 93].

Ужо да пачатку эпохі Такугава (1600–1867 гг.) з'явіліся вядомыя арганізацыі бакута, хоць афіцыйна азартныя гульні былі строга забароненыя законам. Пазней урад распрацаваў прагматычную палітыку таемнай дапамогі найбольш уплывовым лідарам бакута для забеспячэння магчымасці маніпуляваць імі ў сваіх мэтах. У гэты ж час верхаводы бакута папоўнілі шэрагі паліцэйскай агентуры. Як і тэкія, першыя бакута распрацавалі сістэму правілаў, што ўключала ў сябе строгае захаванне сакрэтнасці, вернасць прынцыпам "аябун-кобун" і строгую ўнутраную іерархічную сістэму. З тымі, хто парушаў правілы, абыходзіліся вельмі жорстка – баязлівасць, непадпарадкаванне і разгалашэнне таямніцы лічыліся не толькі здрадай, але і ўдарам па рэпутацыі і гонару самой групоўкі. Не лічачы смяротнага пакарання, выключэнне з банды лічылася самай цяжкай формай пакарання. Пасля адхілення парушальніка аябун папярэджваў іншыя групоўкі бакута пра тое, што дадзены чалавек больш не з'яўляецца членам яго банды; існавала пагадненне, згодна з якім ізгой не мог уступіць у банды канкурэнтаў [2, с. 68].

За сур'ёзныя парушэнні, што не заслугоўваюць пры гэтым смяротнага пакарання ці выгнання, бакута ўвялі традыцыю юбіцумэ – рытуальнага адразання фалангі пальца, пачынаючы з апошняй фалангі мезенца, у знак адданасці клану і непасрэдна аябун. Юбіцумэ быў прызваны паступова аслабляць руку, тым самым пазбаўляючы магчымасці трымаць меч гэтак жа моцна і ўпэўнена, як раней, і робячы яго больш залежным ад аябун і яго абароны. Звычайна адрэзаную фалангу ўручалі аябун у знак прабачэння [5, с. 102].

Традыцыя юбіцумэ была пасля пераняртая тэкія і іншымі злачыннымі групоўкамі.

Іншая адметная рыса сучасных якудза – татуіроўкі – таксама атрымала сваю папулярнасць менавіта сярод бакута. Першапачаткова нанясенне татуіроўкі з'ўлялася пакараннем, якое ўлады выкарыстоўвалі для таго, каб "ізаляваць" злачынцаў ад астатняга грамадства; звычайна за кожнае ўчыненае злачынства было па адной татуіроўцы ў выглядзе чорнага кальца вакол пляча. Акрамя таго, існавалі яшчэ і больш традыцыйныя японскія татуіроўкі, якія прадстаўлялі сабой суцэльную кампазіцыю з малюнкаў знакамітых багоў, легендарных герояў, жывёл або кветак, часам займалі ўсё цела. Такія татуіроўкі сталі папулярнымі сярод бакута ў канцы XVII ст., сімвалізуючы мужнасць і цягавітасць, так як працэс іх нанясення быў вельмі доўгім, складаным і балючым. З іншага боку, такія татуіроўкі

станавіліся для якудза своеасаблівым “таўром”, што назаўжды аддзяляе іх ад астатняга японскага грамадства. Як і ў выпадку з юбіцумэ, нанясенне татуіровак таксама было перанята іншымі злачыннымі групоўкамі [3, с. 88].

Бакута вартыя ўвагі не толькі як заснавальнікі вышэйзгаданых традыцый якудза, але і як першыя злачынныя групоўкі, афіцыйна прызнаныя японскімі ўладамі і якія пачалі супрацоўніцтва з імі. Бакута былі карысныя ўладам тым, што вярталі ім грошы, якія выплачваюцца ў якасці жалавання нанятым імі рабочым. З’яўляючыся прафесіяналамі ў галіне азартных гульняў, бакута выігрывалі ў рабочых гэтыя сродкі і вярталі іх уладам, атрымліваючы пэўны працэнт у якасці ўзнагароды за сваю працу [1, с. 95].

Спецыялісты сцвярджаюць, што сёння якудза ўяўляе сабой неад’емнны інстытут японскага капіталістычнага ладу. Яе станаўленне абумоўлена далёкім мінулым, калі ўзніклі папярэднікі арганізацыі – бакута і тэкія, якія на працягу свайго развіцця ўвабралі і выпрацавалі розныя звычаі, асаблівасці цырыманіялу, спосабы адносін з уладамі, якія сталі традыцыйнымі і прасочваюцца ў нашы дні. Японская паліцыя дагэтуль класіфікуе розныя групоўкі якудза па іх прыналежнасці або да тэкія, або да бакута.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Баландин, А. В. Финансовые группы Японии / А. В. Баландин // Банк. дело. – 2007. – № 11. – С. 94–99.

2. Дискуссионные проблемы японской истории : сб. ст. / АН СССР, Ин-т востоковедения ; отв. ред. и авт. предисл. А. Е. Жуков. – М. : Наука, 1991. – 175 с.

3. Caplan, D. E. Yakuza: Japan’s Criminal Underworld / D. E. Caplan, A. Dubro. – Los Angeles : University of California Press, 2003. – 422 p.

4. Reilly Jr., E. F. Criminalizing Yakuza Membership: A Comparative Study of the Anti-Boryokudan Law / E. F. Reilly Jr. // Washington University Global Studies Law Review. – 2014. – Vol. 13, is. 4. – P. 801–829.

5. Lewis, M. J. Rioters and Citizens: Mass Protest in Imperial Japan / M. J. Lewis. – Los Angeles : University of California Press, 1990. – 314 p.

6. Цветов, В. Я. Мафия по-японски / В. Я. Цветов. – М. : Политиздат, 1985. – 88 с.

7. В Японии количество членов якудза снижается 14 лет подряд [Электронный ресурс] // Nippon.com. – Рэжым доступу: https://www.nippon.com/ru/behind/yjj2018041200518/. – Дата доступу: 27.03.2021.

К содержанию

УДК 323.111:321.01(575.4+5-191.2)

П. Ю. ЗЯЛЕВІЧ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Т. М. Мілач, канд. гіст. навук, дацэнт

ТУРКМЕНІСТАН І НАЦЫЯНАЛЬНА-ТЭРЫТАРЫЯЛЬНАЕ РАЗМЕЖАВАННЕ Ў ЦЭНТРАЛЬНАЙ АЗІІ ПАЧАТКУ 1920-Х ГГ.

У артыкуле аналізуецца працэс размежавання ў Цэнтральнай Азіі ў 1920-я гг. Гэтае размежаванне праводзілася на аснове нацыянальнасці альбо этнічнай прыналежнасці жыхароў. Аўтар апісвае ўсталяванне дзяржаўных меж, заснаванае на прынцыпе нацыянальнага размежавання. Гэта быў яскравы прыклад стварэння нацыянальнай дзяржавы мірным шляхам. Рэформы паўплывалі на развіццё народа Туркменістана і далі туркменам магчымасць атрымаць сваю дзяржаўнасць.

Цэнтральнаазіяцкі рэгіён часта называюць “Еўразійскімі Балканамі”. Гэта тэрыторыя праблемная па сваім нацыянальным складзе і з’яўляецца сукупнасцю патэнцыяльных нацыянальна-тэрытарыяльных супярэчнасцей паміж народамі і рэспублікамі пасля распаду СССР у 1991 г. Туркменістану ў дадзенай сітуацыі давялося без сур’ёзных сутыкненняў на нацыянальнай глебе ўнутры краіны і тэрытарыяльных прэтэнзій звонку мірна ступіць у новае тысячагоддзе.

Туркменія – афіцыйная назва Туркменістан – дзяржава ў Цэнтральнай Азіі. Мяжуе з Афганістанам і Іранам на поўдні, з Казахстанам і Узбекістанам на поўначы, абмываецца Каспійскім морам на захадзе, выхаду да Сусветнага акіяна не мае. Незалежнасць краіны была абвешчана 27 кастрычніка 1991 г. Што ж абумовіла дзяржаўнасць, незалежнасць і сучасныя межы гэтай краіны? Карані гэтых набыткаў туркменскага народа, якія робяць Туркменістан паўнавартасным суб’ектам міжнароднага права, сягаюць у сярэдзіну 20-х гг. XX ст., калі быў закладзены падмурак сучаснай нацыянальнай дзяржаўнасці цэнтральнаазіяцкіх рэспублік.

Нацыянальна-дзяржаўнае размежаванне савецкіх рэспублік Цэнтральнай Азіі – тэрытарыяльна-дзяржаўныя пераўтварэнні 1924–1925 гг., ажыццёўленыя савецкай дзяржавай на аснове свабоднага волевыяўлення народаў Цэнтральнай Азіі і нацыянальнай палітыкі, якая праводзілася камуністычнай партыяй; адзін з этапаў будаўніцтва саюзнай савецкай сацыялістычнай дзяржавы. Стварэнне савецкай нацыянальнай дзяржаўнасці народаў Цэнтральнай Азіі пачалося з перамогай Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. Аднак шэраг аб’ектыўных прычын (эканамічная і культурная адсталасць краю, складанасць нацыянальных адносін, якія засталіся ў спадчыну ад царызму, барацьба з басмацтвам, супраціў мясцовых нацыяналістаў і інш.) некалькі затармазіў гэты працэс [4].

У мэжах рэалізацыі сваёй нацыянальнай палітыкі бальшавікам давялося першапачаткова падзяліць насельніцтва Туркестана на кіргізаў, узбекаў і туркменаў, каб стварыць для іх адпаведныя "суверэнныя" рэспублікі. Для легітымацыі сваіх «каласальных нацыянальных пераўтварэнняў» ім была неабходна група навукоўцаў, гатовых стварыць адзіную афіцыйную наменклатуру "карэнных народаў" Цэнтральнай Азіі і пазбавіцца ад дзясяткаў этнаграфічных груп. Такая праца была ўскладзена на спецыяльную камісію па вывучэнні племяннога складу насельніцтва Расіі і сумежных краін, што дзейнічала пры Расійскай акадэміі навук [3].

Адным з членаў гэтай камісіі быў вядомы ўсходазнаўца І. І. Зарубін. Ім і яго калегамі была праведзена вялікая праца па пераўтварэнні "карэннага насельніцтва" Цэнтральнай Азіі ў "туркменаў", "кіргізаў" і "ўзбекаў" [4]. Галоўным арганізатарам і ідэолагам гэтай кампаніі было Сярэднеазіяцкае бюро ЦК ВКП (б), або Сярэдазбюро ЦК ВКП (б), – вярхоўны орган ЦК ВКП (б) у Цэнтральнай Азіі. Бюро актыўна функцыянавала з 19 мая 1922 па 2 кастрычніка 1934 г. Асноўнай функцыяй было стварэнне і кіраўніцтва кампартыямі Туркестанскай АССР, Бухарскай і Харэзмскай народных савецкіх рэспублік, а пасля ўтварэння ў 1924 г. Узбекскай ССР, Туркменскай ССР, Таджыкскай АССР і Кіргізскай (Казахскай) ССР – партыйнае і дзяржаўнае будаўніцтва ў гэтых рэспубліках [2].

У 1917 г. тэрыторыя Туркменіі ўваходзіла ў склад Закаспійскай вобласці і Бухарскага эмірату. 30 красавіка 1918 г. на 5 Краёвым з'ездзе Саветаў (Ташкент, 20 красавіка – 1 мая) была абвешчана Туркестанская Савецкая Федэратыўная Рэспубліка. У дакументах з'езда было напісана: "Туркестанская Савецкая Федэратыўная Рэспубліка, кіруючыся аўтаномна, прызнае і каардынуе свае дзеянні з цэнтральным урадам Расійскай Савецкай Федэрацыі" [1]. У склад ТСФР увайшла тэрыторыя былога Туркестанскага краю, які ўключаў Закаспійскую, Самаркандскую, Сямірэчанскую, Сырдар'інскую і Ферганскую вобласці.

У ліпені 1918 г. у Закаспійскай вобласці пры падтрымцы англічан уладу захапілі эсэры і меншавікі. Сюды ўступілі англійскія войскі. Грамадзянская вайна і замежная інтэрвенцыя працягваліся каля паўтара года. У ліпені 1919 г. Чырвоная армія заняла Ашхабад, а ў лютым 1920 г. – Краснаводск. Англійскія войскі былі выгнаныя з Туркестана.

Туркмены масава пражывалі ў Туркменскай вобласці Туркестанскай АССР, на поўдні Бухарскай рэспублікі (Чарджуйская вобласць), у паўднёвай і паўднёва-заходняй частках (Туркменская і Ташаузская вобласці) Харэзмскай рэспублікі, былі ў меншай ступені, чым аселае насельніцтва, прадстаўленыя ў савецкіх органах улады і першымі выступілі ў Туркестанскай АССР з ініцыятывай стварэння асобных нацыянальных раёнаў у складзе рэспублікі ў 1921 г. [2].

Варта адзначыць, што яшчэ напярэдадні размежавання былі ўтвораны Таджыкская і Туркменская вобласці ў Бухарскай рэспубліцы, а таксама Туркменская вобласць у Туркестанскай АССР. Быў праведзены адміністрацыйны падзел Харэзмскай рэспублікі, і былі створаны ў 1921 г. вобласці з перавагай у кожнай з іх той ці іншай нацыянальнасці – туркменаў, узбекаў, каракалпакаў [6].

11 мая 1924 г. Сярэднеазіяцкае бюро ЦК РКП(б) палічыла неабходным утварыць Туркменскую рэспубліку на правах незалежнай савецкай сацыялістычнай рэспублікі. На працягу лета 1924 г. над справай нацыянальнага размежавання Цэнтральнай Азіі працаваў шэраг камісій. Да восені папярэдняя распрацоўка пытання была скончана [3].

19 верасня 1924 г. Пяты Усебухарскі, а 29 верасня 1924 г. Пяты Усехарэзмскі курултай Саветаў выказалі "братэрскую згоду на ўваходжанне туркменскага народа Бухары ў склад будучай Туркменскай ССР". Трэцяй Надзвычайнай сесіяй ЦВК Туркестанскай АССР 15 верасня 1924 г. быў прыняты Закон аб правядзенні нацыянальна-дзяржаўнага размежавання Туркестанскай АССР [6]. У выніку яго на тэрыторыях ТАССР, Бухарскай і Харэзмскай сацыялістычных савецкіх рэспублік была ўтворана Туркменская савецкая сацыялістычная рэспубліка (27 кастрычніка 1924 г.), а ў лютым 1925 г. былі прынятыя Дэкларацыя аб утварэнні Туркменскай ССР і Пастанова аб добраахвотным уваходжанні яе ў склад СССР [7].

У Туркменскую ССР з Туркестанскай АССР увайшла тэрыторыя Туркменскай (былой Закаспійскай) вобласці ў ліку Палтарацкага, Мерўскага, Тэджэнскага і Краснаводскага раёнаў. З Харэзмскай рэспублікі – Ташаузская акруга; з Бухарскай рэспублікі – Чарджуйская, Керкінская акругі і Каліфскі туман Шырабадскага велаята (пастанова рэўкама Туркменскай ССР ад 4 снежня 1924 г.) [3].

Гэтая тэрыторыя размешчана паміж 35° 10' і 42° 45' паўночнай шыраты і 52° 45' і 66° 40' усходняй даўгаты (ад Грынвіча), займаючы плошчу ў 491,2 тыс. км^2. На захадзе Туркменістан абмываецца Каспійскім морам, на поўдні на працягу 1820 км мяжуе з Персіяй і Афганістанам, затым мяжа перасякае Амудар'ю за 22 км на ўсход ад Келіфа, далей мяжа ідзе ў паўночна-заходнім напрамку ўздоўж рэчышча Амудар'і, мяжуе з Узбекістанам і затым з Кара-Калпакскай аўтаномнай вобласцю Казахстана. На поўначы краіна мяжуе з Казахстанам. Мяжа маладой рэспублікі з іншымі цэнтральнаазіяцкімі ўтварэннямі пакуль не была праведзена. Галоўны горад Туркменістана – Ашхабад (Палтарацк) [4]. Рэспубліка першапачаткова падзялялася на акругі: Керкінскую, Ленінскую (пазней – Чарджуйскую), Мерўскую, Палтарацкую (пазней – Ашхабадскую) і Ташаузскую.

Тэрыторыя Цэнтральнай Азіі да нацыянальнага размежавання мела працягласць у 1 527 375 км². У выніку рэформы з Цэнтральнай Азіі вылучыліся Туркестанская Кіргізія з тэрыторыяй працягласцю ў 600 964 км² і Кара-Калпакія з тэрыторыяй у 103 349 км². Такім чынам, пасля размежавання Цэнтральная Азія мела тэрыторыю працягласцю ў 823 062 км². Туркменістану з гэтай плошчы дасталося 367 776 км², г. зн. 44 % [5].

Колькасць насельніцтва Цэнтральнай Азіі да размежавання складала 8 131 062 жыхары. Насельніцтва краіны туркменаў з гэтай лічбы складала 853 761 – гэта 10,5 %. Надзвычай істотнае значэнне мае размеркаванне насельніцтва на гарадское і сельскае ў кожным з новых дзяржаўных утварэнняў. У выніку рэформы ў маладой рэспубліцы гарадское насельніцтва складала 9,5 %, што кажа пра слабую ўрбанізацыю гэтай краіны [8].

Асновай эканомікі Цэнтральнай Азіі з'яўлялася сельская гаспадарка. Туркменія з'яўлялася вобласцю земляробча-жывёлагадоўчай [1]. У 1923–1924 гг. валавы даход ад сельскай гаспадаркі Цэнтральнай Азіі вызначаецца ў 454 738 тыс. руб. З гэтай сумы на краіну размяркоўвалася 28 220 тыс. руб., г. зн. 6,2 %. У Туркменіі было 13,6 % баваўнянай плошчы, 13,5 % ад агульнай плошчы садоў і вінаграднікаў. Параўнальна шмат мелася жывёліны – 1701 тыс. галоў, што складала 12,5 % ад усёй колькасці жывёліны ў Цэнтральнай Азіі, у сярэднім 10,2 галоў худобы на адну гаспадарку. Нарыхтоўкі воўны, гарбарнай сыравіны і кішак тут былі значныя. Вялікія масівы саксаула, што меліся на тэрыторыі краіны, не падвяргаліся яшчэ пакуль што распрацоўцы [7].

Нафтавыя радовішчы на востраве Чэлекен адышлі да новай савецкай рэспублікі. Усе віды паліўнай прамысловасці да нацыянальнага размежавання былі аб'яднаны ў адным прадпрыемстве – "Турктоптрэсце". Агульная вартасць гэтага прадпрыемства – 6114 тыс. руб. З гэтай сумы ў працэсе размежавання адышло да Туркменістана 1156 тыс. руб. Вялікую чыгуначную сетку мела новая краіна – 1364 вярсты. Аднак у Туркменіі чыгунка праходзіла па эканамічна менш развітых раёнах. З прычыны гэтага ў 1914 г. па той частцы сеткі, якая пралягае на тэрыторыі Узбекістана, было перавезена грузаў 109 678 тыс. пудоў, між тым як па чыгунках тагачаснага Туркменістана было перавезена за той час толькі 27 666 тыс. пудоў [5].

Бюджэт гэтай савецкай рэспублікі на першы год яе існавання быў складзены на суму 5,5 млн руб. Што ж датычыцца дзейнасці банкаў у маладых рэспубліках, то на 1 красавіка 1925 г. сетка цэнтральнаазіяцкіх крэдытных устаноў налічвала 55 філіялаў, з іх у Туркменістане знаходзілася 10. Паміж новымі рэспублікамі і абласцямі крэдытаванне ў красавіку – ліпені 1925 г. у крэдытным плане складала 12 % [3]. Агульная дзяржаўная маёмасная маса 75,3 млн руб., была размеркавана паміж новымі

рэспублікамі і абласцямі. У Туркменістане засталося 10,4 млн руб. – гэта 13,8 % ад агульнай сумы. На адну душу насельніцтва прыходзілася 13 руб., што паказвае сур'ёзныя намеры бальшавікоў падняць узровень жыцця, развіць эканоміку і падключыць гэтую краіну да эканамічных зносін з краінамі астатняга СССР [7].

Было захавана адзінае Упраўленне воднай гаспадаркі. Ірыгацыя, больш чым якая-небудзь іншая галіна гаспадаркі, патрабуе адзінства агульнага кіраўніцтва. Рэкі Цэнтральнай Азіі ўтвараюць тры галоўныя сістэмы: Амудар'ю, Сырдар'ю і Чу-Балхашскую сістэму. Амудар'я, за выключэннем Зераўшана, арашае Узбекістан і Туркменістан.

Правядзенне межаў абумовіла пытанне аб рэалізацыі прынцыпаў нацыянальна-палітычнага і эканамічнага функцыянавання дзяржавы. Нацыянальна-палітычны прынцып зыходзіў з нацыянальнага складу і пачатку адзінства тэрыторыі. Гэты прынцып браў за аснову перавагу той ці іншай нацыянальнасці, якая жыве кампактнай масай на дадзенай тэрыторыі, і выключаў магчымасць якіх-небудзь тэрытарыяльных перарываў. Эканамічны прынцып заключаўся ў правядзенні межаў такім чынам, каб прымаўся пад увагу кірунак эканамічнага прыцягнення, шляхі зносін, наяўнасць ірыгацыйных сістэм і г. д. З гэтых двух прынцыпаў у якасці асновы для размежавання быў узяты прынцып нацыянальна-палітычны, і толькі ў асобных выпадках рабіліся адступленні для прынцыпу эканамічнага. Акалічнасць гэтая прывяла да таго, што ў новых дзяржаўных утварэннях апынулася шмат агульных эканамічных інтарэсаў і задач. Аднак рэалізацыя абцяжарвалася цэлым шэрагам фактараў, якія патрабуюць кампрамісаў: стракатасцю нацыянальнага складу асобных тэрыторый, прыцягваннем тэрыторый да пэўных гандлёвых цэнтраў, шляхоў зносін, ірыгацыйных збудаванняў і г. д. Таму спробы змены "зверху" па этнапалітычным прынцыпе тэрытарыяльнай арганізацыі разбуралі сталыя гандлёва-эканамічныя ўзаемасувязі гэтага рэгіёна, паколькі яны былі закладзены яшчэ ў перыяд існавання папярэдніх дзяржаўных утварэнняў, накшталт Хівінскага ханства і Бухарскага эмірата, дзе ў незалежнасці ад межаў рассялення этнасаў існавалі свае агульныя эканамічныя цэнтры, у якіх перасякаліся гандлёва-гаспадарчыя сувязі народаў Цэнтральнай Азіі [4].

Нацыянальна-дзяржаўным размежаваннем туркменскаму народу была прадастаўлена магчымасць развівацца як нацыянальна-дзяржаўны этнас, быў зададзены істотны штуршок для мадэрнізацыі, падключэння да гаспадарчых сувязей новага дзяржаўна-палітычнага фарміравання – СССР, а таксама развіцця культуры. Усё гэта пасля распаду СССР зрабіла магчымым з'яўленне ў гэтым рэгіёне новай незалежнай дзяржавы на базе былой саюзнай рэспублікі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Положение о Туркестанской Советской Федеративной Республике, утвержденное V съездом советов Туркестанского края, 30 апреля 1918 года [Электронный ресурс] // Викитека. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki. – Дата доступа: 27.10.2020.

2. Ташенов, К. Т. Национально-государственное размежевание в Средней Азии и Казахстане / К. Т. Ташенов ; О-во по распространению полит. и науч. знаний КазССР. – Алма-Ата : [б. и.], 1960. – 39 с.

3. Варейкис, И Национально-государственное размежевание Средней Азии / И. Варейкис, И. Зеленский. – Ташкент : Сред.-Азиат. гос. изд-во, 1924. – 86 ст.

4. История Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик / ред. кол.: П. В. Волобуев [и др.]. – М. : Наука, 1971. – 253 с.

5. Масов, Р. История топорного разделения / Р. Масов. – Душанбе : Ирфон, 1991. – 189 с.

6. Турсунов, Х. Т. Коммунистические партии Туркестана, Бухары и Хорезма в период национально-государственного размежевания в Средней Азии / Х. Т. Турсунов ; Ин-т истории компартии при ЦК КП Узбекистана – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. – 84 с.

7. Немченко, М. А. Национальное размежевание Средней Азии / М. А. Немченко. – М. : Литиздат НИКД, 1925. – 28 с.

8. Ходжаев, Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии / Ф. Ходжаев. – 2-е изд., испр. и доп. – Ташкент : Гос. изд-во УаССР, 1932. – 190 с.

К содержанию

УДК 94(574) «1941/1945»

Е. А. КАЛИНИНА
Уральск, ЗКУ имени М. Утемисова
Научный руководитель – Т. З. Рысбеков, д-р ист. наук, профессор, почетный академик НАН РК

ТРУДОУСТРОЙСТВО ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТЫЛУ (НА ПРИМЕРЕ Г. УРАЛЬСКА)

В годы Великой Отечественной войны Западно-Казахстанская область стала одним из первых регионов, ощутивших огромный поток эвакуированных. Позже она стала прифронтовой зоной Сталинградской битвы. Только за первые месяцы войны

сюда прибыло около 40 тыс. человек. Местные власти повсеместно решали вопросы медицинского и социального обеспечения, жилья и трудоустройства. Эвакуированные обычно соглашались на любую работу, чтобы быть полезными для фронта и получать продуктовые карточки. На примере Западно-Казахстанской области можно оценить, насколько ценились трудовой стаж и знания эвакуированных, нередко им предлагали должности, аналогичные тем, что они занимали на родине, или более высокие. Местные специалисты учились у эвакуированных мастеров и наоборот, поскольку после полномасштабного оттока местных специалистов на фронт уже в первые месяцы войны ощущался огромный кадровый дефицит. Работа, жилье, пособия, мед- и соцобеспечение предоставлялись всем. И хотя эвакуация в Уральск потребовала огромных усилий со стороны местных властей, но она же стала причиной создания новых экономических баз.

На механическом заводе г. Уральска «Совхозреммаштреста» с 1941 г. трудились 18 человек, эвакуированных сюда из г. Орехова Запорожской области УССР. Все они были разного возраста, от 1895 года рождения, как Михаил Ильич Дейнега, беспартийный, с низким уровнем образования, ставший здесь на заводе слесарем, как Абрам Моисеевич Хомский, 1927 года рождения, член ВЛКСМ, также не имевший полного среднего образования, но ставший слесарем V разряда. Домохозяйки из г. Орехова, согласно этому списку – Александра Бондаренко, 1910 года рождения, и Цыля Борисовна Львова, 1897 года рождения, – работали агентом снабжения и охранником завода соответственно [1, с. 1, л. 2].

Директором хлебокомбината в Уральске во время войны утвердили Моисея Менделевича Дермана, 1900 года рождения, который до войны в Днепродзержинске занимал аналогичную должность – директора хлебозавода [1, с. 2]. В Уральской государственной областной типографии работали два человека: Иосиф Яковлевич Эльперин, 1895 года рождения, и София Ефимовна Бондоренко, 1892 года рождения. Первый, имевший опыт работы печатником в школе ФЗО, здесь стал переплетчиком, а вторая – домохозяйка из Запорожской области – стала сторожем [1, с. 4]. На Уральском мясокомбинате трудились двое эвакуированных из Украины: Моисей Заенчик, 1907 года рождения (в г. Запорожье Запорожской области, имея 5 классов образования, он трудился заведующим магазином) здесь стал агентом по снабжению. Александра Андреевна Носовцева, 1920 года рождения, имеющая средне-специальное образование и работавшая до войны на алюминиевом комбинате медсестрой, здесь стала работницей холодильных установок [1, с. 6]. На Уральском заводе литейного и лабораторного оборудования трудились на разных должностях – от уборщицы до токаря и товароведа – шесть человек из Днепропетровской и Запорожской областей [1, с. 8]. На овчинно-шубном заводе г. Уральска трудились пять эвакуированных из Днепропетровской области УССР, занимая разные должности – от пошивщицы и слесаря до молотобойца [1, с. 10].

На Переметном механическом заводе трудились три человека, эвакуированных из УССР. Все трое с начальным образованием заняли такие же должности, что и до войны у себя на родине. Так, Георгий Петрович Невинный (1895 года рождения, в г. Орехове Запорожской области трудился начальником литейного цеха на авторемонтном заводе) стал начальником литейного цеха, Иван Никанорович Харьковский (1912 года рождения, слесарь того же завода) был слесарем, Аристарх Иванович Холодный (1892 года рождения, трудившийся кузнецом в колхозе имени Красной армии села Очеретоватое Магдалиновского района Днепропетровской области) работал кузнецом [1, с. 11].

Евгений Иванович Сонин, эвакуированный в октябре 1941 г. из Товарковского района Тульской области, занимал должность директора промкомбината Джаныбекского района Западно-Казахстанской области и даже вынужден был просить ЦК КП(б)К в 1944 г. освободить его от должности и направить к прежнему месту работы, поскольку местный обком, к которому он обращался дважды, не выполнял его просьбы [1, с. 24–26].

В других архивных фондах находится немало подобных примеров. Так, Шая Иосифорович Дучинский (1904 года рождения, трудившийся председателем райпотребсоюза в г. Богуславе Киевской области) стал заместителем председателя Облисполкома в г. Уральске, Павел Дмитриевич Баранов (1891 года рождения, трудился заведующим Облпартархивом в г. Николаеве) стал архивариусом в ОК КПбК. Александр Петрович Чернявский, 1908 года рождения, до эвакуации работал в г. Сумы, в ОК КП(б)У заведующим сектором отдела пропаганды. В Уральске он также трудился в ОК КП(б)К. Эстер Шаевна Малинская, 1914 года рождения, до войны работала заведующей школьным отделом в редакции журнала «Пионервожатый» г. Киева. В Уральске она стала специальным корреспондентом в газете «Приуральская правда» (ныне газета «Приуралье»). Николай Ефимович Гегельский, историк из Авдеевки Сталинской области, устроился военруком в школе № 12 г. Уральска (ныне в пос. Деркул) [2, с. 130–131, 118]. А. А. Дубовик, 1902 года рождения, врач туберкулезного диспансера из г. Ворошиловограда, стал заведующим Казталовским райздравотделом [2, с. 160], а простой тракторист, эвакуированный из с. Шевченко Николаевской области УССР, Павел Семенович Мусатов стал председателем райсовета Осоавиахима [2, с. 107].

Как минимум 172 человека, прибывших из Украины, работали учителями в школах Западно-Казахстанской области [2, с. 195–204]. Учителя нередко занимали и более высокие должности. Так, Степан Ефимович Колодий (1909 года рождения, учитель Глобинского района Полтавской области УССР) в ЗКО стал директором клуба в райцентре

Каменского района [2, с. 71]. Александр Георгиевич Ковазов, 1911 года рождения, работавший в Украине оперуполномоченным транспортного отдела НКВД, стал оперуполномоченным районного отдела НКВД г. Уральска. Степанида Ефремовна Кулак, 1905 года рождения, работавшая мастером цеха № 4 в Киеве, в Уральске стала начальником цеха Горпромкомбината [2, с. 132]. Начальник пожарной охраны Плодозавода Копайградского района Винницкой области Лейзер Ихелевич Долтус, 1900 года рождения, в Уральске стал рабочим в УВСР № 25, а Иосиф Исакович Островский, 1907 года рождения, работавший в Днепродзержинске уполномоченным Аптекоуправления, стал управляющим Облаптекоуправлением. Полина Ильинична Медник, 1896 года рождения, заведующая детским домом из Харькова, стала воспитательницей в доме ребенка, а Клавдия Ивановна Рыжкова, 1906 года рождения, воспитательница из Харькова, трудилась в той же должности в детском доме имени Калинина [2, с. 132, л. 2]. Надзиратель из г. Прилуки Черниговской области Иван Васильевич Яковенко, 1915 года рождения, стал надзирателем тюрьмы в Уральске, а Дору Матвеевну Торбину, 1911 года рождения, до войны занимавшую должность начальника цеха у себя на родине в Сумской области, в Уральске назначили на должность мастера школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Моисей Вениаминович Лобков, 1911 года рождения, до войны был токарем кооперации инвалидов из Киева, в Уральске стал мастером-токарем школы № 30 [2, с. 134]. Борис Владимирович Остерников (1898 года рождения, механик Водтреста из г. Краматорска Донецкой области) стал директором кирпичного завода [2, с. 135, л. 2].

Ряды газеты «Приуральская правда» пополнили также Станислава Антоновна Лазарева, 1909 года рождения, из Николаева, имевшая опыт работы в газетах и журналах, Эсфирь Григорьевна Маклерович, 1911 года рождения, журналист с 8-летним стажем из г. Ворошиловграда [2, с. 136, л. 2].

ФЗО № 11 также пополнилась ценными украинскими кадрами. Так, слесарем-инструментальщиком этой школы стал Иван Петрович Гусаков, 1919 года рождения, из Самборского района Драгобычской области УССР, имевший к тому моменту 7-летний опыт в должности мастера, Макар Анисимович Лебедев, 1901 года рождения, жестянщик с 17-летним стажем из г. Рава-Русская Львовской области, Соцукевич Георгий Емельянович, 1909 года рождения, техник с 12-летним стажем из г. Львова, Никифор Миронович Бабенко, 1911 года рождения, слесарь из депо г. Харькова и Андрей Дмитриевич Левенец, 1895 года рождения, машинист с 12-летним стажем из Смоленского района Киевской области [2, с. 137]. Мариам Израилевна Цацкис (1912 года рождения, экономист-финансист из Киева)

стала начальником планового отдела Госпароходства Уральска [2, с. 138]. Борис Григорьевич Тульчинский (1906 года рождения, доцент с 10-летним стажем из Днепропетровска) стал заведующим кафедрой математики педагогического института, а Василия Антоновича Федорова (1899 года рождения, педагог с 14-летним стажем из Полтавы) назначили заместителем директора стройинститута г. Уральска [2, с. 138, л. 2]. Простой слесарь из г. Кременчуга Полтавской области стал мастером ремонтно-механического цеха кожевенного завода имени Землячки, эвакуированного в г. Уральск из Москвы [2, с. 139]. Технический руководитель Киевской валяльной фабрики № 2 из Киева Абрам Ноянович Мень, 1911 года рождения, занял аналогичную должность на фабрике «Красный Октябрь», а двое геодезистов из Киева – Александр Васильевич Заводовский и Мария Николаевна Мишнева (1902 и 1905 годов рождения соответственно) – пополнили ряды сотрудников Южного аэрогеодезического предприятия в г. Уральске [2, с. 146]. Аркадий Иосифович Лукашевич (1898 года рождения, директор мебельной фабрики из г. Ромны Сумской области) стал директором маслозавода [2, с. 147]. Несколько управляющих отделениями Госбанка из разных районов Сумской области Украины – Василий Ильич Чиликиди (1902 года рождения, управляющий Госбанком г. Сумы, сначала работал председателем райисполкома Бурлинского района), Иван Михайлович Захаров (1896 года рождения, управляющий Груньским отделением Госбанка в Сумской области), Александр Тимофеевич Петренко (управляющий банком в Краснопольском районе Сумской области) и П. И. Федотов (управляющий банком Смеловского района Сумской области) – в Уральске заняли аналогичные должности, возглавив отделения Госбанка Бурлинского, Зеленовского, Теректинского и Чингирлауского районов соответственно [2, с. 211, л. 2, с. 116, л. 2, с. 148, л. 2, с. 214]. Отправляя их обратно, власти заботились, чтобы были соблюдены следующие меры: «1. Со всеми отъезжающими по списку необходимо произвести полный расчет по месту работы в данное время с выдачей двухнедельного выходного пособия. 2. Обеспечить отъезжающих продуктами на все время дороги до места назначения» [2, с. 77].

Точное количество прибывших в ЗКО привести сложно. В ноябре 1941 г. эвакоотдел сообщает, что в область прибыло 37 153 человека, но только по 15 439 имеется списки [3, с. 250]. На 1 января 1942 г. эвакуированных в ЗКО насчитывалось не менее 37 958 человек, размещенных по 13 районам и в г. Уральске, и цифры об их количестве уже тогда разнились, о чем говорится в документах: «…из них взято по фамильному учету (по форме № 2) 20 541 человек, расхождение по списочному учету произошло по вине Уральского Горсовета, Урдинского, Теректинского, Бурлинского, Чингирлауского райисполкомов, руково-

дители которых до последнего времени не принимали необходимых мер к четкой организации списочного учета и работу запустили» [4, с. 1].

Список использованной литературы

1. Государственный архив Западно-Казахстанской области Республики Казахстан (ГА ЗКО). – Ф. П-37. Оп. 13. Д. 156 : Списки работников, рекомендуемых к правительственной награде и эвакуированных.

2. ГА ЗКО. – Ф. П-37. Оп. 12. Д. 20 : Списки эвакуированных коммунистов, размещенных по районам.

3. Сдыков, М. Н. История населения западного Казахстана / М. Н. Сдыков. – Алматы : Курсив, 2004. – 406 с.

4. ГА ЗКО. – Ф. П-37. Оп. 11. Д. 1077 : Материалы об эвакуированных предприятиях и населении. Отчеты.

К содержанию

УДК 94(437.3)

А. С. КАНДРАЦЕНКА
Мінск, БДУ
Навуковы кіраўнік – Л. А. Козік, канд. гіст. навук, дацэнт

АСАБЛІВАСЦІ ПРАВЯДЗЕННЯ ПЕРАПІСУ НАСЕЛЬНІЦТВА 1940 Г. У СЛАВАЦКАЙ РЭСПУБЛІЦЫ Ў ДАЧЫНЕННІ ДА НАЦЫЯНАЛЬНЫХ МЕНШАСЦЕЙ

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці правядзення перапісу 1940 г. у Славакіі ў дачыненні да яе буйнейшых нацыянальных меншасцей: нямецкай, венгерскай, яўрэйскай, цыганскай, русінскай і чэшскай. Адлюстраваны нацыянальны склад насельніцтва Славакіі. Адзначаны змяненні ў дэмаграфічным вобразе Славацкай Рэспублікі ў выніку палітычных і сацыяльных фактараў напярэдадні і падчас Другой сусветнай вайны. Дадзена ацэнка падыходу славацкага ўрада ў вызначэнні прыналежнасці да нацыянальных меншасцей.

Страта тэрыторый і значнай колькасці насельніцтва па выніках Венскага арбітражу 1938 г., перададзеных Венгрыі, абцяжарыла працу аўтаномнага ўрада Славакіі, які быў створаны 6 кастрычніка 1938 г. у межах Другой Чэхаславацкай Рэспублікі. На павестцы дня было пытанне нацыянальных меншасцей. У сувязі з гэтым славацкі аўтаномны ўрад арганізаваў пазачарговы перапіс, падрыхтаваны Рэгіянальным дэпартаментам у Браціславе ў супрацоўніцтве з Міністэрствам унутраных спраў. Яго асноўнай мэтай было стварэнне нацыянальнага кадастру з дакладнай

інфармацыяй аб нацыянальных меншасцях у Славакіі. Перапіс павінен быў праводзіцца 31 снежня 1938 г.

Арганізацыя перапісу праходзіла без шырокага інфармавання пра яго, што было падвергнута крытыцы з боку лідара нямецкай меншасці Ф. Кармазіна. 31 снежня 1938 г. ён накіраваў скаргу старшыні аўтаномнага ўрада Славакіі Ё. Цісу, у якой адзначыў немагчымасць лічыць вынікі перапісу праўдзівымі па прычыне адсутнасці належнай інфармаванасці насельніцтва і правядзення перапісу за дзень [8, с. 547].

Унутрыпалітычная напружанасць і магчымае ўмяшальніцтва Германіі дзеля падтрымкі нямецкай меншасці ў Славакіі вымусіла аўтаномны ўрад не публікаваць вынікі перапісу [7, с. 30]. Безумоўна, гэта не адпавядала першапачатковай задуме стварэння нацыянальнага кадастру, які павінен быў паказаць колькасны склад этнічных меншасцей у Славакіі.

У кастрычніку 1940 г. славацкі ўрад пачаў працу па падрыхтоўцы перапісу насельніцтва, які планавалася правесці з 15 па 21 снежня 1940 г. Збор дадзеных ажыццяўляўся Дзяржаўным статыстычным дэпартаментам у Браціславе, які кіраваў дзейнасцю мясцовай адміністрацыі і асобных перапісных участкаў [5, с. 65].

Адной з галоўных асаблівасцей перапісу 1940 г. былі метады вызначэння прыналежнасці да пэўнай этнічнай групы. Так, прыналежнасць да канкрэтнай нацыянальнасці вызначалася валоданнем роднай мовы. Для аб'ектыўнасці дадзеных быў выкарыстаны прынцып практычнага ўжывання мовы.

Акрамя грамадзян, прысутных на момант перапісу, у выніковую лічбу былі ўключаны грамадзяне, якія адсутнічалі ў Славакіі падчас перапісу па розных прычынах. Так, насельніцтва Славацкай Рэспублікі складала 2 567 555 чалавек, а славакі складалі 86 % ад агульнай колькасці [6, с. 139].

Нямецкая меншасць была самай вялікай этнічнай групай у Славацкай Рэспубліцы. У 1940 г. па выніках перапісу яе колькасць склала 129 552 чалавекі, альбо 5,05 % ад усіх жыхароў Славакіі. У параўнанні з папярэднім перапісам 1938 г. колькасць немцаў вырасла. Заўважым, што падчас перапісу 1940 г. на славацкіх немцаў аказвала ціск Нямецкая партыя і яе лідар Ф. Кармазіна. Так, напрыклад, немцы г. Ніжні Медзеў у знак нязгоды з палітыкай партыі запісаліся венграмі, а за некалькі дзён да перапісу быў здзейснены замах на Ф. Кармазіна [4, с. 43].

Прадстаўнікі яўрэйскай нацыянальнасці былі другой па велічыні этнічнай групай у Славакіі. Іх налічвалася 74 438 чалавек. Пастанова славацкага ўрада № 63/1939 ад 18 красавіка 1939 г. давала азначэнне "яўрэй", у аснове якога было два крытэрыі – мова і веравызнанне [9]. Такім чынам, славацкія грамадзяне іўдзейскай веры, а таксама тыя, хто пасля

30 кастрычніка 1918 г. перайшоў з іўдаізму ў хрысціянства, аўтаматычна былі запісаны яўрэямі.

Па перапісе насельніцтва 1940 г. да русінскай этнічнай групы аднеслі сябе 61 762 чалавекі. У працэсе апрацоўкі дадзеных Дзяржаўны статыстычны дэпартамент сутыкнуўся з праблемай саманазвы гэтай нацыянальнай групы [6, с. 34]. Жыхары ўсходняй Славакіі называлі сябе русінамі, руснакамі, рускімі, гуцуламі, украінцамі ці маларусамі згодна са сваім дыялектам і культурнымі асаблівасцямі. У такой сітуацыі Дзяржаўны статыстычны дэпартамент выдаў 30 кастрычніка 1941 г. распараджэнне, якое абавязвала запісваць гэтых людзей як русінаў.

На тэрыторыі Славакіі пражывалі і венгры. Паводле перапісу насельніцтва 1940 г., іх налічвалася 46 689 чалавек, ці 1,8 % ад агульнай колькасці жыхароў. На думку венгерскіх палітыкаў, пры правядзенні апытання славацкі ўрад свядома занізіў колькасць венграў Славакіі. У якасці доказу маніпуляцый падчас перапісу лідар Венгерскай партыі Я. Эстэрхазі ў маі 1941 г. накіраваў прэм’ер-міністру Славакіі В. Туку спісы з 1147 славацкіх грамадзян венгерскай нацыянальнасці, якіх мясцовыя ўлады запісалі як славакаў ці немцаў [1, с. 106].

Яшчэ ў 1930 г. у Славакіі пражывала каля 120 000 чэхаў. Падчас працы аўтаномнага ўрада (восень 1938 г. – вясна 1939 г.) Браціслава дамаглася адпраўкі 9000 чэхаў – дзяржаўных служачых – у Чэхію [2, с. 87]. Пасля ліквідацыі Чэхаславакіі значная частка чэхаў, сярод якіх былі чыноўнікі, чыгуначнікі, ваенныя, суддзі, урачы і інш., была вымушана пакінуць Славакію. Аднак былі і выпадкі, калі, баючыся перасялення ў Пратэктарат Багеміі і Маравіі, яны запісваліся славакамі ці немцамі. Як вынік, на 1940 г. у Славакіі было зарэгістравана толькі 3024 прадстаўнікі чэшскай нацыянальнасці.

На тэрыторыі Славакіі па выніку перапісу 1940 г. было зарэгістравана 37 102 цыганы [3, с. 153]. Пастанова Міністэрства ўнутраных спраў Славацкай Рэспублікі ад 18 чэрвеня 1940 г. адносіла да цыган прадстаўнікоў цыганскай этнічнай групы, якія вялі качавы ці аседлы лад жыцця, але пазбягалі працы.

Можна сцвярджаць, што пры правядзенні перапісу 1940 г. славацкія ўлады выкарыстоўвалі дыскрымінацыйны падыход да яўрэяў і цыган, што праяўлялася ў неабходнасці праходзіць абавязковую рэгістрацыю для вызначэння нацыянальнай прыналежнасці. Праявы дыскрымінацыйнага падыходу можна бачыць і ў дачыненні да венграў, якіх нярэдка запісвалі як славакаў ці немцаў. У сваю чаргу да немцаў быў ужыты дыяметральна супрацьлеглы падыход. На нашу думку, гэта тлумачыцца тым, што славацкі ўрад успрымаў мясцовых немцаў як істотны чыннік у развіцці адносін паміж Славакіяй і Германіяй, а таму імкнуўся пазбягаць

абвастрэння міждзяржаўных адносін. З іншых асаблівасцей перапісу неабходна адзначыць права русінаў запісвацца як русіны, а не рускія ці ўкраінцы. Комплекс недаверу, які быў у чэшска-славацкіх адносінах у міжваенны перыяд, паўплываў на палітыку славацкага ўрада ў дачыненні да чэхаў, што прывяло да рэзкага скарачэння іх колькасці на тэрыторыі Славацкай Рэспублікі.

Такім чынам, можна канстатаваць, што падчас правядзення перапісу насельніцтва 1940 г. улады выкарыстоўвалі як дыскрымінацыйныя меры, так і розныя падыходы пры вызначэнні этнічных груп. Гэта ставіць пад сумненне аб'ектыўнасць сабраных дадзеных аб нацыянальным складзе Славацкай Рэспублікі на пачатку Другой сусветнай вайны.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Hetényi, M. The status of Hungarian minority in Slovakia in 1939 – 1940 / M. Hetényi // Slovensko medzi 14. marcom 1939 a salzburskými rokovaniami. – Prešov : Universum, 2007. – S. 93–111.

2. Mičko, P. Špecifiká postavenia českých zamestnancov na Slovensku počas druhej svetovej vojny vo verejnom, štátnom a súkromnom sektore / P. Mičko, Z. Hešterová // Acta historica Neosoliensia Vedecký časopis pre historické vedy – 20/2. – Banská Bystrica : Filozofická fakulta Univerzity Mateja Bela, 2017. – S. 87–104.

3. Nečas, C. Slovenští Romové v letech 1939–1945 / C. Nečas // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university. – Brno : Studia historica Brunensia, 2004. – S. 153–178.

4. Schvarc, M. Guľka pre štátneho tajomníka (Pokus o atentát na Franza Karmasina v Nižnom Medzeve 11. decembra 1938) / M. Schvarc // Pamäť národa. – Bratislava : Ústav pamäti národa, 2007. – № 4. – S. 42–50.

5. Šprocha, B. Reprodukcia obyvateľstva Slovenska počas druhej svetovej vojny, 3. Časť / B. Šprocha // Slovenská štatistika a demografia. – R. 26, 1. – Bratislava : Výskumné demografické centrum. – 2016. – S. 64–81.

6. Šprocha, B. Demografický obraz Slovenska v rokoch 1938–1945 / B. Šprocha, P. Tiŝliar. – Bratislava : Muzeológia a kultúrne dedičstvo, 2016. – 200 s.

7. Tišliar, P. Odraz národnostnej politiky Slovenskej republiky (1939–1945) v štatistickej praxi / P. Tišliar // Populačné štúdie Slovenska 4. – Bratislava : Muzeológia a kultúrne dedičstvo, 2014. – S. 21–57.

8. Schvarc, M. Tretia ríša" a vznik Slovenského štátu : dokumenty / M. Schvarc, M. Holák, D. Schriffl (eds.). – Bratislava : Ústav pamäti národa: SNM – Múzeum kultúry karpatských Nemcov, 2008. – 633 s.

9. Vládne nariadenie o vymedzení pojmu žida a usmernení počtu židov v niektorých slobodných povolaniach zo dňa 18. apríla 1939 [Электронны

рэсурс] // Ústav pamäti národa. – Рэжым доступу: http://www.upn.gov.sk/data/pdf/18-apr-1939.pdf. – Дата доступу: 14.02.2021.

К содержанию

УДК 32.019.5

Д. А. КОРУНЕЦ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. И. Пашкович, канд. ист. наук, доцент

МЮЗИК-ХОЛЛЫ – ПРОПАГАНДА БЕЗ ДЕКРЕТА

В статье рассматриваются мюзик-холлы в качестве инструментов пропаганды в британском обществе периода Первой мировой войны. В исследовании проведен анализ психологических и социальных причин популярности мюзик-холлов, психологические особенности использования музыки в качестве инструмента пропаганды, а также основные пропагандистские мотивы, используемые в музыке того периода.

С началом Первой мировой войны многие области британской культуры были мобилизованы правительством для поддержки боевых действий. В ход шли плакаты, карикатуры, газеты и др. С другой стороны, само британское общество испытывало патриотический подъем, что приводило порой к тем формам и методам пропаганды, которые использовались спонтанно самим населением и фактически не координировались со стороны правительства. Одной из таких форм пропаганды стала музыка. Тем не менее этот инструмент был достаточно нестабилен и противоречив, завися не столько от мнения правительства, сколько от настроения публики.

Прежде чем говорить о том, как музыка повлияла на настроение британского общества того периода, следует рассмотреть такое понятие, как «мюзик-холл». У данного термина существует несколько значений. Для начала, мюзик-холлами называли специальные заведения, в которых проводились музыкальные, актерские и иные выступления. В какой-то степени мюзик-холлы походят на другой тип развлекательных заведений – кабаре, однако основное отличие мюзик-холла в том, что в нем основным является именно музыка. Также мюзик-холлом называют и саму программу выступления в одноименных заведениях [2]. Популярность таких заведений в основном приходится на вторую половину XIX – 60-е гг. XX в. Особенностью мюзик-холлов в этот период является тот факт, что они являются скорее пролетарскими заведениями, куда практически не заглядывали представители высших слоев общества [1, с. 4].

В первые дни войны большинство мюзик-холлов начали менять свою программу на более патриотическую. Причины этого уже были указаны ранее: существовавший в тот период подъем гражданского сознания, а также основная целевая аудитория мюзик-холлов – рабочий класс. В этих условиях сформировалась новая повестка, которую владельцы заведений начали использовать не только из-за охватившего их энтузиазма, но и для извлечения личной выгоды. Сразу следует отметить, что данная повестка оказалась не только чрезвычайно популярной, но и чрезвычайно эффективной. Причина этого успеха была проста: звезды мюзик-холла были обожаемы массами людей из рабочего класса, и их слова имели совершенно иной эффект, чем у политических лидеров, в основном произведенных узкой прослойкой социальной элиты. Большая часть звезд мюзик-холла происходила из бедных семей и говорила с акцентом рабочего класса; они могли общаться с простыми людьми гораздо убедительнее, чем министры, генералы или епископы [1, с. 3–4].

Помимо этого, сама суть подобных заведений имела свою уникальную особенность, а именно атмосферу. Эти заведения были предназначены для релаксации, а также для развлечений в кругу друзей и приятелей. Это делает восприятие новостей несколько отличающимся от услышанного по радио на работе либо от лицезрения плаката на улице. Таким новостям начинаешь доверять больше, что связано с психологическим расслаблением человека в подобных местах. Поэтому пропагандистский аспект при такой подаче не отторгается, а, напротив, принимается.

Еще более мощным психологическим эффектом обладает музыка. Сама по себе она состоит из двух компонентов – мелодии, либо же «минуса», и текста, написанного в особой форме. Взаимодействие этих компонентов оказывает положительное либо отрицательное влияние на эмоциональную сферу человека. Соответственно, если влияние на эмоции положительное, то текст и заложенный в нем смысл воспринимаются положительно, даже если изначально эти идеи могли вызывать отрицательную реакцию у человека. Все эти аспекты делали музыку практически идеальным инструментом пропаганды, если бы не один недостаток: чтобы вышеназванное влияние произошло, музыка должна быть хорошей и в некоторой степени искренней – записанной и передающей эмоции автора, что практически невозможно воплотить без собственного вовлечения составителя песни.

Реакция промышленности на начало войны была незамедлительной. Номера мюзик-холла любили быть в курсе событий, и первые военные песни появились в течение нескольких часов. В специальной прессе авторы песен объявили, что они добавят «военный стих» к любой данной песне за небольшую плату. Сотни авторов песен и тысячи певцов

принялись за работу, чтобы заработать деньги на новой теме, внося свой вклад в патриотическое дело, в которое они верили [1, с. 4].

Взглянем сначала на те песни, которые направлены на то, чтобы побудить мужчин присоединиться или оправдать военные усилия в традиционной патриотической манере, здесь мы находим такие названия, как *«Трижды ура красным, белым и синим», «будь солдатом, мальчик мой»*, «*ты не хочешь вступить в армию?*», «*Мы не хотим потерять тебя (но мы думаем, ты должен идти)», «Марш на Берлин!».* Это только некоторые примеры подобных песен, на самом деле их было на порядок больше [1, с. 4–5]. Пропагандистский аспект этих песен заключался в основном в том, что они путем влияния на эмоциональную сферу молодых людей внушали им необходимость вступления в ряды вооруженных сил.

Тем не менее, хотя песни, прославляющие и поддерживающие солдат, будут выпускаться на протяжении всей войны, песни о вербовке быстро и почти полностью исчезают после декабря 1914 г. Все вышеперечисленные песни, кроме одной *(«Будь солдатом, мой мальчик»),* относятся к 1914 г. На период введения воинской повинности в Британии в 1916 г. подобные песни уже не будут так часто на слуху. Причины этого понятны. Первоначальная идея быстрой и легкой победы исчезла после огромных потерь, понесенных в самом начале войны, а также еще большего количества раненых и покалеченных, вернувшихся в Британию. В таких условиях произошло некое переформатирование общества. Оно все так же желало победы, но энтузиазм начала войны исчез. Поэтому мюзик-холлам также было необходимо измениться, чтобы оставаться актуальными и популярными.

В ряде песен использовалась в качестве пропагандистского инструмента женская соблазнительность. Подобный мотив присутствует в популярном хите 1915 г. певицы кокни Мари Ллойд *«Мне нравится она. Эй, Коки, теперь на тебе Хаки»,* в котором рассказывается история молодого рабочего, которого любимая девушка не воспринимала всерьез, но, как только он вступил в армию, он обнаружил, что она хочет сразу же стать его женой [1, с. 5]. Подобные песни воспроизводились до самого конца войны и подбадривали солдат и уходящих на фронт тем, что их старания будут оценены противоположным полом по достоинству.

Несмотря на патриотический подъем и желание сражаться, Британия не была едина. В ее национальных областях имело место определенное напряжение, которое подрывало национальный дух. Для нейтрализации этого напряжения использовались различные методы и инструменты, например плакаты. Музыка также подходила для этой цели ввиду указанных выше особенностей. Она использовалась для того, чтобы сплотить людей, показать то, что, несмотря на различия, они являются

частью великой державы, направить их агрессию на внешнего врага. Примером этого является песня *«Затем все они пели “Боже, храни короля”»* (1914), которая представляет англичанина, ирландца, валлийца и шотландца, которые каждый с гордостью поют песню своей страны, прежде чем объединиться, чтобы спеть гимн Империи [1, с. 6].

Немаловажным мотивом для песен была сама Антанта. В тяжелых условиях войны было важно показать то, что Британия сражалась не одна, а с могучими союзниками. Похвала британским союзникам вдохновила серию песен *«Наши храбрые колонисты»* (1914), которая напомнила о важности канадских, индийских и австралийских войск в войне. *«Америка отвечает на призыв»* (1917) отреагировала на вступление США в войну в январе 1917 г. [13, с. 6]. В первые месяцы войны, когда Германия вторглась в Бельгию, была выпущена серия песен, которые сработали параллельно с пропагандистской кампанией об «изнасиловании Бельгии». Более поздние песни не упоминали Бельгию, но Франция фигурировала в нескольких песнях, таких как *«Мы будем сражаться за короля и Францию»* (1914), *«Удачи, маленький французский солдат»* (1914), *«Америка и Старая Добрая Франция, Вы стоите бок о бок»* (1918) [1, с. 6].

Несмотря на тяжелые потери и ряд громких поражений, поддержка борьбы в Британии оставалась относительно высокой. Тем не менее возникла насущная необходимость оправдать эти потери, что выражалось в том, что погибшие солдаты «умерли не напрасно». Для этого также был выпущен целый ряд песен, которые, помимо этого, пели о том, что нельзя терять боевой дух, поскольку «нам еще предстоит работа». К этому моменту, а именно к 1916 г., в мюзик-холлах окончательно пропал тот задор, который был присущ им в начале войны. Его место заняло понимание трудностей и ужасов народа, которые, тем не менее, не стоили того, чтобы из-за них горевать, ведь жизнь идет дальше, и завтра будет лучше, чем сегодня. В частности, известны такие песни, как *«До Типперери далеко»* и *«Упакуй свои проблемы»* [1, с. 7], которые были наиболее популярными песнями, использующими данный мотив.

Рассмотрим также мотив, который не был столь популярен, однако также сыграл немаловажную роль в пропаганде интересов Британии. Этот мотив антигерманский. Наиболее ярким примером является песня *«My Old Iron Cross»* (1916) [1, с. 8], в которой высмеивается и обесценивается так называемый «Железный крест» – одна из наиболее известных наград Германской империи.

Следует отметить, что довольно часто использование музыки как части пропагандистской машины игнорируется исследователями. Это можно объяснить тем, что музыка оказывается в тени тех листовок, плакатов и лозунгов, которые являются наиболее четким выражением

пропаганды. Тем не менее нельзя утверждать, что музыка является всего лишь «дополнительной» частью. Она призвана затронуть те струны человеческой психики, до которых не могут «достучаться» названные выше инструменты. Британские мюзик-холлы почти не были включены в систему государственной пропаганды, однако благодаря порыву, который охватил британское общество, они сами стали ее субъектом.

Список использованной литературы

1. Mullen, J. Propaganda and Dissent in British Popular Song during the Great War. Textes et Contextes, Université de Bourgogne, Centre Interlangues TIL / J. Mullen // Discours autoritaires et résistances aux XXe et XXIe siècles. – 2011. – P. 16.

2. Music hall – Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/music-hall. – Date of access: 29.04.2021.

К содержанию

УДК 322:2-632:272(7/8=134)

А. О. КРАСНЮК
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. В. Харичкова, канд. ист. наук, доцент

ГЕНЕЗИС ТЕОЛОГИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ

В статье рассматриваются исторический контекст и предпосылки возникновения теологии освобождения, значимые документы. Анализируются взгляды деятелей теологии освобождения.

1960–1970-е гг. стали поворотными для католической церкви. Сложившиеся реалии показали необходимость ее реформирования. Церковь должна была стать открытой к пастве и новым идеям. Доказательством этому служат Второй Ватиканский собор [4], епископальные конференции, которые приняли ряд важных документов, например «Justice in the world» [7]. Эти новые тенденции нашли благодатную почву в Латинской Америке.

Латинская Америка в 1950–1960-х гг. пережила ряд потрясений. Падение цен на мировом рынке на традиционную для региона экспортную продукцию негативно повлияло на экономику региона. Пришедшийся на эти годы демографический взрыв привел к массовому переселению

жителей в крупные города, обострив целый ряд социальных проблем (жилищную, безработицы и т. д.) [9, с. 188]. Последовавший за этим рост популярности левых движений отразился, в том числе, на католической церкви. С одной стороны, наблюдалось разочарование населения в католицизме, с другой – проникновение левых идей в саму католическую церковь. Все это создало условия для появления теологии освобождения, соединяющей в себе христианство и левые идеи.

Теология освобождения – радикальное направление католической теологии, зародившееся в странах Латинской Америки в 1960–1970-х гг. и развивающееся не только как оригинальные теологические и философские поиски, но и как широкое социальное движение. Крупнейшими основателями и теоретиками теологии освобождения стали Густаво Гутьеррес (Перу), Уго Ассман, Леонардо Бофф, Хуан Собрино (Бразилия), Хуан Сканноне (Мексика), Хуан Луис Сегундо (Уругвай) и др. [1]. Теология освобождения своей целью ставит «the preferential option for the poor» [4], то есть акцентирует внимание церкви на проблемы жизни беднейших слоев населения, берет на себя ответственность за условия их жизни и предпринимает попытки улучшить их положение.

Стоит отметить, что подобные идеи не являются новыми как для католицизма, так и для христианства в целом. Примеры схожих идей мы можем найти еще у Томаса Мора в его «Утопии». Однако принципиальная важность теологии освобождения заключается в том, что она нашла широкий отклик как среди паствы, так и среди клира католической церкви. Доказательством этого служит то, что нынешний папа Франциск является ее приверженцем.

У истоков теологии освобождения стояло движение первичных общин, появившееся в 1957 г. в Бразилии, которое уже в 1964 г. было включено в «Первый национальный пасторский план на 1965–1970 гг.» [6]. Реализуемая в рамках этого плана образовательная программа семинарий привела к тому, что многие семинаристы начали использовать марксистские методы анализа истории, а в среде духовенства шли споры на тему допустимости использования марксизма для оценки истории.

Одним из источников развития теологии освобождения были идеи колумбийского священника Камило Торреса, который в конце своей жизни сражался в рядах Армии национального освобождения (ELN) и погиб в своем первом бою с колумбийской регулярной армией [6]. Его пример стал хрестоматийным для католиков Латинской Америки.

Важным событием для теологии освобождения стал Второй Ватиканский собор 1962–1965 гг., созванный папой Иоаном XXIII с целью обновления и разумной реорганизации церкви. По итогам собора были приняты 4 конституции, 9 декретов и 3 декларации [4], которые сместили

официальную позицию церкви в сторону гуманизма. Для нашей темы особую важность имеет конституция «Gaudium et Spes», поскольку она рассматривает экономический и политический аспекты жизни, признает человека «общественным» существом, говорит «о необходимости преодолеть индивидуалистическую этику» [5], а в пункте «О сущностном равенстве всех людей и социальной справедливости» о том, что «равное достоинство личности требует, чтобы были созданы более человечные и справедливые условия жизни». Вся пастырская конституция пропитана социальной тематикой, что сделало ее прочным фундаментом для идей теологии освобождения.

Значительную роль сыграл и CELAM (порт. Conselho Episcopal Latino Americano – Латиноамериканский Епископальный Совет), созданный в 1955 г. в Рио-де-Жанейро, который в 1968 г. провел епископальную конференцию в Медельине (Колумбия). По итогам ее работы были приняты 16 документов, одобрявших деятельность первичных общин и принцип «the preferential option for the poor» [6].

Своеобразным манифестом для теологии освобождения стал так же «Justice in the world», подготовленный ватиканским синодом епископов в 1971 г. Этот документ указывает на наличие социальных проблем и призывает государства направить свои усилия на их решение [7].

Таким образом, можно видеть, что, зародившись на уровне первичных общин, идеи теологии освобождения способствовали принятию католической церковью ряда важных документов, переориентировавших ее на решение социальных проблем.

Одними из первых и наиболее влиятельных апологетов теологии освобождения можно назвать Леонардо Боффа и Густаво Гутьерреса. В своих трудах Бофф обращает внимание на то, что приверженцы теологии освобождения не опровергают и не спорят с Писанием: «мы берем смысл, который содержится в тексте Писания, и созидаем новый смысл в соответствии с внешними обстоятельствами нашего исторического бытия…» [1]. Также Бофф пишет, что именно «беднякам принадлежит первое место, как новому возникающему субъекту истории, и именно ему предстоит в этом мире воплотить в жизнь христианский проект его переустройства» [1]. Схожие позиции озвучивает и Гутьеррес в виде своей формулы «критическая оценка реальности в духе Писания». Церковь, по его мнению, должна быть «институтом общественной критики», задача которого – «служить освобождению человека». Как можно увидеть, классики теологии освобождения интерпретируют различные аспекты Писания в довольно материальном и конкретном смысле. Здесь можно явно проследить сильное влияние марксистских идей, но, в отличие от марксизма, они используют термин «бедняки», а не пролетарии, делая

таким образом категорию «прогрессивного субъекта истории» несколько шире. Общая риторика сохраняется в духе социалистических течений, что неудивительно, ведь сам Гутьеррес указывал, что идеи Карла Маркса и представителей «западного марксизма» оказали на него существенное влияние [8]. Впрочем, довольно мало внимания Бофф и Гутьеррес уделяют средствам, которыми «бедняки» должны улучшить свое положение. Они по большей части говорят об относительно реформистском пути преобразования мира. Впоследствии идеологи теологии освобождения по большей части придерживались основных положений, озвученных Боффом и Гутьерресом, вместе с тем подвергая их собственным корректировкам. Так, радикальное крыло в своих идеях доходит до одобрения революционных преобразований. Например, Энрике Дуссель, оправдывая революционный путь развития, говорит о том, что «исход из Египта был незаконным актом с точки зрения фараона» [2].

Таким образом, появление теологии освобождения явилось вполне закономерным процессом, подготовленным как обновленческим процессом в католической церкви, так и историко-социальными особенностями Латинской Америки. Впоследствии теология освобождения претерпит ряд изменений, однако намеченный в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. путь развития сохраняется и по сей день.

Список использованной литературы

1. Католическая энциклопедия. Т. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://history-fiction.ru/books/all_21/book_4359/. – Дата доступа: 02.03.2021.

2. Крылов, П. В. «Теология освобождения» и взгляды ее представителей на концепцию мировой истории [Электронный ресурс] / П. В. Крылов. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article. – Дата доступа: 02.03.2021.

3. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. – М. : Мысль, 2000–2001. – Режим доступа: https://iphlib.ru/library/collection. – Дата доступа: 02.03.2021.

4. Строганов, А. И. Латинская Америка в XX веке / А. И. Строганов. – М. : Дрофа, 2002. – 416 с.

5. Теология освобождения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://s30556663155.mirtesen.ru/blog. – Дата доступа: 03.03.2021.

6. Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви III–XX вв. [Электронный ресурс] // Пастырская Конституция «Gaudium et Spes». – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii. – Дата доступа: 02.03.2021.

7. Justice in the World World Synod of Catholic Bishops, 1971. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.cctwincities.org/wp-content/uploads /2015/10/Justicia-in-Mundo.pdf. – Date of access: 03.03.2021.
8. Prophets and Populists: Liberation Theology, 1968–1988 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.cambridge.org/core/journals. – Date of access: 03.03.2021.
9. What is the preferential option for the poor? [Electronic resource]. – Mode of access: https://uscatholic.org/articles/201501/what-is-the-preferential-option-for-the-poor/. – Date of access: 03.03.2021.

К содержанию

УДК 94(560)’’2002/2021’’:329.4

И. О. ЛУЗГИНА
Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
Научный руководитель – Н. В. Величко, канд. ист. наук, доцент

ПОЛИТИКА ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ В ОТНОШЕНИИ ТУРЕЦКИХ КУРДОВ (2002–2021 ГГ.)

В данной статье рассматриваются программные цели и политика правящей в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) в отношении курдского населения, курдских политических сил и партий. Определены периодизация и основные направления взаимодействия ПСР и курдов. Уделено внимание политике турецких курдов, а также вопросам политической и военно-террористической (в случае с РПК) деятельности курдских партий.

Партия справедливости и развития (ПСР) остается правящей в Турции на протяжении 19 лет. За период руководства страной ей удалось решить множество вопросов экономического и политического характера, однако не удалось разрешить одну из наиболее существенных проблем – курдский вопрос. Острота его заключается не только в отсутствии у курдского национального меньшинства каких-либо автономных прав, но также в том, что кроме умеренных курдских партий, представленных на официальном поле турецкой политики, существуют радикальные силы и партии, ведущие вооруженную борьбу за отделение от Турции курдских территорий и создание на них независимого Курдистана. Это вынуждает руководство страны применять различные методы воздействия по отношению к курдским политическим силам, начиная от мягких, заканчивая силовыми.

Отношение ПСР к курдам впервые было выражено в предвыборной программе 2001 г., где говорилось, что лишь экономического развития юго-восточных регионов недостаточно и нужно признать культурные различия с данной частью страны [7]. Также в ней было сказано, что ПСР планировала отказаться от прежней политики репрессий и приступить к поэтапному проведению внутренних реформ для урегулирования курдского вопроса. Отрицательное отношение лидера партии Р.Т. Эрдогана к наследию М. К. Ататюрка, а также его происламские позиции обеспечили ему поддержку курдов на выборах, многие из которых являются убежденными мусульманами. Практическое применение партийные намерения возымели после победы на выборах. Так, вскоре был отменен действовавший с 1978 г. режим чрезвычайной ситуации в восточных (курдских) вилайетах страны, а также был принят закон о снятии запрета на вещание и обучение на курдском языке [1, с. 53]. Таким образом, со времени прихода ПСР к власти можно говорить о начале периода турецко-курдского потепления и диалога.

Курдское национальное движение в это время было представлено двумя крупными партиями – радикальной Рабочей партией Курдистана (РПК) во главе с А. Оджаланом, отбывающим тюремный срок, и политически умеренной Партией мира и демократии (ПМД) [2, с. 129]. Общей целью всего курдского движения было становление в Турции федеративной системы и предоставление курдам автономии [1, с. 53].

После выборов 2007 г. руководство страны стало активнее заниматься урегулированием курдского вопроса: многим населенным пунктам Юго-Востока были возвращены курдские названия, а курдский язык стал допускаться к использованию на некоторых общественных и политических мероприятиях [5, с. 440]. В конце 2011 г. произошло историческое событие – впервые с момента образования Республики ее премьер-министр Р. Т. Эрдоган принес официальные извинения курдам за массовые репрессии по этническому признаку в прошлом [4, с. 142].

Вскоре начались переговоры властей с РПК и А. Оджаланом о его освобождении и автономии курдских территорий, однако первый этап переговоров зашел в тупик. Второй этап прошел в 2012 г., но позиции А. Оджалана на переговорах стали более радикальными. Тогда же радикально настроенная часть РПК призвала к курдскому восстанию на территории Турции [1, с. 55]. Следуя этому призыву, РПК участила свои операции, и конфликт разросся до того, что частыми стали взрывы террористов-смертников и похищения людей, вследствие чего Анкарой осознавалась необходимость скорейшего прекращения начавшегося конфликта [5, с. 441].

Следующий этап переговоров с А. Оджаланом возымел успех, в результате чего в марте 2013 г. было заключено соглашение о прекращении огня. Согласно ему, А. Оджалан призвал боевиков РПК покинуть территорию Турции и заявил, что необходимо отказаться от насилия и перейти от вооруженной борьбы к политической [8]. В Анкаре приветствовали это заявление и отметили, что против отрядов РПК не будут проводиться военные операции, если те последуют словам А. Оджалана [5, с. 441]. Таким образом, в период 2012–2013 гг., несмотря на попытки Анкары договориться с представителями радикальных курдских политических сил, произошло первое серьезное обострение турецко-курдских отношений со времени прихода к власти ПСР.

На выборах в июне 2015 г. прокурдской Демократической партии народов (ДПН) впервые среди подобного рода партий удалось преодолеть 10%-ный барьер, не позволив ПСР набрать большинство мест в Меджлисе [5, с. 442]. Причиной тому была политика самой ПСР, полностью проигнорировавшей в избирательной кампании курдский вопрос, а также слова Р. Т. Эрдогана, перед этим заявившего, что в Турции «нет курдской проблемы» [3, с. 42].

Усиление ДПН, а также провал в том же году переговоров с РПК привели ко второму обострению турецко-курдских отношений со времени прихода к власти ПСР, которое продолжается до сих пор. 20 июля 2015 г. случился теракт в Суруче, во время которого было убито 32 курдских активиста. Это вызвало массовые демонстрации против правительства, обвинявшегося в пособничестве терроризму и игнорировании проблемы сирийских курдов (в это время шла активная фаза боев последних с боевиками ИГИЛ). Боевики РПК убили двух турецких полицейских. Ответом стало проведение Турцией военных операций против РПК на юго-востоке страны [5, с. 442].

В это же время правительство Р. Т. Эрдогана стало вести пропаганду против ДПН. Оно стремилось показать ее в глазах курдов как антиисламскую партию, чтобы помешать ей в результате повторных выборов ноября 2015 г. получить места в Меджлисе. Данная тактика возымела успех, в результате чего на перевыборах ПСР получила большинство в Меджлисе [1, с. 57].

После неудавшегося военного переворота 2016 г. Р. Т. Эрдоган усилил обвинения против ДПН, указывая на ее сотрудничество с РПК. В ноябре 2016 г. были арестованы сопредседатели партии и 13 депутатов ДПН в Меджлисе [5, с. 443]. ПСР, вступившая в союзнические отношения с националистами (создала коалицию с Партией националистического движения (ПНД) в Меджлисе), продолжала прибегать к насильственным методам для решения курдского вопроса: было арестовано 39 сопредсе-

дателей муниципалитетов от ДПН, десятки местных чиновников были отправлены под стражу, закрыто 20 курдских радио- и телекомпаний. За год с момента выборов, в ноябре 2015 г. по ноябрь 2016 г., было арестовано 5530 курдских политиков. Турецкие военные усилили операции на юго-востоке страны против вооруженного крыла РПК, а ДПН стала обвиняться в связях с движением «Хизмет» и лично Ф. Гюленом, являвшимся, по мнению Р. Т. Эрдогана, организатором переворота [6, с. 88].

На выборах 2019 г. ДПН победила в 65 муниципалитетах, однако к марту 2021 г. за ней осталось лишь шесть – в остальных власти убрали избранных от ДПН руководителей муниципалитетов под предлогом борьбы с терроризмом, заменяя их на временных управляющих. Кроме этого, в марте 2021 г. Главным прокурором Турции было возбуждено дело в Конституционном суде о полном закрытии ДПН.

Таким образом, после прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития начался мирный диалог между руководством страны и курдами, которым была возвращена часть их прав. Однако в 2012–2013 гг. случилось обострение турецко-курдских отношений, вылившееся в вооруженное противостояние властей с РПК. После заключенного в 2013 г. мирного соглашения стороны вернулись к диалогу, однако в 2015 г. после успеха ДПН на выборах в Меджлис и теракта в Суруче произошел новый виток конфронтации, который лишь усилился после попытки военного переворота в 2016 г. С этого времени против боевиков РПК турецкими силами безопасности проводятся военные операции, а умеренные курдские политические силы подвергаются дискриминации в медиапространстве, угрозам и прямым репрессиям.

Список использованной литературы

1. Абак, Т. Курдский вопрос в политике правящей Партии справедливости и развития / Т. Абак // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 3. – С. 53–58.

2. Аватков, В. А. Курдская проблема на турецком поле / В. А. Аватков // Вестн. МГИМО. – 2012. – № 2 (23). – С. 128–133.

3. Галкина, Е. В. Идеологическое измерение партийно-политического пространства современной Турции / Е. В. Галкина, Р. Ш. Хасанов // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4, История. Регионоведение. Междунар. отношения. – 2015. – № 6 (36). – С. 38–46.

4. Савинов, Л. В. Национальный вопрос в Турции / Л. В. Савинов // Федерализм. – 2012. – № 2 (66). – С. 135–146.

5. Сергеев, Д. В. Курдский вопрос в период правления Партии справедливости и развития / Д. В. Сергеев // Collegiumlinguisticum. – 2020. – С. 437–443.

6. Сулейманов, Р. Роль «курдского фактора» в попытке государственного переворота 15 июля 2016 года в Турции / Р. Сулейманов, К. Хикметов // Россия и мусульман. мир. – 2017. – № 3 (297). – С. 84–95.
7. 3 Kasım 2002 Genel Seçim Beyannamesi [Electronic resource] // AKPARTI. – Mode of access: https://www.akparti.org.tr/parti/dosya-arsivi/. – Date of access: 21.03.2021.
8. Diyarbakır'da Öcalan'ın mektubu okundu [Electronic resource] // Sözcü Gazetesi. – Mode of access: https://www.sozcu.com.tr/2015/gundem/diyarbakirda-ocalanin-mektubu-okundu-779172/. – Date of access: 17.03.2021.

К содержанию

УДК 327.5 (438+477)

Е. И. НОВОРАЙ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКАЯ РУСОФОБИЯ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Статья представляет собой анализ отношений Польши и Украины к России. В статье рассматриваются определение русофобии, причины ее появления. Цель статьи – выяснить, что сподвигло народы долгое время враждебно относиться друг к другу и проводить политику, враждебную России, а также изучить методы борьбы против России. Вывод исследовательской работы: русофобия – одна из основных частей компании и политики коллективного Запада.

Определение русофобии

Русофобия – неприязнь, ненависть, враждебность или иные негативные чувства по отношению к России, русским или их языку, истории и культуре. Однако русофобия – это не просто проявление негативных чувств в отношении России и русских, но и идеология, то есть особый комплекс идей и концепций, который имеет свою структуру. Русофобия противопоставляет русское и западное как дурное хорошему. Поэтому для Запада русские видятся враждебными, а сама Россия – иной, чуждой цивилизацией. Россия является врагом Запада и всего, что принимается в западной культуре как специфически «западное» – свободы, демократии и т. д. Вследствие этого делаются выводы о необходимости борьбы с Россией и уничтожения всего русского – физического или культурного. Русских убеждают в том, что Запад – это норма, а они отклонение от нормы, поэтому им следует подражать Западу, преодолевать

свою природу и материнскую культуру. Желание русофобии – чтобы России не стало. Это можно сделать либо через физическое устранение народа, либо через духовное, культурное, хотя бы политическое уничтожение. Западник самоотчуждается от русского. И даже неважно, от чего именно. По словам Ф. Достоевского, «ненавидят Россию натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом, за все, за все ненавидят» [7].

Польша: причины русофобии

1. Территориальная.

Два народа, русские и поляки, близкие по крови и языку. Почему за долгое время своего существования эти два народа чаще всего враждебны, причем эта враждебность проявляется в основном со стороны Польши. Приведем примеры: еще в 1853 г., когда Герцен выехал в эмиграцию, второй из отпечатанных там брошюр стал опус «Поляки прощают нас», где о событиях 1772–1795 гг., когда Российская империя не получила ни кусочка собственно польской земли, писалось: «По клочку отрывала Русь мясо Польши, отрывала провинцию за провинцией, и, как неотразимое бедствие, как мрачная туча, продвигалась все ближе и ближе к ее сердцу» [3].

Получается, если Польша развязала войну против России и отторгла от ее территории, это нормально. Ее право владеть захваченным бесспорно, а факт агрессии ничуть не осуждается. Если же Россия вдруг собралась с силами и вернула свое обратно – это совершенно не допустимо. За это надо каяться, а «пострадавшие» от русских оккупантов, безусловно, имеют право на реванш. Стоит отметить, что Россия также может предъявить претензии Польше за весь период существования: интервенция XVII в., участие поляков в войне 1812 г., тысячи смертей советских военнопленных в лагерях Польши после польско-советской войны; однако Россия не акцентирует на этом свое внимание и не считает свои обиды.

2. Конкуренция с Россией.

Геополитическое и информационное сопротивление ожесточается и усиливается по мере увеличения достижений в России (в XX в. – Победа 1945 г., выход человека в космос и др.)

Появление русофобии (от неприязни к русофобии)

Украина. Россия и Украина – это одно целое, один народ, одна религия. Почему так получилось, что братья столкнулись между собой. Ответ надо искать еще в проекте «Украина», начатом властями Австро-Венгрии во второй половине XIX в. Главная идея – Украина не Россия, а украинцы – отдельный народ. Это делалось для того, чтобы расколоть Российскую империю. Австрийцы собирались под флагом украинцев присоединить к себе южнорусские территории. В Австро-Венгрии

начинается гонение на все русское. В 1912 г. правительство императора Австро-Венгрии впервые называет русское население своей страны «украинцами». Прекращается обучение русскому языку, закрываются газеты на русском, вместо них появляются на «украинском». Так началось деление русского народа. Под эту идею начали фальсифицировать историю. В сегодняшних работах некоторых киевских историков фальсификации доходят до абсурда, там пишут о «древних украх, создавших пирамиды». В сегодняшних газетах помещено воззвание Петлюры к «украинскому» народу, где он объявляет, что «москали» – вековые враги «украинцев». Но правда как раз в обратном: русские никогда не были врагами украинцев в Малой России, более того, только в ходе войны Москвы против Польши, малороссы освободились от господства поляков [2].

Еще до Первой мировой войны австрийцами были созданы политические организации украинских националистов. Во время Второй мировой войны украинские националисты совершили страшные преступления против евреев, поляков, русских, а также жителей советской Украины. Охрана многих нацистских концлагерей состояла из украинских националистов. Общая численность украинских охранных батальонов оценивалась в 35 тыс. человек. После разгрома Третьего рейха «союзники» заботливо вывезли всех противников СССР к себе. При одном условии, что они и дальше будут бороться со всем русским. Украинские националисты уехали в основном в Канаду [4].

В 1991 г. после распада СССР вся идеология ненависти к «москалям» была перенесена на территорию Украины. Катастрофа Украины началась с идеи, что Украина – это не Россия, поэтому началось отрицание всего русского; общая история России и Украины закончилась. И, наконец, фатальной стала такая идея: Украина – это анти-Россия, она будет воевать с Россией, победит ее, был сформирован образ России как врага. Смыслом существования Украины была объявлена борьба с Россией. Ничем иным, как самоубийством, нельзя назвать войну с Россией, к которой Украину уже годы подталкивают со всех сторон [5].

Методы борьбы против России:

1. Ведение информационной борьбы, цель которой дестабилизировать обстановку в стране (в России), по возможности организовать «оранжевую революцию», а за пределами страны – усилить антироссийское настроение и ухудшить репутацию России в странах НАТО и соседей России.

2. Навязчивая попытка выставления России «варварской», «агрессивной», во всем уступающей Западу, внушение идей русофобии через

антироссийские СМИ (Польши, Украины и других стран), а также через несистемную оппозицию.

3. Поддерживание сепаратистских настроений, антироссийских проектов («Украина – не Россия»).

4. Разжигание ненависти к представителям власти.

5. Идея о том, что православие – зло, что церковь затормаживает развитие науки.

6. Распространение русофобских книг, журналов, чтобы посредством литературы внушать людям свои идеи [1].

Список использованной литературы

1. Вишневский: Русофобия madein Poland [Электронный ресурс] // Международная мониторинговая организация CIS-EMO CIS-Europe Monitoring Organization. – Режим доступа: http://www.cis-emo.net/ru/news/vishnevskiy-rusofobiya-made-poland. – Дата доступа: 01.11.2020.

2. Волконский, А. М. Историческая правда и украинофильская пропаганда / А. М. Волконский. – СПб. : Питер, 2016. – 208 с.

3. Дыбковская, А. История Польши с древнейших времен до наших дней / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын ; под ред. А. Сухени-Грабовской, Э. Цезары Круля ; пер. с пол. Р. Амиряна [и др.] ; под ред. М. Белевич. – Варшава : Науч. изд-во ПВН, 1995. – 380 с.

4. Захарченко, В. Ю. Кровавый евромайдан – преступление века / В. Ю. Захарченко. – СПб. : Питер, 2016. – 480 с.

5. Захарченко, В. Украина сегодня – это политический Чернобыль [Электронный ресурс] / В. Захарченко // Волгоградская правда. – Режим доступа: https://vpravda.ru/politika/vitaliy-zaharchenko-ukraina-segodnya-eto-politicheskiy-chernobyl-26902/. – Дата доступа: 01.11.2020.

6. Коровин, В. Конец проекта «Украина» / В. Коровин. – СПб. : Питер, 2015. – 256 с.

7. Неменский, О. Русофобия как идеология / О. Неменский // Вопр. национализма. – 2013. – № 1 (13). – С. 26–65.

К содержанию

УДК 9.94

Е. А. СИДОРОВИЧ
Минск, БГУ
Научный руководитель – В. А. Федосик, д-р ист. наук, профессор

ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В ХРИСТИАНСКОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ (X–XV ВВ.)

В статье рассматривается юридическое положение еврейского населения христианских королевств Испании в течение периода Реконкисты. Автор обращается к испанской историографии, различным местным фуэрос, кодексам права и официальным постановлениям Рима, чтобы проследить за траекторией политики испанских королей в отношении иудеев от разрешения службы при дворе до официального изгнания с полуострова.

После арабского завоевания Пиренейского полуострова новообразованное Астуро-Леонское королевство стало отправной точкой для процесса Реконкисты. Во время постепенного отвоевания и колонизации земель, бывших во владении мусульман, перед христианскими королями встал еврейский вопрос. Сначала для его решения использовали старую вестготскую линию, которая носила явный антиеврейский характер. Эта политика вытекала также из убеждения в необходимости религиозного единства в королевстве, а следовательно, никакие религиозные меньшинства не приветствовались [3, с. 383]. Убеждение в необходимости единой веры также имеет вестготские корни. В испанской историографии первую попытку установления подобного единства связывают с деятельностью вестготского короля Леовигильда в отношении арианства [5, с. 401]. Но поскольку она провалилась, то истинным творцом подобной ситуации в королевстве считается его сын Реккаред I, который выбрал в качестве единой веры католичество. Тем не менее в различных фуэрос мы можем встретить определенные послабления в антиеврейской политике. Например, фуэро Кастрохериса 974 г. устанавливает одинаковое наказание за оскорбление и убийство еврея и христианина [4].

Присутствие евреев в Галисии, Леоне, Бургосе и Каталонии прослеживается по договорах купли-продажи и аренды сельских мест, в частности виноделен. Юридически в это время нет никаких ограничений в сфере собственности для евреев.

В 1017 г. король Леона Альфонсо V отменил все антиеврейские постановления, оставшиеся в наследство от вестготов. Напомним, что титул II и III книги XII Вестготской правды содержал различные ограничения для евреев и конверсос – перешедших в христианство иудеев [1, с. 729]. Факт их отмены говорил о превращении евреев из маргиналов в

признанную общность на территории королевства. Это смещение акцентов привело к антиеврейской волне насилия, первые акты которой задокументированы в Кастрохерисе в 1035 г. Также известно о подобных акциях в Альярисе в 1044 г. и Вихере в 1047 г. На этой волне в 1055 г. состоялся Собор в Коянсе, который среди прочих реформ установил запрет христианам принимать пищу и ночевать в компании иудеев, что можно определить как сегрегационные меры.

Примечательно, что вместе с отдельными ожесточениями в отношении евреев и повышением общественного градуса неприятия их обществом мы наблюдаем также прецеденты дарования этому религиозному меньшинству определенных привилегий и попытки создать минимальный юридический базис для облегчения существования иудеев на христианской территории. Эта тенденция особенно прослеживается в периоде изменения внутренней политики в отношении евреев на мусульманской части Испании в конце XI и XII в. при правлении династии Альморавидов. Гонения вынудили их к миграции в христианскую часть, в городах которой образовывались aljamas (еврейские кварталы) с административной и судебной автономией. Также в фуэро Альфоно VI 1076 г. устанавливался штраф за убийство еврея в 250 суэльдов, что было больше, чем за убийство простого сельского жителя [3, с. 384].

В качестве противоречия между юридическими сегрегационными мерами и практическими исключениями из общих правил можно привести запрет папы Грегория VII в 1078 г., согласно которому иудеи не могли занимать государственные должности. Этот запрет был официально подтвержден королем Альфонсо VI спустя три года, однако при его дворе служили Иишак ибн Салиб и Раби Йосеф а-Наси Феррусиэль. Это представители важных придворных-евреев, наличие которых среди приближенных к испанским королям, несмотря на общеевропейские тенденции католических стран, объяснялось прагматической ролью оных с конца XI до XIII в. в политико-территориальной организации королевства в условиях инкорпорации новых земель, отошедших от Тайфас.

Следующая волна миграции иудеев в Каталонию, Арагон и Кастилию связана с приходом к власти Альмохадов, которые ужесточили требования к религиозным меньшинствам в мусульманской части Испании: обязательный переход в ислам евреев и мосарабов или смерть. С этого момента количество евреев, состоящих на государственной службе католических испанских королевств, неуклонно росло: чаще всего их назначали на фискальные и медицинские должности. Из-за существенной волны миграции в испанские города евреи оказали влияние на формирование социологического облика средневекового испанского города. При этом жили они по-прежнему в aljamas, что позволяло им не ассимилироваться с хрис-

тианским населением, сохраняя свою этническую специфику. Со второй половины XII в. в различных документах появляется концепт servidumbre в отношении евреев, что, с одной стороны, свидетельствовало об ограничении их имущественных прав, а с другой – гарантировало королевскую защиту. Впервые этот концепт мы встречаем в фуэро Тэруэля в 1177 г., где сказано, что иудеи служат королю [3, с. 387].

С XIII в. наблюдается вновь регресс в отношении толеранства к религиозным меньшинствам, который проявлялся в области юриспруденции и официальных доктрин. Латеранский собор 1215 г. постановил, что ожидает от иудеев в неопределенном будущем переход в христианство. В течение XIII и XIV вв. местные собрания в Вальядолиде, Лериде, Таррагоне и Паленсии были посвящены вопросу сосуществования христиан, евреев и мудехаров. Собор в Заморе 1313 г. подтвердил заключение Летранского собора, а также потребовал физическое разделение иудеев и христиан, обязал носить первых какие-либо определяющие их знаки, запрещал строить новые синагоги и появление на публике в определенные дни.

Еврейский вопрос обсуждался на множестве заседаний кортесов со второй половины XIII в. Активизация антиеврейских настроений и тенденции требовали от королей конкретных юридических шагов по защите иудеев. «Семь Партид» Альфонсо X были попыткой унифицировать юридическую ситуацию в королевстве, в том числе и в отношении евреев. Им посвящен титул XXIV Седьмой Партиды. Иудеям запрещалось занимать государственные должности и заниматься медициной [6, с. 670]. При этом устанавливалось уважение к иудейским праздникам и официально признавалась традиция Шаббата [6, с. 672].

Тем не менее XIV в. характеризовался нарастанием антиеврейских настроений, что выражалось в погромах еврейских кварталов по всей территории Западной Европы. Эту особенность выделяют как общеевропейскую тенденцию [3, с. 400], которая неизбежно вела к полному изгнанию иудеев из католических королевств. Но до этой исключительной меры иудеям предлагалось перейти в христианство и стать конверсос. Многие пользовались этим шансом: например, Карвахаль и Санта Мария – известные семьи-конверсос, которые генеалогически происходили от евреев, но, перейдя в лоно католицизма, добились определенных успехов при королевском дворе и оставили след в истории не только Испании, но и Латинской Америки [7, с. 10].

Официальное изгнание евреев из Испании связано с Альгамбрским декретом, который был подписан в том же году, когда закончилась Реконкиста, – 1492. Им было четко определен срок либо перехода иудеев в христианство, либо выезда из королевства. Единство веры как символ единения страны [2, с. 313], которая, наконец, была объединена под

властью католических королей, было тем идеалом, к которому стремились Изабелла Кастильская и Фердинанд II Арагонский. Таким образом, конфессиональная история средневековой Испании хоть и развивалась неравномерно с определенными уступками иудеям, однако закончилась рефреном из эпохи вестготов.

Список использованной литературы

1. Вестготская правда (книга приговоров): Латинский текст. Перевод. Исследование / ред. О. В. Ауров, А. В. Марей. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2012. – 944 с.
2. Dufourcq, Ch.-E. Historia económica y social de la España Cristiana en la Edad Media / Ch.-E. Dufourcq, J. Gautier-Dalché. – Barcelona : Ediciones “El Abrir”, S. A., 1983. – 456 p.
3. Economía y sociedad en la España medieval / C. de Ayala Martínez [et al.]. – Madrid : Fernández Ciudad, S. L., 2004. – 456 p.
4. Fuero de Castrojeriz [Resurso electrónico]. – Modo de acceso: https://www.castrojeriz.com/historia/fuero-de-castrojeriz. – Fecha de acceso: 28.03.2021.
5. Garcia Villoslada, R. Historia de la Iglesia en España. T. 1. La Iglesia en España romana y visigoda (siglos I–VIII) / R. Garcia Villoslada. – Madrid : Biblioteca de autotes cristianos, 1979. – 759 p.
6. Las siete partidas del rey Alfonso el Sabio. T. III. Partida Quarta, Quinta, Sexta y Septima. – Madrid : Imprenta Real, 1807. – 796 p.
7. Martínez-Dávila, R. L. Creating Conversos: The Carvajal – Santa María Family in Early Modern Spain / R. L. Martínez-Dávila. – University of Notre Dame Press, 2018. – 365 p.

К содержанию

УДК 94(430).082

С. М. ЧЕРНЯКЕВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. И. Пашкович, канд. ист. наук, доцент

ИСТОКИ ГЕРМАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

В статье рассматриваются предпосылки, приведшие к появлению в последней четверти XIX в. Германской колониальной империи; деятельность сторонников активной колониальной политики, а также связь с политической ситуацией того времени в Германии и мире.

24 апреля 1884 г. был провозглашен протекторат Германской империи над районом вокруг бухты Ангра-Пекена, которая расположена на юго-западе Намибии. Участок площадью 45 000 км^2 стал основой для первой германской колонии – Германской Юго-Западной Африки [3, с. 185].

Этому событию предшествовал длительный процесс закрепления в немецком обществе идей о потребности колониальной экспансии. Условно, исходя из схожих тезисов, можно разделить эти идеи на три группы: политические, экономические и идеологические.

Стоит также отметить, что в чистом виде эти идеи практически не встречаются. Зачастую публицисты и пропагандисты колониального движения пытались привести самый широкий круг аргументов, включающих, к примеру, и распространение религии, и пользу от сбыта промышленных товаров, и смягчения демографического давления в метрополии.

Первым немецким публицистом, который заявил о колониальном вопросе, часто называют Фридриха Фарби. В 1879 г. им была выпущена брошюра «Нужны ли Германии колонии?», за что его назвали «отцом немецкого колониального движения». В своей работе он выдвинул ряд тезисов, которые, по его мнению, оправдывали стремление к обретению колоний. Во-первых, следует указать, что публицист ссылается на общественное мнение, которое в 1870-х гг. начало проявлять заинтересованность в этом вопросе. Во-вторых, он указывает причины возникновения такого интереса к колониям: это экономическое положение Германии, кризис в торговой и таможенной сферах и активное развитие военного флота. И в-третьих, приводит свои аргументы необходимости колониальной экспансии, которые связаны с демографическим давлением. Так, Фарби указывает, что с ростом населения будет расти безработица, что в свою очередь а) повлечет неконтролируемую эмиграцию, б) будет способствовать росту популярности революционных идей, в) будет и дальше привносить в общество хаос из-за неудовлетворительного материального положения населения. Что касается неконтролируемой эмиграции, его идея состояла в следующем: если люди в поисках лучшей жизни будут уезжать за море, лучше было бы, чтобы они уезжали не в Великобританию или США, а в колонии Германии, что способствовало бы и процветанию государства, поскольку переселенцы продолжали бы работать на его благо, и процветанию переселенцев, и просвещению туземных народов, которые при контактах с переселенцами воспринимали бы европейскую культуру. Также в этом аргументе можно увидеть попытку заинтересовать колониальным вопросом националистов, поскольку подразумевалось, что эмигранты со временем забудут свою родную культуру [7].

Стоит также отметить, что Фарби призывал заимствовать опыт колониальной политики Великобритании, а также указывал на французского экономиста Леруа Больё, который предсказывал господство в мире той нации, которая будет иметь больше колоний [7].

При этом Фарби понимал, что колониальные предприятия будут требовать субсидий и расходов, в том числе на дальнейшее усиление флота, но считал, что экспансия – это также и способ объединить нацию, дав ей четкую цель и направление движения [7].

Кроме всего перечисленного, Фарби затрагивал и экономическую пользу от сбыта в колонии излишков индустриальных товаров. Однако исследователи определяют, что вопрос об экономической пользе колоний был рассмотрен задолго до Фарби.

Так, называют имена Ф. Листа и В. Рошера, которые обосновывали потребность в колониях задолго до объединения Германии. В частности, Ф. Лист еще в 1841 г. в своем труде «Национальная система политической экономии» указывал, что важнейшая задача Германии заключается в недопущении ситуации, когда вся торговля с экономически отсталыми странами будет сосредоточена в руках Англии. Он призывал бороться с попытками установления колониальной монополии какой-либо одной державы. Также им была высказана идея о континентальной экспансии в сторону Турции и других стран Ближнего Востока [6].

Развивал идею экспансии Германии на Восток и другой экономист, В. Рошер. В работе 1856 г. «Колонии. Колониальная политика и эмиграция» он указывал на большие перспективы в переселении немцев в слабеющую Турцию, считая, что путем мирной миграции можно добиться большего, чем колонизацией заморских регионов [4].

Известно, что немецкие граждане владели землями и факториями за пределами европейского континента задолго до 1871 г., но именно объединение Германии называют одной из главных причин подъема интереса к активной колониальной политике. В частности, появляется целая плеяда идеологов немецкого превосходства. Историк и публицист Г. Трейчке после коронации Вильгельма I в Версале писал: «С помощью силы и войны создана Германская империя, с помощью силы и войны она укрепила свое положение в Европе, с помощью силы и войны она должна завоевать мировое господство» [4].

Во второй половине 1870-х гг. появляется проект «Великой Германии» анонимного автора, в основе которого лежала идея о превосходстве немецкого народа, о его особой миссии. По мнению автора проекта, Германия могла достигнуть положенного ей «места под солнцем» только путем отчуждения владений Франции, Великобритании и России [4].

В качестве еще одного пропагандиста колониального движения называют также имя экономиста из Гамбурга В. Хюббе-Шляйдена, из-под пера которого в 1879 г. вышло сочинение «Эфиопия». В нем он писал о возможностях расширения рынков Германии в африканских колониях, а также на основе опыта своих путешествий указывал нетронутые никем регионы. Также он является автором колониальной программы, которая была изложена в сочинении 1880 г. «Иностранная политика». Она включала в себя план экономической экспансии через организацию, расширение деятельности колониальных торговых обществ и различных предприятий. В более поздних трудах он обосновывал идею тотальной колонизации народов Африки для того, чтобы приобщить ее население к труду [6].

Другой радикальный публицист по социальным вопросам Эрнст фон Вебер в своих трудах рассматривал вопросы переселения в германские колонии. Основным аргументом для обладания колониями он называл идею о массовом переселении революционных сил из Германии [6].

Возможно, колониальные идеи так и остались бы только в умах экономистов и идеологов-радикалов, если бы не заинтересованность в экспансии буржуазии Германии, которая начала объединяться в различные союзы, организации и общества. Самой крупной организацией считается созданный в 1882 г. Германский колониальный союз. Через два года было учреждено Общество германской колонизации. Своей целью они называли аккумуляцию колониального капитала, поиск пригодных для колонизации регионов, а также помощь переселенцам [1, с. 51].

Интерес представляет Воззвание Германского колониального общества 1884 г. В нем суммированы многие предыдущие тезисы – об эмигрантах, потерянных для родины; об экономической зависимости от других колониальных держав: «Германия импортирует продукцию тропических зон через иностранные поселения, тем самым ежегодно тратятся многие миллионы германского капитала, которые идут на пользу чужим нациям»; о потребности в рынке сбыта. Заканчивалось Воззвание требованием «практического и энергичного действия» [2, с. 290].

Популярность таких организаций быстро росла. Так, Германский колониальный союз, начав с 200 человек при основании, к 1884 г. насчитывал до 9 тыс. человек. В руководство организаций входили крупные промышленники, политики и аристократы. Это обеспечило этим обществам возможность лоббировать свои интересы перед правительством.

Сила сторонников колониальной экспансии к середине 1880-х гг. стала очевидна. О. фон Бисмарк, всегда заявлявший о том, что он противник колониальной гонки, в 1884 г. в течение трех недель удовлетворил просьбу купца А. Людерица о защите его собственности – земель вокруг бухты Ангра-Пекена. Уже 26 июня в рейхстаге он заявил:

«Империя должна предоставлять защиту и поддержку тем своим подданным, которые, проявляя мужество, энергию и воодушевление, приобретают заморские территории» [5, с. 351].

В числе факторов, повлиявших на решение «железного канцлера», называют также усилившиеся противоречия между другими державами: соперничество Франции и Великобритании в Египте, а также противостояние России и Великобритании в Средней Азии, что позволило Германии совершить акт активности, не боясь противодействия.

Таким образом, ряд внутренних и внешних факторов позволил Германии в короткий срок совершить колониальный рывок. Среди этих факторов можно выделить: активную внутреннюю пропаганду колониальных идей, заинтересованность крупного капитала в колониальных приобретениях, а также подходящую внешнеполитическую ситуацию.

Список использованной литературы

1. История Германии : учеб. пособие : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча. – М., 2008. – Т. 2 : От создания Германской империи до начала XXI века. – 672 с.

2. История Германии : учеб. пособие : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча. – М., 2008. – Т. 3 : Документы и материалы. – 592 с.

3. История дипломатии. Т. II / авт. тома В. М. Хвостов ; под ред. Г. Вербицкого. – М., 1963. – 820 с.

4. Ряполов, В. В. «Колониальный вопрос» в Германии (1870-е – 1880-е годы): в поисках национально-государственной идентичности [Электронный ресурс] / В. В. Ряполов // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article. – Дата доступа: 25.03.2021.

5. Чубинский, В. В. Бисмарк: Политическая биография / В. В. Чубинский. – М., 1988. – 416 с.

6. Шмидт, В. О проблеме переселения в немецкие колонии по материалам колониальных журналов и публицистике Германии [Электронный ресурс] / В. Шмидт. – Режим доступа: https://articlekz.com/article/18251. – Дата доступа: 25.03.2021.

7. Friedrich Fabri, Bedarf Deutschland der Kolonien? [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: https://geschichtsbuch.hamburg.de/wp-content/uploads/sites/255/2016/05/Quelle-Bedarf-Deutschland-der-Kolonien.pdf. – Datum des Zugangs: 25.03.2021.

К содержанию

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 94(476)

С. А. ЖУК
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – І. І. Шаўчук, д-р гіст. навук, дацэнт

АДНАЎЛЕННЕ АСПІРАНТУРЫ АН БССР У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1940-Х ГГ.

У артыкуле разгледжаны асноўныя заканамернасці аднаўлення аспірантуры ў АН БССР у другой палове 1940-х гг., паказаны ўмовы аднаўлення навучання аспірантаў у Акадэміі, выяўлена значэнне дзяржаўнай палітыкі ў эвалюцыі формаў і напрамкаў падрыхтоўкі.

Неабходнасць аднаўлення і развіцця навуковага патэнцыялу АН БССР у другой палове 1940-х гг. дэтэрмінавала патрэбу ўмацавання кадравага патэнцыялу, што, у сваю чаргу, стала трыгерам развіцця інстытуцыянальных форм падрыхтоўкі навукоўцаў: была адноўлена кандыдацкая аспірантура, створана сістэма экстэрнату. Акадэмія накіроўвала аспірантаў у доўгатэрміновыя камандзіроўкі ў навукова-даследчыя ўстановы АН СССР. Важнасць гэтай працы неаднойчы падкрэслівалася ў рашэннях дырэктыўных інстытутаў кіравання БССР, а таксама на ўзроўні органаў кіравання Акадэміяй.

Арганізацыя навучання ў аспірантуры АН БССР вялася ў адпаведнасці з Палажэннем "Аб аспірантуры" (1939), Палажэннем "Аб аспірантуры АН Беларускай ССР" (1939 г., зменена і дапрацавана ў 1950 г.) [1, арк. 16]. Штогод у Акадэміі арганізоўвалася прыёмная камісія, якую ўзначальваў адзін з віцэ-прэзідэнтаў (у другой палове 1940-х гг. гэта быў В. А. Лявонаў, які ў рабочым парадку курыраваў усю падрыхтоўку навукоўцаў ва ўстанове). Для прыёму ўступных іспытаў ствараліся прадметныя камісіі, у якія ўваходзілі дырэктары даследчых устаноў альбо іх намеснікі па навуковай рабоце, дактары альбо кандыдаты навук, а таксама навуковыя кіраўнікі [2, арк. 29–30]. Выключэннем з'яўлялася камісія па замежнай мове, што звычайна складалася з загадчыкаў профільных кафедр Мінскага педінстытута, а з 1949 г. – педінстытута замежных моў.

Штогод назіралася тэндэнцыя парушэння тэрмінаў залічэння (1 ліпеня – 15 верасня) [3, с. 174]. Асабліва яскрава гэта праявілася падчас першай пасляваеннай кампаніі, якая завяршылася толькі ў жніўні 1946 г.

у сувязі з пачаткам новага прыёму. Загады па Акадэміі сведчаць, што не менш за 50 % аспірантаў былі залічаны ў другой палове лістапада – першай палове снежня. Мелі месца выпадкі залічэння даследчыкаў у студзені наступнага года.

Гэта сітуацыя з'явілася лагічным наступствам цяжкасцяў з падборам кандыдатаў у аспірантуру, чаму спрыялі наступныя негатыўныя фактары: складанасці з падборам кандыдатаў, якія мелі вопыт практычнай работы, абмежаваныя магчымасці залічэння выпускнікоў ВНУ [4, арк. 92], слабае інфармаванне праз СМІ. Разам з тым да 1948 г. у АН БССР не было ніякіх памяшканняў для аспіранцкага інтэрната, у сувязі з чым “абітурыенты”, што не мелі жылля ў Мінску, нават не дапускаліся да ўступных іспытаў. Толькі ў 1949 г. на трэцім паверсе галоўнага корпуса Акадэміі частка пакояў была абсталявана пад названыя патрэбы, аднак у сувязі з павелічэннем колькасці акадэмічнай аспірантуры пытанне было вырашана толькі часткова. Не менш за 60–80 аспірантам у пачатку 1950-х гг. не хапала пакояў у інтэрнаце.

5 мая 1948 г. Прэзідыум прыняў рашэнне аб адкрыцці завочнай аспірантуры, а таксама “зацвердзіў план прыёму ў 50 чалавек”. Ён на працягу года неаднойчы пераглядаўся і ў выніку быў зменшаны да 25 чалавек. Першая прыёмная кампанія 1948/1949 гг. праведзена нездавальняюча, і да сакавіка 1949 г. у завочную аспірантуру залічана толькі 14 чалавек, хаця планам прадугледжвалася 25 [5, арк. 9]. Адкрыццё завочнай аспірантуры дазволіла прыцягнуць у аспірантуру настаўнікаў школ, ІТР, дзяржаўных служачых. Першапачатковыя планы арганізацыі завочнай аспірантуры сведчаць пра намеры кіраўніцтва Акадэміі пашырыць гэтую форму навучання даследчыкаў такім чынам, каб іх колькасць зраўнялася з аспірантамі дзённай формы. Найбольшае распаўсюджванне завочная аспірантура атрымала ў інстытутах Аддзялення грамадскіх навук, а таксама ва ўстановах, якія практычна не мелі сваёй матэрыяльна-тэхнічнай і вопытна-вытворчай базы.

Аднак завочная аспірантура ўжо ў канцы 1940-х гг. не апраўдала спадзяванняў кіраўніцтва Акадэміі. Матэрыялы рэспубліканскай праверкі 1951 г. сведчаць, што сістэма работы з аспірантамі-завочнікамі фактычна не была сфарміравана. Штогод 5–7 завочнікаў адлічваліся за “страту сувязі з навуковым кіраўніком”. Кіраўніцтва навуковых устаноў не ведала, чым займаюцца аспіранты. Той жа праверкай, напрыклад, выяўлены факты прызначэння аспірантам 1949 г. набору навуковых кіраўнікоў толькі ў 1951 г. (Інстытуты торфу, хіміі, меліярацыі, воднай і балотнай гаспадаркі), а ў Інстытуце літаратуры, мовы і мастацтва мелі месца выпадкі зацвярджэння тэмы дысертацыі толькі на трэцім годзе навучання [6, арк. 8б, 10, 27–31].

Падрыхтоўка навукоўцаў праз кандыдацкую аспірантуру ажыццяўлялася ўсімі даследчымі ўстановамі Акадэміі, за выключэннем

Літаратурнага музея імя Янкі Купалы і Сектара жалезачыгуннага ліцця і жалезачыгунных канструкцый, які існаваў у 1945 г., а потым быў уключаны ў склад Фізіка-тэхнічнага сектара. Дынаміка агульнай колькасці аспірантаў па ўстановах прадстаўлена ў табліцы.

Табліца – Дынаміка агульнай колькасці аспірантаў у АН БССР у 1945–1949 гг.

Навукова-даследчая ўстанова	**Год**					
	1945	Жнівень 1946	1946	1947	1948	1949
Аддзяленне грамадскіх навук						
Інстытут гісторыі	10	12	14	11	7	10
Інстытут літаратуры, мовы і мастацтва	10	7	7	9	9	8
Інстытут эканомікі	2	2	2	6	6	8
Інстытут філасофіі і права	–	–	3	4	4	11
Усяго па аддзяленню	**22**	**21**	**26**	**30**	**26**	**37**
Аддзяленне біялагічных, сельскагаспадарчых і медыцынскіх навук						
Інстытут сацыялістычнай сельскай гаспадаркі	4	11	15	12	13	14
Інстытут геалагічных навук	2	2	3	–	–	–
Інстытут тэарэтычнай медыцыны	3	3	4	4	5	5
Батанічны сад	1	4	4	4	-	-
Інстытут біялогіі	–	–	–	–	3	7
Інстытут меліярацыі, воднай і балотнай гаспадаркі	–	–	–	–	6	7
Інстытут механізацыі сельскай гаспадаркі	–	–	–	–	–	8
Усяго па аддзяленню	**10**	**20**	**26**	**20**	**27**	**41**
Аддзяленне фізіка-матэматычных і тэхнічных навук						
Інстытут торфу	3	3	1	3	4	4
Інстытут геалагічных навук	–	–	–	4	2	5
Інстытут хіміі	5	7	8	7	8	10
Фізіка-тэхнічны інстытут	1	2	2	3	3	8
Інстытут механізацыі сельскай гаспадаркі	–	–	–	5	7	–
Архітэктурны сектар	–	–	–	–	–	2
Энергасектар	–	–	–	–	–	3
Усяго па аддзяленню	**9**	**12**	**11**	**22**	**24**	**32**
Усяго па Акадэміі	**41**	**53**	**63**	**72**	**77**	**110**

Заўвагі. 1. Усе даныя, за выключэннем жніўня 1946 г., прадстаўлены на аснове гадавых справаздач Акадэміі.

2. Даныя за 1950 г. не выяўлены.

3. Назвы ўстаноў і аддзяленняў прыведзены па стане на снежань 1950 г.

4. Агульная колькасць аспірантаў па Акадэміі поўнасцю не суадносіцца з данымі М. І. Галенчыка ў сувязі з тым, што апошні арыентаваўся на матэрыялы ЦСУ.

Аднаўленне і рост аспірантуры адбываліся наступнымі шляхамі: пашырэннем падрыхтоўкі навукоўцаў у даследчых установах (Інстытуты біялогіі, хіміі, Фізіка-тэхнічны інстытут) за кошт павелічэння набораў і адкрыцця новых спецыяльнасцяў, а таксама за кошт адкрыцця аспірантуры ў новых установах АН БССР. У 1947 г. на базе Батанічнага саду і Інстытута сацыялістычнай сельскай гаспадаркі арганізаваны Інстытут біялогіі, а таксама створаны (адноўлены) Інстытут філасофіі і права, а Фізіка-тэхнічны сектар рэарганізаваны ў інстытут. У 1948 г. са складу названай установы выведзены Энергасектар. У 1949 г. тым жа шляхам на базе аддзела жывёлагадоўлі Інстытута сацыялістычнай сельскай гаспадаркі і Сектара лесу Інстытута біялогіі створаны Інстытуты жывёлагадоўлі і лесу, якія ўжо ў 1950 г. пачнуць падрыхтоўку навуковых кадраў. У 1947 г. пасля некалькіх няўдалых спроб Беларуская навукова-даследчая станцыя механізацыі і электрыфікацыі сельскай гаспадаркі перададзена Акадэміі і рэарганізавана ў Інстытут механізацыі сельскай гаспаркі. У 1948 г. на базе Водагаспадарчага сектара і перададзенага Акадэміі Беларускага НДІ меліярацыі і балотнай гаспадаркі створаны Інстытут меліярацыі, воднай і балотнай гаспадаркі. Трэба падкрэсліць, што ў Беларускім НДІ меліярацыі і балотнай гаспадаркі яшчэ ў 1945 г. была створана аспірантура і ўсе навучэнцы ў 1948 г. пераведзены ў АН БССР. Аднак большасць з іх (10 з 15) праходзілі падрыхтоўку ў аспірантуры Акадэміі толькі да лістапада – снежня 1948 г. і былі адлічаны ў сувязі з заканчэннем тэрміну навучання.

Аднаўленне і спробы фарсіраванага развіцця аспірантуры ў другой палове 1940-х гг. у АН БССР з’яўляліся неабходнымі мерапрыемствамі для актывізацыі падрыхтоўкі навуковых кадраў. У 1945 г. адноўлена кандыдацкая аспірантура, у 1945–1947 гг. рабіліся захады па арганізацыі дактаранцкай аспірантуры, якія канчаткова скончыліся няўдачай пасля канцэнтрацыі акадэмічнай дактарантуры ў АН СССР.

Колькасны рост аспірантуры ў другой палове 1940-х гг. адбываўся, перш за ўсё, за кошт першага пасляваеннага набору і адкрыцця завочнай аспірантуры. Трансфармацыя накірункаў падрыхтоўкі ў названы перыяд звязана з надзвычай хуткім аднаўленнем аспірантуры па грамадскіх навуках у 1945–1946 гг. У канцы 1940-х гг. імпульс надаецца аспірантуры інстытутаў сельскагаспадарчага і тэхнічнага профілю, што звязана з неабходнасцю актывізацыі рэканструкцыі сельскагаспадарчага комплексу БССР, а таксама з буйнымі праектамі рэспубліканскага і саюзнага ўзроўню, напрыклад комплекснага асваення Палесся. У сувязі з недастатковым забеспячэннем кадрамі, вытворчымі плошчамі і лабараторным абсталяваннем навучанне ў галіне прыродазнаўчых і дакладных навук не атрымала належнага развіцця.

Спіс выкарыстанай літаратуры
1. Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі (ЦНА НАНБ). – Ф. 1г. Спр. 67. Арк. 56.
2. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 553. Арк. 196.
3. Высшая школа: Основные постановления, приказы и инструкции / сост. М. И. Мовшович. – М. : Совет. наука, 1948. – 616 с.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 61. Спр 387. Арк. 263.
5. ЦНА НАНБ. – Ф. 1г. Спр. 39. Арк. 42.
6. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 73. Спр 5. Арк. 266.

К содержанию

УДК [394:908](476.7)

А. А. ІГНАЦЮК
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – В. Ю. Піліповіч, ст. выкладчык

ШКОЛА І АДУКАЦЫЯ Ў ШТОДЗЁННЫМ ЖЫЦЦІ СЯЛЯН КОБРЫНШЧЫНЫ Ў 30-Я – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 40-Х ГГ. ХХ СТ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ В. БАЛОТЫ)

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці адукацыі сялянскіх дзяцей Кобрыншчыны ў кантэксце сельскай штодзённасці 1930-х – першай паловы 1940-х гг. на прыкладзе в. Балоты. Улічаны сацыяльна-палітычны фон адзначанага перыяду. Вызначаецца ўплыў вясковага паўсядзённага ладу жыцця на арганізацыю і якасць школьнага навучання.

Школа займае значнае месца ў жыцці людзей. Адукацыя дае магчымасць асэнсаваць многія незразумелыя да гэтага рэчы. Аднак дадзены працэс у нашых продкаў амаль стагоддзе назад значна адрозніваўся ад сучаснасці. У 30-я гг. ХХ ст. школьная адукацыя толькі пачынае набываць масавы характар сярод сялянскага насельніцтва, і на яе развіццё ўплываў цэлы шэраг аб’ектыўных і суб’ектыўных фактараў. Мэтай даследавання з’яўляецца рэканструкцыя штодзённасці і асэнсаванне ўмоў, у якіх праходзіла школьнае навучанне і выхаванне дзяцей у адзначаны перыяд. Для гэтага патрэбна адказаць на шэраг даследчых пытанняў: якія абставіны ўплывалі на адукацыйны працэс; як выглядала школьная адукацыя; якім школьным прадметам надавалася большая ўвага; час і месца з’яўлення школ. Актуальнасць дадзенай тэмы заключаецца ў тым, што, асэнсоўваючы мінулае, мы маем магчымасць зрабіць правільныя

высновы з “урокаў гісторыі” і пазбегнуць шматлікіх памылак у будучыні. Неабходнасць неадкладнага вывучэння дыктуецца той акалічнасцю, што разам з людзьмі, якія сыходзяць з жыцця, знікае і “жывая” гістарычная памяць, так і не зафіксаваная да гэтага моманту.

Школьная адукацыя ў разглядаемым рэгіёне была абумоўлена палітычнай сітуацыяй, у якую трапіла тэрыторыя Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. [5, с. 352]. Па ініцыятыве польскіх уладаў тут былі адчынены шматлікія школы, дзе вывучаліся базавыя прадметы (пісанне, чытанне, арыфметыка).

Так, у в. Балоты Кобрынскага раёна было арганізавана некалькі школ. Размяшчаліся яны ў розных кутках сяла з-за шырокага рассялення яе жыхароў. На будаўніцтва вялікай школы не хапала сродкаў, таму размяшчаліся яны ў звычайных хатах, дзе былі прасторныя пакоі: *“Хата, зал такый і всё. Там гэтый гаспадар був з сым’ёю свэю. Кухня була отдельна і всё”* (Сцяпан Ігнацюк, 1928 года нараджэння, в. Балоты) [1]. Школы маглі значна адрозніваецца па памерах. Па-першае, гэта залежала ад мясцовасці, дзе знаходзілася хата. Па-другое – ад колькасці вучняў. Напрыклад, школа, што стаяла ў цэнтры вёскі, была большай за іншыя, што знаходзіліся ва ўрочышчах: *“Школа, шо ў цэнтры стоела, то цымалка була. Школьніков було мныго, а влазылы. А набыта була школа ого-го. Трыста чоловік ходыло”* (Якаў Ігнацюк, 1934 года нараджэння, в. Балоты) [2].

У той час у школу хадзілі дзеці рознага ўзросту: ад 6 да 9 гадоў і больш. Усталяваных нормаў на гэты конт не было. Маленькіх дзяцей, што жылі далёка на хутарах, бацькі баяліся адпраўляць саміх у школу, таму часта чакалі, пакуль яны падрастуць. Сустракаліся выпадкі, калі цяжкае сямейнае становішча не дазваляла дзецям ісці ў школу з шасці/сямі гадоў: *“Маты вмырла, а мыні шість літ було. Батько хозяйство звів, пока нам прывызлы там мачоху. Ну, то мусыть колы, у літ девять у школу пойшов”* (Сцяпан Ігнацюк, 1928 года нараджэння, в. Балоты) [1].

Вясковыя дзеці шмат працавалі дома, і ў многіх не было магчымасці наведваць школу кожны дзень. Сельскагаспадарчая праца перашкаджала дасканаламу навучанню школьнікаў. Часта дзяцей не пускалі ў школу праз дрэннае надвор’е, таму не раз прыходзілася прапускаць заняткі: *“Я у школу ны пошла, бо мороз був. А вона пытае: «А почему ты в школу не прішла?» Я кажу: «Бо ботінкы малыі, подэрты і мороз». А одын ученік як почув, то завжды дражныв: «Чы то тая, шо у школу ны пошла, бо ботінкы подэрты і мороз?»”* (Сафія Левая, 1926 года нараджэння, в. Балоты) [4].

Тэрмін навучання ў розных школах адрозніваўся. Ва ўрочышчы Езвынкы было толькі чатыры класы. У школе, што знаходзілася ў цэнтры

вёскі, навучаліся пяць гадоў. Але не ў кожнага атрымоўвалася скончыць усе чатыры або пяць класаў. Некаторых вучняў, якія вучыліся дрэнна, настаўнікі маглі пакінуць давучвацца па той жа праграме на другі год. З-за цяжкіх эканамічных умоў, у якіх знаходзілася сям'я, некаторыя дзеці маглі ўвогуле прапусціць цэлы навучальны год: *"Я в третій класс пэрыйшов, то і дня там ны був. Служыв я ж по людях. А маты вмырла"* (Сцяпан Ігнацюк, 1928 года нараджэння, в. Балоты) [1]. Шмат школьнікаў не змаглі атрымаць адукацыю праз вайну. Трэба адзначыць, што ў вёсцы некаторы час нават пры немцах працягвалі працаваць школы. Але потым гэтыя ўстановы ўсё роўна спальваліся партызанамі: *"Ну, мусыть, років тры я походыв і всё. Потом як началась партізанка в 1943 году, то зайшлы партізаны, сказалы на діректора школы: «Закрывай». І спалылы"* (Якаў Ігнацюк, 1934 года нараджэння, в. Балоты) [2].

У большасці выпадкаў у школах працавалі настаўнікі з Польшчы. Ад колькасці школьнікаў залежала і іх праца. Калі вучняў было няшмат, то хапала аднаго ці двух настаўнікаў. Так, ва ўрочышчы Езвынкы былі толькі два педагогі. У ходзе працы яны змянялі адзін аднаго: *"Первоначально там мужчына був. А як там яго... Забув. Барсунов чы як? А потом жэншчына була"* (Сцяпан Ігнацюк, 1928 года нараджэння, в. Балоты) [1]. Другім настаўнікам была жанчына, якая кожны дзень прыязджала з Кобрына: *"А шэ учітельніца Галіна звалася. Вона була Кобрыньска. Як день рожденіе було, то ужэ убралася хорошэ і кажа: «Моё день рожденія. Ідітэ наломітэ бэрэзыны». А там на Езвынках була бэрэзына. І наламалы і убралы тую хату. І вчітель прыйіхав. Вона так хорошэ вбрана. Помытаю, шо такое платье хорошэ. І яе поздравлелы, а вона нас командуе"* (Сафія Левая, 1926 года нараджэння, в. Балоты) [4].

Акрамя настаўнікаў, дзяцей навучаў святар. У польскія часы асобнае месца займала духоўнае выхаванне школьнікаў. Таму раз на тыдзень ў спецыяльна вызначаны дзень прыязджаў святар, каб "навучыць дзяцей малітвам": *"І батюшка прыезжав кажду сэроду, молітвы вчылы, «Отче Наш» і всё такое"* (Сцяпан Ігнацюк, 1928 года нараджэння, в. Балоты) [1]. Акрамя таго, падчас такіх заняткаў у пакоі абавязкова павінны былі быць крыж і абразы. У многіх выпадках святар мог сам прыносіць гэтыя рэчы, але не заўсёды гэта было зручна. Так, у школе, што знаходзілася ў цэнтры вёскі, у пакоі на сцяне вісеў вялікі драўляны крыж: *"А крыж, закрыплённый до стыны, і ны забырався, всё время був. І крыж був такый деревянный в тое жэ ж врэмя. І вылызный, на всю стыну, покрашэнный. В углу там ікона була коло крыжа. І становылыся на коліна молытыся. О то обязательно було"* (Якаў Ігнацюк, 1934 года нараджэння, в. Балоты) [2].

Галоўная мэта настаўнікаў заключалася ў тым, каб навучыць дзяцей пісаць і чытаць. Для гэтага былі неабходныя сродкі: сшыткі, атрамантка і

кнігі. Гэтыя рэчы не заўсёды маглі быць у школе. Таму часта прыходзілася бацькам школьнікаў купляць усё самім у горадзе: *"Но школа була платна. А як платна? За тое, шо учыть, то діректор заставлев тэбэ каждый тыждэнь йіздыты в Кобрынь за кныжкамы. Туды кныжкы, туды тое. Значыть, раз ты ученік і ты учышся в школе, то він мае право заставыты, шоб батько йіхав за кныжкамы у Кобрынь"* (Якаў Ігнацюк, 1934 года нараджэння, в. Балоты) [2]. Дзеці абавязкова вывучалі і арыфметыку. Для лепшага яе вывучэння ў школе ва ўрочышчы Езвынкы віселі спецыяльныя лічыльнікі: *"Шчоты о такыі во булы. І там ны то шо лінейка, як зара лінеечка, а кіёчок такый, которым так во гоняешь, як до тых шчотов зайдэш"* (Сцяпан Ігнацюк, 1928 года нараджэння, в. Балоты) [1].

З-за таго, што школы дзейнічалі ў "польскія часы", то мова, якую вывучалі ў школах, была польская. На гэтай жа мове ў асноўным вяліся ўрокі. Аднак больш дасканала польскую мову вывучалі дзеці старэйшых класаў. У ваенны час дзеці пачыналі вывучаць і нямецкую мову: *"Польскый там преподовалы більшым оно классам. А мэньшым по-маленьку подходылы. Русского ны було і белорусского ны було. Немецкый уже усовалы. О то ж пры немцах гэта штука була. Немецкый язык надо було зучаты обязательно"* (Якаў Ігнацюк, 1934 года нараджэння, в. Балоты) [2]. У школьнікаў абавязкова выхоўвалі пачуццё працалюбства. Таму на ўроках працоўнага навучання кожны з вучняў выконваў нейкую працу: *"Ну, колысь дывчета вышывалы, а хлопчыкы робылы корзінкы"* (Сафія Левая, 1926 года нараджэння, в. Балоты) [4].

За дрэнныя паводзіны школьнікаў каралі. Настаўнікі нават мелі права біць вучняў. Віды кар былі самыя розныя: біццё па руках, стаянне на каленях або ў вуглу і інш. Так, у школе ва ўрочышчы Езвынкы святар заставіў вучня стаяць на каленях і трымаць палена на руках за тое, што той разбіў лямпу, якая вісела на стале: *"Батюшка прыезжев. Лампу я побыв. Я по гэтых скамейках біг на пэрырыв і зачыпыв лямпу, і шкло побылось. І за кару то раз трымав якоесь поліно на колінёх"* (Сцяпан Ігнацюк, 1928 года нараджэння, в. Балоты) [1]. Самае распаўсюджанае пакаранне – біццё па руках лінейкай. Пасля гэтага вельмі часта у дзяцей апухалі рукі: *"Но былы ны шкодуючы. Возьмэ пальцы, выжмэ, возьмэ линейку, влупыть. То некоторы раз спэрхнэ. Ну, то яго і боелысь"* (Аляксей Левый, 1931 года нараджэння, в. Балоты) [3]. Часта дзяцей ставілі на калені. Пры гэтым настаўнікі маглі насыпаць гарох ці грэчку, куды і станавіліся школьнікі: *"На грэчку ставылы коліньмы. Ты в наговыцях, то трэбо закотыты. Грэчку насыплють, гороху. І скажуть, шоб ты мінут 20 ілі 30 стоев на колінях. Аж повлазять у шкуру грэчка чы горох"* (Якаў Ігнацюк, 1934 года нараджэння, в. Балоты) [2].

Такім чынам, у ходзе даследавання была разгледжана школьная штодзённасць у вёсцы Балоты на прыкладзе дзвюх школ, якія існавалі ў вызначаны перыяд: школы ў цэнтры вёскі і ва ўрочышчы Езвынкы. Супаставіўшы іх, можна зрабіць выснову, што ў першай і другой навучальных установах сістэма адукацыі амаль не адрознівалася. Гэта дае магчымасць у некаторай ступені распаўсюдзіць вынікі вывучэння і на іншыя сельскія грамады Кобрыншчыны. Адметнасцямі адукацыі, што адбіліся ў далейшым на жыцці людзей, можна назваць заняткі са святаром з мэтай духоўнага выхавання дзяцей, строгасць настаўнікаў, што садзейнічала прывучэнню да парадку з маленства, і навучанне на польскай/нямецкай мовах. Акрамя таго, вызначаны некаторыя праблемы школьнай адукацыі гэтага часу: недахоп патрэбных сродкаў для лепшага навучання, адсутнасць магчымасці пастаянна наведваць школу, пачатак вайны. Неабходна ўлічваць вызначальны факт: працэс навучання школьнікаў праходзіў пад палітычным і культурным панаваннем польскай улады, працягам да надыходу ваеннага часу. У выніку праз увядзенне ў навуковы ўжытак новых вуснагістарычных крыніц, занатаваўшых гістарычную памяць, адбылася спроба рэканструкцыі асноўных момантаў школьнай адукацыі ў кантэксце сялянскай штодзённасці ў 30-я – першай палове 40-х гг. ХХ ст.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Ігнацюк С. І., 1928 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2021.

2. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Ігнацюк Я. І., 1934 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2021.

3. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Левый А. В., 1931 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2021.

4. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Левая С. А., 1926 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2021.

5. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – 613 с.

К содержанию

УДК 94(476)

Д. А. САМАНДЫК
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – А. Ю. Бодак, канд. гіст. навук, дацэнт

УПЛЫЎ САВЕЦКАГА КІНЕМАТОГРАФА НА ВЫХАВАННЕ ВУЧНЯЎ У САВЕЦКІХ ШКОЛАХ У 1930–1953 ГГ.

Гэты артыкул уяўляе сабой незалежнае даследаванне актуальных тэм. Аўтар аналізуе ўплыў дзяржаўнай палітыкі ў галіне адукацыі на фарміраванне асобасных якасцяў савецкага школьніка ў перыяд 1930–1953 гг.

З узнікненнем і далейшым развіццём кінематографа жыццё чалавека істотна змянілася. З дапамогай гэтага віду творчасці чалавек атрымаў магчымасць не толькі прадстаўляць у сваіх думках дзеянні герояў прачытаных кніг, але і пабачыць гэта, адчуць праз створаны рэжысёрам візуальны вобраз. Пасля з’яўлення кіно, якое было знята не па бестселерам, а па асобным сцэнарыям, чалавек зразумеў сілу гэтага элемента творчага жыцця.

Так, любы фільм, як і любы мастацкі твор, можа ўплываць на свядомасць чалавека.

Увага да твораў кінематографа, якія распавядаюць пра жыццё школьнікаў, асабліва да іх ідэалагічнай часткі, у 1930–1953 гг. пастаянна ўзмацнялася. Барацьба з захапленнем камерцыйнымі фільмамі, неарганізаванымі і стыхійнымі наведваннямі кінатэатраў дзецьмі і падлеткамі, пачатак якой быў пакладзены ў 1920-х гг., была працягнута. Барацьба гэтая бачылася, напрыклад, у павелічэнні колькасці фільмаў адпаведнага зместу (пра гераізм юных рэвалюцыянераў, пра савецкую школу, піянерскія арганізацыі, удзел вучняў у калектыўных справах, масавыя мерапрыемствы і рухі і г. д.). Усе фільмы, якія ствараліся для дзяцей, павінны былі быць ідэалагічна вытрыманымі і адказваць асноватворнаму метаду сацыялістычнага рэалізму [4].

У 1936 г. кінастудыя “Межрабпомфильм” былаператворана ў кінастудыю “Союздетфильм” (з 1948 г. яна стала называцца кінастудыяй імя М. Горкага), якая стала непасрэдна спецыялізавацца на фільмах для школьнікаў і моладзі. Усяго з 1936 па 1948 г. на “Союздетфильме” было пастаўлена 77 фільмаў. І хоць усе яны ў першую чаргу прызначаліся для дзіцяча-юнацкай аўдыторыі, школьная тэма не была там асноўнай [4].

Дадзены від савецкага кінематографа не толькі ўплываў на стаўленне школьнікаў да вучобы, настаўнікаў, калектыву, але і спрыяў фарміраванню адпаведных стэрэатыпаў і ўстановак. Велізарны пласт твораў для дзяцей ствараўся шляхам спрашчэння, схематызацыі, абагульнення, якія ёсць

не што іншае, як асноўныя прыкметы стэрэатыпаў. Менавіта гэтыя добрыя, прафесійныя, але не прэтэндуючыя на статус шэдэўраў творы давалі ўзорныя прыклады падобнай з'явы. Іх можна вызначыць як стэрэатыпа-ўтваральніцкія [2].

Адной з важных дзяржаўных задач у 1930-я гг. і ў першыя пасляваенныя гады працягвала заставацца барацьба з дзіцячай бездагляднасцю. У 1930-я гг. гэтай праблеме быў прысвечаны шэраг фільмаў-экранізацый: “Пуцёўка ў жыццё” (1931), “Сямікласнікі” (1938), “Настаўнік” (1939) і інш. Усе гэтыя кінастужкі аперыравалі адным і тым жа наборам базавых элементаў, якія маюць дачыненне як да фабульнай іх часткі, так і да тых ідэалагічных і эстэтычных установак, на якіх трымаецца дадзеная жанравая канвенцыя [1].

Калі ў папярэдні перыяд развіцця кінематографа пра школу сюжэтная лінія замяшчэння сям'і дружным калектывам толькі пачынала развівацца, то ў 1930–1950-я гг. гэта ўжо стала практычна стандартам. Нівеліраванне ролі сям'і (выключэнне складалі толькі ідэалагічна падкаваныя сям'і, якія можна ўбачыць у фільмах “Абудзіце Леначку” (1934), “Прыяцелі” (1940), “Першакласніца” (1948), “Сямікласнікі” (1938), “Два сябра” і інш.) стала вызначальным. Ва ўсіх гэтых стужках рабіўся акцэнт на няўхільнае захаванне нормаў савецкай ідэалогіі і маралі, якія і вызначалі права школьніка быць членам калектыву (класа, каманды, звяна) [4].

Далучэнне да працы і масавых калектыўных спраў вылучалася як важны сродак выхавання юных грамадзян савецкай краіны. Сіла і моц калектыўнай грамадскай працы школьнікаў знайшла сваё ўвасабленне ў цэлым шэрагу фільмаў: “Сенька з «Мімозы»” (1932), “Адчайны батальён” (1933), “Цімур і яго каманда” (1940), “Сінягорыя” (1946), “Насустрач жыццю” (1952) і інш. [3].

У канцы 1930-х гг. у сувязі з напружаным геапалітычным становішчам і магчымай пагрозай перад паступова ўзніклай пагрозай пачатку вайны адной з актуальных дзяржаўных задач выступала ваенна-патрыятычнае выхаванне школьнікаў, адлюстраванае ў фільмах “Асабістая справа” (1939), “Брат героя” (1940) і інш. У пасляваенныя гады тэма патрыятызму і маральнага выхавання школьнікаў у камуністычным духу працягвала быць адной з цэнтральных у выхаваўчым кантэксце (“Чырвоны гальштук” (1948), “Гонар таварыша” (1953) і інш.) [1].

Уласна на школьную тэму ў кінастудыі “Союздетфильм” было знята ўсяго 9 фільмаў (11 %) з 77: “Сямікласнікі” (1938), “Асабістая справа” (1939), “Вясновы паток” (1940), “Брат героя” (1940), “Рамантыкі” (1941), “Сінягорыя” (1946), “Сельская настаўніца” (1947), “Чырвоны гальштук” (1948) і “Першакласніца” (1948) [4].

У савецкім кіно сталінскага перыяду адбылася трансфармацыя вобразаў школьнікаў. Калі ў кінатворах 1920-х гг. персанажы-школьнікі адстойвалі свае права на самастойнасць (напрыклад, каб стаць піянерамі), то ў 1930-я гг. школьнікі ўжо былі здольныя змагацца з ворагамі сацыялізму і працаваць на карысць Радзімы нароўні з дарослымі. Праца, вучоба і барацьба за светлую будучыню выступалі характэрнай рысай для фільмаў 1930–1950-х гг. [3].

Згодна з пастулатам сацыялістычнага рэалізму, настаўнік у фільмах школьнай тэматыкі дадзенага перыяду ўяўляў сабой узор для пераймання як у вонкавым абліччы, так і ў светапоглядным плане. Калі настаўнік з'яўляўся ў цэнтры ўвагі кінарэжысёраў у 1930–1940-я гг., то ён прыраўноўваўся ў сваёй сацыяльна-культурнай ролі да рэвалюцыянера, падзвіжніка, будаўніка новага грамадства.

Такім падзвіжнікам была, напрыклад, Варвара – галоўная гераіня з фільма "Сельская настаўніца" (1947), якая здзяйсняе самаадданыя і смелыя ўчынкі. Па абавязку прафесіі яна едзе ў глухое сяло настаўнічаць, адважна ўступае ў барацьбу з кулакамі і г. д. Яшчэ адзін характэрны прыклад адлюстравання настаўніка – персанаж з фільма "Пуцёўка ў жыццё" (1931), які ўжо не мае ніякага дачынення да дарэвалюцыйнай інтэлігенцыі і, па сутнасці, сам плоць ад плоці, так бы мовіць, аб'ект выхавання. Гэта падкрэслена ўсімі жэставымі характарыстыкамі героя, а таксама яго гатоўнасцю ўжыць гвалт. Адзіны выхаваўчы інструмент у яго руках не адукацыя, што, можа быць, і апраўдана ў адносінах да бездагляднікаў, а прымусовая, але радасная і стваральная праца [1].

Да другой паловы 1930-х гг. на савецкім экране цалкам сфарміраваўся суперстаноўчы вобраз настаўніка, педагога, які атрымаў безумоўнае прызнанне і павагу з боку дзяржавы (ордэны, ганаровыя граматы і іншыя ўзнагароды) і грамадства ў цэлым. Так, галоўнага героя фільма "Настаўнік" (1938) вылучаюць у дэпутаты Вярхоўнага Савета СССР, і гледачы чуюць надзвычай важную для ідэалагічнай канцэпцыі гэтай карціны фразу: "Настаўнік – гэта новы чалавек, і яго такім зрабіла савецкая ўлада!" Аналагічныя экранныя іміджы ўзорных і ўсімі паважаных настаўнікаў, педагогаў былі створаны ў фільмах "Сінягорыя" (1946), "Сельская настаўніца" (1947) і "Першакласніца" (1948) [3].

У цэлым у сталінскую эпоху канструяванне прафесійнага вобраза школьнага настаўніка ўяўляла сінкрэтызм вобразаў савецкага і рускага інтэлігентаў. Старарэжымны вобраз выконваў функцыю легітымацыі ў адносінах да савецкага на падставе агульнага рэвалюцыйнага мінулага. Асноўныя рысы дарэвалюцыйнага інтэлігенцкага міфа (месіянская ідэя, асвета, аскетызм, бескарыслівасць, самаахвяраванне) атрымалі новую

інтэрпрэтацыю ў сталінскай карціне свету. Названыя рысы з гэтага часу гублялі аўтаномію ад улады і ўбудоўваліся ў дзяржаўную ідэалогію [2].

Такім чынам, адным з элементаў савецкай ідэалогіі, які аказваў уплыў на вучняў у 1930–1950-я гг., быў кінематограф.

Уплыў кінематографа сталінскага перыяду на выхаванне школьнікаў быў вялікім у сувязі з тым, што ў ім атрымалі распаўсюджванне тэмы, якія дазвалялі як вырашыць узніклыя пасля рэвалюцыі праблемы, так і выхаваць годнага савецкага грамадзяніна. Сярод гэтых тэм вылучаюцца наступныя:

1. Барацьба з дзіцячай бездагляднасцю (“Пуцёўка ў жыццё” (1931), “Сямікласнікі” (1938), “Настаўнік” (1939) і г. д.).

2. Тэма дамінавання калектыўнага, а не індывідуальнага пачатку (“Абудзіце Леначку” (1934), “Прыяцелі” (1940), “Першакласніца” (1948) і г. д.).

3. Далучэнне да працы і масавых калектыўных спраў (“Сенька з «Мімозы»” (1932), “Адчайны батальён” (1933), “Цімур і яго каманда” (1940)).

4. Ваенна-патрыятычнае выхаванне школьнікаў (“Асабістая справа” (1939), “Брат героя” (1940), “Чырвоны гальштук” (1948), “Гонар таварыша” (1953)).

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Романова, О. Эволюция «школьного фильма» в советском кино [Электронный ресурс] / О. Романова. – Режим доступа: https://urokiistorii.ru/article/1061/. – Дата доступа: 30.11.2020.

2. Федоров, А. Школа и вуз в зеркале советского кино 1920-х – начала 1950-х годов [Электронный ресурс] / А. Федоров, А. Левицкая, О. Горбаткова. – Режим доступа: https://www.kino-teatr.ru/kino/art/kino/4720/. – Дата доступа: 30.11.2020.

3. Челышева, И. В. Советские игровые фильмы эпохи сталинизма (1931–1953) на школьную тему [Электронный ресурс] / И. В. Челышева. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-igrovye-filmy-epohi-stalinizma-1931-1953-na-shkolnuyu-temu/. – Дата доступа: 30.11.2020.

4. Школа и вуз в зеркале советского и российского кинематографа [Электронный ресурс] / под ред. А. В. Федорова, А. А. Левицкой, О. И. Горбатковой. – Режим доступа: https://ifap.ru/library/book595.pdf/. – Дата доступа: 30.11.2020.

К содержанию

УДК 371.3

Г. В. СВЕНТУХОВСКАЯ
Минск, РИВШ
Научный руководитель – С. В. Панов, канд. пед. наук, доцент

РАБОЧИЕ ЛИСТЫ КАК ФОРМА СТРУКТУРИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье представлен теоретический и практический опыт организации работы с текстом учебных пособий. Показано, что это одно из эффективных условий структуризации учебного текста и организации процесса обучения. Объясняются особенности, требования к составлению структурированного рабочего листа, направленного на успешное овладение учащимися различными способами и приемами работы с информацией.

Вызовы современного мира приводят к тому, что учение и обучение должны быстро и без значимых потерь адаптироваться к разным формам взаимодействия учителя и учащихся: очное, дистанционное или онлайн; самостоятельное изучение темы или под руководством учителя. Этот процесс неразрывно связан с обработкой больших объемов информации, ее пониманием и последующей интерпретацией и преобразованием.

Для того чтобы учащиеся могли успешно интерпретировать и извлекать информацию, им необходимо овладеть рядом не только предметных, но и метапредметных умений. Эффективным средством, стимулирующим развитие мыслительной деятельности в процессе работы с информацией, является рабочий лист. Это система заданий по одной теме, предполагающих их последовательное выполнение в процессе знакомства, обработки и преобразования информации по теме урока. В отличие от вопросов и упражнений в рабочей тетради рабочий лист представляет собой своеобразную траекторию учебной деятельности на конкретном уроке.

Структура и содержание рабочих листов отличаются целями и задачами конкретного урока. Их объединяет развитие информационных и коммуникативных компетенций, а задачи могут быть следующими:

– нахождение и выделение в тексте фактов, ключевых слов и словосочетаний, позволяющих структурировать текст;

– формулирование выводов, собственных суждений, умозаключений;

– группировка фактов и явлений;

– умение строить высказывание в письменной форме;

– умение находить информацию, данную в скрытом, неявном виде, и преобразовывать ее;

– самостоятельное приобретение знаний.

При составлении рабочего листа необходимо соблюдать ряд условий. Во-первых, комплекс заданий в рабочем листе должен быть релевантным материалу урока, не ограничивать творческий потенциал учащихся. Количество заданий варьируется временными рамками, отведенными на выполнение. Например, рабочий лист может быть рассчитан на урок либо может заполняться на протяжении нескольких уроков, т. е. объединять несколько тем. Во-вторых, рабочий лист используется учителем как своеобразный план или структура урока, направленные на последовательное выполнение взаимосвязанных заданий. В-третьих, задания должны быть представлены разными уровнями учебной деятельности, чтобы реализовать свои возможности могли учащиеся с разной познавательной активностью (рисунок 1).

<u>РАБОЧИЙ ЛИСТ ПО РАЗДЕЛУ «БССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН»</u>

1. НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ВОССОЕДИНЕНИЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ С БССР

ЗАДАНИЕ 1. СОСТАВЬТЕ ЛЕНТУ ВРЕМЕНИ «ЭТАПЫ ВОССОЕДИНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ С БССР»

ЗАДАНИЕ 2. ОЦЕНИТЕ ПАКТ МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА

Плюсы	
Минусы	
Неоднозначно	

ЗАДАНИЕ 3. Охарактеризуйте преобразования в западных областях БССР. Определите + и – стороны, объясните своё мнение

Преобразования	+/-	аргументирование
обучение на родном языке		
депортирована /выслана/ часть населения		
объединение белорусского народа		
Репрессии		
ликвидация безработицы		
Коллективизация		
увеличение объёма выпускаемой продукции		
запрет деятельности партий		
открытие промышленных предприятий		

Рисунок 1 – Фрагмент рабочего листа «Начало Второй мировой войны. Воссоединение Западной Беларуси с БССР», история Беларуси, 9 класс

В-четвертых, грамотно составленный рабочий лист может заполняться учащимися как под руководством учителя, так и самостоятельно. Задания соответствуют структуре изучаемого параграфа. В-пятых, рабочий

лист должен быть направлен на развитие не только предметных, но и метапредметных компетенций, отражать личностные и регулятивные умения учащихся (рисунок 2).

Где есть насилие — нет дружбы и любви?

1.Объясните понятие

Буллинг ____

____

2. Охарактеризуйте буллинг

	Буллинг
Виды	
Признаки	
Последствия	

Почему буллинг – это болезнь всей группы, а не отдельного человека?

____

____

3. Составьте памятку

Что нельзя делать при буллинге	Что можно делать при буллинге
➢	➢
➢	➢
➢	➢
➢	➢

4. Напишите пять правил общения для предотвращения буллинга в классе и школе:

1. ____
2. ____
3. ____
4. ____
5. ____

5. **Послесловие**

я узнал(-а) / научился(-ась) ____

у меня появились вопросы ____

я поменял(-а) свое мнение ____

я не поменял (-а) свое мнение ____

Рисунок 2 – Рабочий лист «Где есть насилие – нет дружбы и любви (“Межличностные отношения”)», обществоведение, 9 класс

К заданиям в рабочем листе можно представить ряд требований и пожеланий:

– задания не должны быть однотипными, а должны стимулировать к дальнейшему поиску ответов;

– необходимо использовать проблемные задания, предполагающие работу с информацией, ее критическое осмысление и самостоятельно сформулированные выводы;

– вопросы и задания должны способствовать формированию и развитию умений работы с информационным текстом и проектироваться с учетом не только учебного, но и воспитательного потенциала;

– обязательно наличие блока вопросов для рефлексии и самооценки.

Можно назвать несколько примеров заданий, которые интересны учащимся, способствуют их мыслительной деятельности, развивают навы-

ки работы с текстом, формируют информационные и коммуникативные компетенции:

1. «Квадрат Декарта», «Диаграмма Исикавы», «SWOT-анализ», «PEST-анализ», простые и сложные матрицы (или сравнительные таблицы) и другие таблицы 2x2.

Цель – используя теоретические данные, личностный опыт, проанализировать информацию, структурировать ее по заданным параметрам.

Планируемые результаты – установление причинно-следственных связей, развитие исследовательских навыков, умений отделять факты от оценочных суждений, формирование критического мышления.

2. Интеллект-карта и другие формы визуализации.

Цель – визуализация изучаемого материала, систематизация данных.

Планируемые результаты – осознанная обработка информации и запоминание, основанное на ассоциативном мышлении.

3. Анализ изображений, видео (используются QR-коды).

Цель – развитие критического мышления, использование изображений и видеоматериалов как источников работы, формирование навыков работы с ними.

Планируемые результаты – формирование и развитие информационной грамотности, умение переводить информацию из разных знаковых систем в текстовую форму.

Таким образом, рабочий лист – это фактически последовательность действий, заданий, предполагающих работу на уроке и дома. Они являются компетентностно ориентированными, направленными на достижение предметных, метапредметных и личностных результатов учебной деятельности учащихся для реализации личностных творческих и интеллектуальных потребностей.

Список использованной литературы

1. Царенкова, В. В. Логическая структуризация учебного материала как средство систематизации и обобщения знаний [Электронный ресурс] / В. В. Царенкова, С. И. Шпановская // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2014. – № 5 (169). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article. – Дата доступа: 30.12.2020.

2. Панченко, М. Н. Универсальный рабочий лист для работы с учебным текстом на уроках естественнонаучного цикла [Электронный ресурс] / М. Н. Панченко // Педагогика и современность. – 2016. – № 2. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=26009439. – Дата доступа: 25.12.2020.

К содержанию